

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2013

Содержание

1. РАЗГОВОР О МЕРОШЕВСКОМ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. БАЛЬЦЕРОВИЧ ЗНАЕТ, ЧТО НАМ НУЖНО СДЕЛАТЬ
4. ОТКУДА ЗЛО?
5. СТАРЫЕ ПЕСНИ БЕЗ ГЛАВНОГО
6. УКРАИНСКИЙ СВЯЗНОЙ
7. ДОМ ПОД ЛЮТНЕЙ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
10. СЛУЖИТЕЛЬ И ДРУГ ФИЛОСОФИИ
11. ИСПОВЕДЬ ИЛИ НАУЧНЫЙ ТРАКТАТ?
12. МОИ ВСТРЕЧИ С ПОЛЬШЕЙ
13. ФРАСЫНЮК С НЕМЕЦКИМИ НОМЕРАМИ

РАЗГОВОР О МЕРОШЕВСКОМ

Мариуш Кубик: Книга «Письма с острова. Азы политики «Культуры»» Юлиуша Мерошевского, о которой мы хотим сегодня поговорить, открывает новую серию «В кругу парижской «Культуры»», в рамках которой будут переизданы самые важные книги, выпущенные в 1947–2000 гг. «Институтом литерацким» Ежи Гедройца в Мезон-Лаффите.

Юлиуш Мерошевский, до войны — публицист краковского «Иллюстрированного ежедневного курьера», во время войны — военнослужащий II корпуса армии Андерса, в рядах которого он познакомился с Гедройцем, а после ее окончания — эмигрант, осевший в Лондоне. Сторонясь в частном порядке от публичной «светской» жизни, он принял для себя позицию асоциального отщепенца, для которого, как говорил по прошествии лет Ежи Гедройц, существовали собака, сочинительство для «Культуры» и Инка, его вторая жена. Хотя его статьи появлялись в таких лондонских эмиграционных газетах, как «Ожел бялы» («Белый орел») и «Вядомости», именно сотрудничество Мерошевского с «Культурой», начатое в 1950 г., составило и для нее, и для него перелом.

Сам он, как мы знаем, никогда не состоял в редакции «Культуры». И вплоть до своей смерти в 1976 г. не покидал Великобританию. Несмотря на это представляется, что без него «Культура» не стала бы мощным голосом эмиграции, формирующим ее мнения. Он был ровесником Гедройца (оба родились в 1906 г.), и именно с ним Мерошевского соединила интеллектуальная связь, причем не только на страницах журнала, но и в переписке.

Гжегож Гауден (Институт книги): Иногда я сталкиваюсь с мнением, что политическая концепция, которую создала парижская «Культура», уже по существу неактуальна, так как мир пошел в другую сторону. В обильном потоке явлений, в которых политический оппортунизм называют политическим реализмом, нам необходимо возвращаться к тем речам, которые вели Гедройц и Мерошевский. В том числе и поэтому мы планируем издать самые важные публикации парижской «Культуры». В ближайшие годы думаем о двух книгах ежегодно. Будем печатать не только отобранные произведения одного автора, но хотим также издавать монографии, например хотя бы «Католическая Церковь в публикациях

парижской «Культуры»» или «Украина в публикациях парижской «Культуры»».

Мариуш Кубик: В чем причина того, что тексты Меровского по-прежнему столь важны в интеллектуальных и публичных дискуссиях? Ваша первая подборка текстов Меровского — я обращаюсь к Рафалу Хабельскому — вышла в 1997 году. Что в этих текстах важно сегодня, спустя пятнадцать лет?

Рафал Хабельский: Думаю, что существенны две вещи. Прежде всего — способ понимания Меровским публицистики. В его основе — желание добраться до сути проблематики, связанной с вопросом, что надо сделать, дабы политическая ситуация в Польше — а этот вопрос приобрел актуальность после 56-го года — изменялась в интересах польского общества. Но вместе с тем — еще и жажду того, чтобы эта публицистика служила стимулом для таких изменений. Кроме того, он попросту превосходно писал, умел формулировать мысли таким способом, который доступен, как мне представляется, очень широкой группе читателей. «Культура» была элитарным журналом, но творческая манера Меровского не является трудной. Не всё из того, что он писал, приходилось по душе Гедройцу и авторам, публиковавшимся в «Культуре». То, что оно не нравилось коммунистическим властям, более чем очевидно. Но оно не нравилось и в Лондоне тоже. И обратите внимание, что по творчеству Меровского этого не видно. Он не чувствует себя обязанным полемизировать, дискутировать со своими оппонентами, а если дело и доходит до таких дискуссий, то очень редко. Сердцевина его литературной деятельности — ответ на вопрос, что следует сделать, дабы все это начало меняться, эволюционировать из чего-то недемократического в нечто демократическое.

Второе из достоинств, которое я здесь вижу, — это пристальное внимание к восточному вопросу. Если присмотреться к программе УЛБ («Украина-Литва-Белоруссия»), содержащейся в этом писательстве, то можно выдвинуть следующий тезис: польская внешняя политика после 1989 г. представляет собой развитие и продолжение концепции Гедройца и «Культуры», хотя оказывается, что сегодня она не складывается таким образом, как нам бы хотелось, особенно в отношениях с Литвой.

Меровский — это человек, который, невзирая на свое помещичье происхождение, в сфере идей ведет родословную от либерально-демократической традиции. Способ его мышления формируется убежденностью в том, что те вещи, которые случились с Европой и Польшей в 1945 г., требуют анализа более глубокого, чем поверхностная оценка политического финала

Второй Мировой войны, сводящаяся к тезису, что часть Европы оказалась под влиянием Советского Союза и всё, что мы намереваемся делать, обусловлено этим фактом.

Одновременно я также замечаю здесь нечто новое — убеждение, что о современности нельзя думать в категориях прошедшего времени. Прошлое существенно, однако продолжение, непрерывность в смысле способа мышления может привести к роковым последствиям, если одновременно недооцениваются те условия, в которых очутилась Польша после 1945-го. Ввиду этого необходимо прибегать к новым решениям.

В публицистике Меровского можно обнаружить целый ряд требований, которые нашли выражение в польской политической жизни после 1976 года. Одно из таких требований, наблюдаемых в его политическом творчестве с начала 1970-х годов, — союз интеллигенции с рабочими. Можно сказать, что в каком-то смысле оно стало пророческим. Меровский был публицистом, который склонялся к тезису, что Советский Союз не сохранится долго, а это означает, что он треснет по национальным швам. Такого же мнения придерживался и Ежи Гедройц. В обоих случаях: если говорить об уверенности в том, по каким путям станет развиваться политическая ситуация в Польше, и в том, какое будущее ожидает Центрально-Восточную Европу, — он был прав.

Мариуш Кубик: Адам Михник неоднократно называл людей «Культуры» визионерами, и меня интересует, что это означало для вас в случае Меровского и каким способом его тексты присутствовали среди вашего поколения?

Адам Михник: Пожалуй, я бы обратился вначале к вопросу об интеллектуальной традиции Меровского. Разумеется, Рафал Хабельский прав, что именно 1945 год был таким водоразделом. Действительно, польскую реальность требовалось обдумать заново. Но ведь те, кто обдумывал ее заново, всё-таки формировались на каких-то книгах. На мой взгляд, здесь существуют две традиции. Рафал Хабельский говорит о либерализме; в Польше либеральная традиция была очень слабой, нишевой, маргинализованной, и Меровский, собственно говоря, не ссылаясь на нее. В нем имелся такой либеральный дух, который мы обнаруживаем в публицистике самых разных авторов. Это не было либеральной традицией в классическом ее понимании. Я бы сказал, что у него встречаются друг с другом две традиции. Традиция современного, просвещенного ягеллонства, означающего большую открытость на восток, встречается с традицией

холодного политического анализа, присутствующего в трудах консервативной Краковской исторической школы и у Романа Дмовского. Мерошевский был человеком исконно антиэндековским, он не выносил эндеков [национал-демократов], но считал, что никто не умел анализировать политическую ситуацию так трезво, как это делал Дмовский.

Существует письмо Гедройцу от Милоша, который прибегает к аналогии с временами Просвещения, Четырехлетнего сейма. В этом письме содержится утверждение, что польскую политику следует ориентировать на конфликт с двумя противоположными моделями мышления. С таким довольно поверхностным имитированием Запада и с сарматством. Коль вы говорите об актуальности, то я бы сказал, что сегодня это в невероятной степени актуально. По той причине, что сегодня — разумеется, это некоторое травестирование Мерошевского и всей «Культуры», — сегодня, с одной стороны, нас захлестывает тот постмодернистский вздор, где всё дозволено, но неизвестно, о чем идет речь, а с другой стороны, у нас есть радио-марийный синдром и синдром «смоленской религии», иными словами, всё то, квинтэссенцию чего Мерошевский видел уже в Лондоне.

Профессор Хабельский прав: Мерошевский редко вступал в полемику. Зато не до конца правда, что и у Гедройца, и у Мерошевского устремления ограничивались только анализом. Есть такой текст — не помню, помещен ли он в эту антологию, — где Мерошевский в какой-то момент пишет (и я тогда воспринимал это как относящееся непосредственно ко мне): «Обращаюсь к той одной тысячной доле людей в Польше, которые хотят что-то изменить, — выйдите с транспарантами с единственным лозунгом: «Требуем свободных выборов», — и мир это поймет». Поэтому мне кажется, что как Гедройц, так и Мерошевский были устремлены на то, чтобы стимулировать мышление людей в Польше. Одновременно они были весьма недогматичными. И обладали тем сознанием, которое отсутствовало у «непреклонных» из Лондона: что «Мазурку Домбровского» можно играть на очень разных инструментах: и на таком лондонском, и на нью-йоркском, и на том, что из Варшавы, а может быть, и на восточном тоже.

Тем, что носит ключевой характер и что, кроме всего прочего, радикальным образом отличало Мерошевского и «Культуру» от других эмигрантских группировок до 1968 г., — это их убеждение, что идея возврата к концепции Польши до сентября 1939 г. полностью абсурдна. Более того, они говорили о необходимости ревизовать «закон польскости», и, что

характерно, «Культура» в кругах непреклонных лондонцев считалась изданием наполовину большевицким. Если добавить сюда — и в этом состоит разница между «Культурой» и «Свободной Европой» с Новаком-Езёранским — отношение к католической Церкви, то мы заметим, что имеем здесь дело с двумя различными точками зрения. Новак считал, что Церковь — это самое важное гнездо сопротивления польского народа советизации. Поэтому не должно быть места критике какого бы то ни было шага епископов, а в особенности кардинала Вышинского, которого Новак, кажется, первый назвал «примасом Тысячелетия». Гедройц, Меровшевский, «Культура» были достаточно антиклерикальны и недоверчивы. Если смотреть с исторической перспективы, то представляется, что правы были и те и другие. Этот «закон польскости» надо подвергнуть пересмотру, и в указанном смысле я полагаю, что Меровшевский более чем актуален. Потому что сегодня мы снова задаем себе вопрос, что это значит — быть поляком? Каким, собственно говоря, должен быть стержень, смысл польскости? У нас в Польше есть довольно много людей, которые горластостью маскируют свою бездумность. И эта бездумность хочет считаться патриотизмом. Так вот, бездумный патриотизм представляет собой несчастье. Это очень ясно вытекает из работ Меровшевского.

Мариуш Кубик: Позволю себе возвратиться к тому, о чем шла речь только что. Наш очередной собеседник, Анджей Менцвель, обращал внимание на то — процитирую, — что «в «Культуре» Гедройц и Меровшевский добивались, чтобы выбор эмиграции не был тождествен эмигрантщине, а ориентация на независимость — освящению утраченного государства; их позиция обращена в будущее, а не в прошлое, их понятие о независимости включает созидание, а не реставрацию. Если невозможно было застать готовые предпосылки такой позиции, их требовалось создавать, а это всегда ведется методом проб и ошибок; поэтому ошибки неизбежны, но пробы бывают открытием». Мой вопрос состоит в следующем: о чем могли бы узнать из публицистики Меровшевского сегодняшние сторонники сочетания современности с прошлым?

Анджей Менцвель: Первым делом я начну с некоторого дополнения по отношению к тем, кто выступал передо мной. Они справедливо делали упор на нечто такое, что можно назвать восточной политикой или же восточной идеей. Но прежде всего надо сказать, что первый номер «Культуры», который вышел еще в Риме, был тогда, может быть, единственным опубликованным в ту пору в мире журналом, представляющим собой акт веры в Европу. Напоминаю, что это

происходило в 1946 г., а значит, у Европы было очень плохое самочувствие, и тех, кто верит в ее будущее, требовалось искать со свечкой. Во Франции у людей было плохое самочувствие, у нас здесь было плохое самочувствие — по известным соображениям, — и так далее. Сие означает, что первая ориентация «Культуры» была европейской в самом лучшем значении этого слова. Второй элемент тоже был в определенном смысле элементом европейским — вначале шла Германия. Первый заграничный посланец Гедройца, Ежи Стемповский, едет в Германию. Одновременно он ищет там контакты с украинской эмиграцией. Гедройц отправляет Стемповского в Германию, а самый важный текст Меровского, напечатанный «Культурой», — это статья «Германия...» (1954), перепечатанная в том числе и по-немецки.

Тем самым перед нами ориентация на всю Европу, и тут важен целостный историко-политический контекст. Второе дополнение таково: изречение Меровского гласит, что в сентябре 1939 г. из старой Европы выпало дно, и нам не к чему спорить, какой год важен: 1939-й или 1945-й, — важна вся та эпоха, которая, с его политической точки зрения, радикально изменяет всю Европу. Можно очень коротко сказать, что это означает следующее: отпало дно, а стало быть, закончился тот «концерт держав», который господствовал на европейском континенте с 1815 г., а Версальский конгресс был неким его возобновлением, и спустя двадцать лет стало видно, как это окончилось. Что всё это необходимо обдумать заново.

Голос из зала: Вена была в Потсдаме.

Анджей Менцель: Вена была также и в Потсдаме. Это весьма интересно, потому что круг «Культуры» был единственным, который не принял свершившихся фактов в качестве окончательно решающих всё, — вероятно, единственным таким кругом в мире. Соединенные Штаты вообще не хотели затрагивать национальных вопросов в Советском Союзе, в тот период они проводили «политику сдерживания».

Теперь мы добираемся до темы «закона польскости». Текст, в котором Меровский приводит его определение, для меня является, пожалуй, важнейшим из его текстов. Осень 1939 г. Ежи Гедройц провел в Бухаресте. По моему личному мнению, там и тогда он осознал, что те вещи, которые случились в 1939 г., повториться не могут, если Польша вообще собирается существовать. Что это означает, что они не могут повториться? В сентябре 1939 г. враждебными нам были не только Германия и Советский Союз — в действительности все соседи оказались

нашими неприятелями. Что мы сами и спровоцировали своей досентябрьской политикой. В том числе политикой по отношению к национальным меньшинствам. Так сложилось, что Меровский очень хорошо понимал следующее: политика по отношению к меньшинству — это внешняя политика по отношению к соседу. И поэтому требуется уже сразу, прямо с 1945 г., реформировать то, что Меровский назвал «польским законом». Переломными стали здесь 1950–1951 гг. и стечение нескольких обстоятельств, которые тогда сталкивались между собой. Неизвестно, что должно было найти на Гомбровича в Буэнос-Айресе, чтобы он написал «Транс-Атлантик». По правде говоря, во всей польской литературе того времени не было никакого контекста для произведения подобного типа. Тогда же Милош принял решение остаться на Западе и написал статью «Нет». Одновременно какой-то ксендз — его фамилия Маевский, и никогда впоследствии он не появился на страницах «Культуры», — опубликовал в ней письмо, посвященное конгрессу Полонии в Атлантик-Сити. Его участники считали, что Львов и Вильно должны принадлежать Польше, — так же, как Вроцлав, Щецин, а вдобавок еще и Кенигсберг. В тот момент окружение Гедройца увидело, что действительно надо положить этому конец, что это безумие. И так оно началось.

Что собой представляет «закон польскости»? Этот термин не означает закона как монашеского ордена (в польском оригинале — *zakon*, и это слово практически всегда переводится именно как «монашеский орден». — *Пер.*), но точно так же, как и в русском языке, означает «право». Но какое право? Речь идет здесь не о законодательных установлениях, но о том каноне, который служит нашим внутренним законом, нормирующим формы нашего поведения. В этом вопросе проявляется незаурядность Меровского. Он понимает, что необходимо изменить эмоциональные структуры, необходимо начать по-иному ощущать своих соседей и из врагов сделать себе друзей. А когда за этим стоит 500 лет унижений — потому что приблизительно столько их и насчитывается, если вести речь о взаимоотношениях поляков с украинцами, — то сколько же требуется лет, чтобы компенсировать всё это, сколько поколений? В Меровском жило очень сильное осознание бремени такой задачи. Работу над изменением существовавшего до сих пор мышления необходимо начинать сию минуту. Нужно полемизировать, спорить и бороться за это, но желаемое не произойдет немедленно.

Мариуш Кубик: Исследованиями продемонстрировано, что публицистика Меровшевского оказывала большое влияние на рост популярности «Культуры» среди польской эмиграции. Журнал увеличил свой тираж, опережая остальные польские периодические издания за рубежом. В 1962 г. читатели «Культуры» признали Меровшевского самым интересным автором. В этом рейтинге он опередил тогда Чеслава Милоша и Ежи Стемповского. По случаю 25-летия журнала Меровшевского отметили премией «Культуры». Чем объяснялось его положение?

Анджей Станислав Ковальчик: Как многие уже упоминали, Меровшевский принадлежит к числу публицистов не только невероятно конкретных, но еще и литературно одаренных. Чтение Меровшевского до сих пор доставляет удовольствие, и в этом смысле он, помимо прочего, являет собой школу красивого литературного польского языка, которому мы все можем у него учиться. Не случайно в приведенном вами рейтинге он расположился столь высоко. Просто люди читали его с удовольствием.

Адам Михник: Но, кроме того, он вызывал еще и бешенство.

Анджей Станислав Ковальчик: Этого он и добивался. Хотя Меровшевский и неохотно вступал в полемику, но умел двумя фразами сразить противника с необычайной меткостью. Он был полемистом высокого класса, который избегал аргументов личного характера.

Рафал Хабельский: Нельзя выдвигать тезис, что творчество Меровшевского и «Культура» были популярны в эмиграции, об этом свидетельствуют цифры. Первая составленная из текстов Меровшевского книга, которую Гедройц издал тиражом где-то около тысячи пятисот экземпляров, еще имелась в хранилищах Гедройца вплоть до 1989 года. На родине после 1976 г. Меровшевский стал одним из самых популярных авторов неподцензурных публикаций. Посему я был бы поосторожнее с таким тезисом, что благодаря его участию в «Культуре» журнал становился чем-то другим. Меровшевского действительно читали, но находило ли это отражение в тиражах «Культуры»?

Анджей Станислав Ковальчик: Тираж «Культуры» был беспрецедентным среди эмигрантских изданий.

Рафал Хабельский: Оставаясь низким тиражом. В начале 80-х он доходил до 7 тыс. экземпляров. Зато есть еще другая вещь, о которой мне хотелось бы сказать пару слов, — это его связь, какая-то гармонизованность с Гедройцем, который не был

пишущим редактором, что представляет собой нечто феноменальное. Редактор Михник говорил об их переписке, но прошу обратить внимание на переписку за октябрь 56 го, которая даже забавна. Разногласия появляются, когда Гедройц хочет печатать выступления Гомулки, а Меровский говорит, что это слишком далеко идущий ход. Между ними идет спор, стоит это печатать или нет, не закроет ли это «Культуре» дорогу к эмиграции? Зато в вопросе о роли самого «польского октября» им нет нужды согласовывать мнения — они это знают.

Адам Михник: Как-то я спросил Гедройца: откуда вы откопали Меровского? Ведь перед войной он вообще ничего не значил, писал какие-то там хроникальные материалы в Кракове. Гедройц на мгновение задумался: «Знаете, уважаемый пан Адам, — этот разговор происходил в 1976 г., уже после смерти Меровского, — надо делать ставку на людей, которые находятся в безнадежной ситуации; Меровский пребывал в сточной канаве, сидел без денег, никто не хотел его издавать, он не значил попросту ничего, и я решил попробовать, поскольку что-то в этом парне увидел».

Второе мое замечание таково. «Культура» не была в Польше широко известна, она пользовалась популярностью у либеральной элиты. После 1989 г. обнаружилось, до чего поверхностным и хрупким оказалось ее влияние. Элита была гедройцевской, однако же впоследствии быстро оказалось, что огромные секторы нашего общества по существу считают Гедройца большевиком и уж как минимум — масоном. В итоге с «Культурой» дело обстояло так, что для элиты она была безумно важной, так как в ней печатались Герлинг-Грудзинский, Меровский, Милош, Гомбрович, потом Колаковский. Однако весь этот сектор польского мышления не доминировал. Многие люди, в их числе и я, совершили ошибку в оценке польского католицизма. Мы верили, что Церковь — это то же самое, что «Тыгодник повсехный», «Вензь» или «Знак». Оказывается, это не так. Если бы полякам, которые, как известно, любили Войтылу, предстояло самим избирать Папу Римского, то Войтылу они бы никогда не выбрали, а наверно выбрали бы Рыдзыка. Так вот, мне кажется, что в этом смысле Меровский по-прежнему остается вызовом — равно как вызовом являются писатели начала XX века: Бжозовский, Жеромский, Выспянский. Они постоянно ставят перед нами вопросы, которые чертовски существенны. Важен прежде всего отказ от имперского мышления — и тут я думаю, что наше общество за те годы, которые прошли после 1989-го, сдало экзамен. Но, во-вторых, нам необходимо отказаться от

националистического мышления. Здесь я значительно более скептичен, когда наблюдаю нынешнюю экспансию националистического, шовинистического языка как в изданиях, связанных с Церковью, так и в тех, которые связаны с широко понимаемым лагерем «смоленской религии». На мой взгляд, та группировка, с которой я связывал огромные надежды: Тишнер, Турович, Мазовецкий, Возняковский, — сегодня находится в обороне. И в католическом мире она составляет несомненное меньшинство. А побеждает в том мире тенденция католичества из эпохи Саксонской династии. Короче говоря, нужно поздравить профессора Хабельского с тем, что он сделал Меровского более близким нам. Поздравляю также издателей, так как это именно то, к чему призывал Меровский: плыть против течения и упорно придерживаться своих взглядов — только потому, что они верны. Поступать таким образом трудно, но Меровский и «Культура» были на это способны. Подобным умением обладал также тогдашний противник «Культуры», Ян Новак-Езёранский.

Мариуш Кубик: И все-таки жаль, что радиостанция «Свободная Европа» не передавала текстов Меровского, но еще больше жаль, что они не читаются на радио «Мария».

Славомир Поповский: На меня Меровский оказал огромное воздействие. Шла вторая половина 70-х, и тогда я прочитал его превосходную книгу «Неврозы». Эта книга по сути дела определила мое отношение к той действительности, о которой я должен был сообщать из Москвы в качестве корреспондента. Ее чтение позволяло избавиться от того, что является синдромом Тарговицы, избавиться от того, что представляет собой символ вечного восстания, и увидеть страну такой, какова она на самом деле.

Еще одно мелкое замечание. Думаю, сейчас мы в такой ситуации, когда разные круги пытаются использовать Меровского в своих целях. Я замечаю также апеллирование к нему среди тех, кто провозглашает, к примеру, какую-то новую ягеллонскую концепцию или какую-то новую прометейскую концепцию. Мне такие случаи встречаются.

Анджей Менцель: Если можно высказаться *ad hoc*, это очень важно, потому что по отношению к тому, о чем также ранее говорил Адам Михник, идея УЛБ — это отнюдь не возобновление ягеллонской идеи: ни Гедройц, ни Меровский так не думали. А думали они следующим образом: избавьтесь именно от этого представления о доминировании, начните

быть подлинными партнерами, работайте в пользу партнерства.

Адам Михник: Ну, это нечестно и делается с дурными намерениями, ибо вся философия, мудрость и оригинальность Меровского и Гедройца заключаются в том, что они порвали с некой устойчивой схемой в польском политическом мышлении. Эта схема состояла в том, что либо ты прорусский — это линия Велёпольского-Дмовского, ergo, ты антиукраинский, — либо ты трактуешь УЛБ как территории ирреденты, которая позволит расколоть Россию. А Гедройц был одновременно прорусским и проукраинским, он первый печатал русских диссидентов. Помню разговоры с ним в 1964 году. «Что же творится в этой Польше, дорогой пан Адам, у меня уже шестая рукопись из России, а из Польши ничего нет», — спрашивал он у меня. В этом вопросе сделать из Гедройца русофоба означает доказать, что собака — это кошка; такое попросту невозможно.

Славомир Поповский: Уважаемый пан Адам, полностью согласен. Только проблема заключается в том, что как раз-таки нечто подобное случается.

Адам Михник: Быть может, я невнимательно читаю правых публицистов, потому что в действительности читать их внимательно — это выше выносливости моей нервной системы.

Стефан Братковский: Думаю, что, может статься, и нашу Церковь удастся обратить в христианство.

Адам Михник: Стефан всю жизнь был неисправимым оптимистом.

Записал и обработал Аркадиуш Хабера

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Меня беспокоит, что в нашей стране слишком много энергии уходит на формальности и конфликты вместо реформ. Каким бы большим ни казался перерыв между выборами, закончится он быстро. (...) Одного внутреннего голоса совести недостаточно — важно еще и чувствовать ответственность за принятие решений, влияющих на судьбу целого общества, а не только нас с вами. Политик должен руководствоваться трезвым рассудком, знаниями и чувством ответственности», — президент Бронислав Коморовский. («Впрост», 4-10 марта)

• «У Бронислава Коморовского самый высокий рейтинг доверия — его политику одобряют 70% опрошенных», — по данным февральского опроса ЦИОМа. («Жечпосполита», 19 февр.)

• «Конституция Польши (...) по сравнению с основными законами других европейских стран очень консервативна в вопросах регулирования семьи и брака, — говорит президент Бронислав Коморовский. (...) Президент довел до сведения премьер-министра Дональда Туска, что считает попытку законодательно закрепить институт гражданского партнерства противоречащей конституции, а также подчеркнул, что не хочет оказаться в ситуации, когда ему на подпись поступит законопроект, о неконституционности которого он успел заявить публично. Поскольку в лучшем случае данный закон будет направлен в Конституционный трибунал». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 28 февр.)

• «Конституционалист проф. Петр Винчорек полагает, что гражданское партнерство не противоречит конституции. (...) «В конституции говорится о браке и семье, что не исключает гражданского партнерства как такового. (...) О яслях и детских садах в конституции нет ни слова — однако это не означает, что их не существует», — говорит проф. Винчорек, добавляя, что гражданское партнерство противоречило бы конституции в том случае, если бы для него был характерен тот же круг прав и обязанностей, что и для отношений в браке, и та же степень вмешательства государства в эти отношения». (Рената Грохаль, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 1 марта.)

- «Целых 85% поляков признают гетеросексуальные отношения, в то время, как отношения гомосексуальные — только 32%. (...) При этом 57% утверждают, что к гомосексуальным отношениям необходимо относиться терпимо. (...) Против юридического закрепления гомосексуальных отношений выступает 60% опрошенных, за — 33%. Об однополых браках (речь не идет о фактических брачных отношениях) и слышать не хочет 68% опрошенных, а усыновление детей такими парами является недопустимым для 87%. (...) ЦИОМ, 31 января — 6 февраля». («Газета выборча», 28 февр.)

- «Увы, не только Польшу, но и весь мир облетела реплика Леха Валенсы о том, что общество нужно отгородить от гомосексуалистов каменной стеной. Он умудрился повторить это несколько раз. Он, который вошел в историю, перескочив забор Гданьской судоверфи. Он, разрушивший Берлинскую стену. Может, не ведал, что творит? Его обожало пол-Европы, а кто теперь поддержит бедолагу?». (Станислав Тым, «Политика», 6-12 марта)

- «Если кто-то получил на выборах 3%, то пусть и занимает 3% мест (...) В конце концов, они не являются главной общественной силой. Люди живут, чтобы размножаться и платить налоги. Я ничего не имею против гомосексуалистов и не призываю их преследовать. Но я не хочу, чтобы они себя афишировали и занимали чужие места. (...) Поэтому я и сказал, что гомосексуалисты в парламенте должны сидеть в последнем ряду или даже по ту сторону стены», — Лех Валенса. («Жечпосполита», 7 марта)

- «Президент Бронислав Коморовский созвал Совет Кабинета в первый раз чуть ли не за два года. В 2011 г. на повестке дня была степень готовности к председательству Польши в ЕС. А вчера министры под руководством президента обсуждали вступление в зону евро». («Жечпосполита», 27 февр.)

- «В зоне евро находятся различные группы стран, так что вступление в нее может оказаться как благом, так и злом. Чтобы оно оказалось удачным, нужны реформы, которые Польше и так необходимы, чтобы преодолеть спад темпов экономического развития. А всё потому, что без продолжения реформ ослабнут или останутся слабыми три главные движущие силы развития: снизится уровень трудоустройства, по-прежнему низкой останется доля инвестиций в ВВП, а также находящиеся уже два года в критическом состоянии темпы повышения эффективности. Меня шокирует, что эта тема почти не затрагивается в политических дискуссиях,

будучи одинаково безразличной как правительству, так и оппозиции. (...) Большинство участников дебатов о вступлении в зону евро не понимают одного: успех данного мероприятия зависит от того, сделаем ли мы то, что и так необходимо нам для нашего развития, то есть это нужно сделать, даже если проблемы с зоной евро вообще бы не существовало», — Лешек Бальцерович. («Ньюсуик-Польша», 4-10 марта)

- «Сейм ратифицировал фискальный пакт ЕС. (...) Пакт расширяет контрольные полномочия Брюсселя относительно налогово-бюджетной и экономической политики государств-участников. (...) За ратификацию пакта проголосовало 282 депутата, 155 — было против, один воздержался». («Жечпосполита», 21 февр.)

- «Президент Бронислав Коморовский подписал закон, ратифицирующий фискальный пакт ЕС, направленный на укрепление дисциплины в госфинансах стран, находящихся в зоне евро. (...) Пакт содержит золотое правило бюджетной дисциплины, согласно которому годовой структурный дефицит не может превысить 0,5% номинального ВВП. Данная норма должна быть отражена в национальном законодательстве стран-участников, желательно в конституции». («Польска», 1-3 марта)

- «Многие поляки оценивают наше членство в ЕС с точки зрения соответствующих выгод. (...) Мы ведь на это и рассчитывали — что будем развиваться быстрее, что исчезнет дистанция между нами и странами с действительно высоким уровнем жизни. И в определенной степени это происходит. ВВП на душу населения растет. Польша стала гораздо привлекательней для европейских — и не только — инвесторов. Но хотелось бы, чтобы большинство поляков, большинство сознательных избирателей отдавало себе отчет также и в иных возможностях, а также нуждах, связанных с членством в ЕС. Вряд ли того, кто живет под Хайнувкой, не может не интересовать экологическая ситуация в Китае: сколько китайцы выбрасывают в атмосферу двуокиси углерода. Слабый Евросоюз не только хуже защищает свои интересы, но и не может реально влиять на мировую обстановку, а уж тем более на поведение «больших игроков» — США и Китая; да и собственный прогресс вряд ли возможен, в том числе благодаря вносимому Польшей негативному вкладу. Последствия почувствуют все, и в Польше тоже, и не только мы, но также наши дети и внуки. (...) Нужно проводить политику, рассчитанную на долгую перспективу. Мы в Польше в свое время обозначили себе цель на ближайшие несколько лет —

вступление в НАТО и ЕС, а также создание демократического государства. Этого мы достигли. Но сегодня, как и вся Европа, начинаем топтаться на месте, путаясь в собственных штанах», — Лешек Бальцерович. («Политика», 18-19 февр.)

- «Экономический рост в Польше в будущем году может превысить 1,2%. Так оценивает перспективы польского ВВП Европейская комиссия, — заявил премьер Дональд Туск». («Жечпосполита», 22-24 февр.)

- «ВВП — сравнительно простой показатель стоимости произведенных продуктов и оказанных услуг в данной стране за определенное время. (...) Польский ВВП растет, но растет уже довольно медленно (2% в 2012 г., 45-е место). Евростат, наряду с ВВП, приводит и другой показатель — ФИП (фактическое индивидуальное потребление). Он рассчитывается (...) исходя из стоимости продуктов и услуг, но не произведенных экономикой страны, а потребленных среднестатистическим домашним хозяйством. (...) Уровень нашего ФИП составляет 70% от среднеевропейского, а уровень ВВП на душу населения — 65% от среднеевропейского. Индекс развития человеческого потенциала HDI (Human Development Index) охватывает три элемента — кроме ВВП на душу населения, это средняя продолжительность жизни и средняя продолжительность обучения детей и молодежи (Польша на 39 м месте). Международный индекс счастья (Happy Planet Index) также включает объем ВВП на душу населения, но к нему добавляются субъективная удовлетворенность жизнью, рассчитываемая на основании данных опросов, и так называемый «экологический след» (степень воздействия человека на среду обитания), который рассчитывается на основании количества природных ресурсов, потребляемых среднестатистическим жителем страны. (...) Польша занимает здесь только 71-е место, но Европа в целом выглядит не наилучшим образом. (...) The-wheel-to-be-born Index, то есть индекс «Где лучше родиться», включает целых 11 критериев, и это не только фактические данные, но и прогноз на 2030 г. (Польша находится на 33 м месте)», — Цезарий Кованда. («Политика», 13-19 февр.)

- «Средняя зарплата брутто в польских фирмах с количеством рабочих мест более десяти в январе 2013 г. составила 3680 злотых. Из года в год она растет на 0,4% — во всяком случае, в последние десять лет. Реальная же зарплата сократилась на 1,3%». («Жечпосполита», 19 февр.)

- В январе «цены были только на 1,7% выше, чем год назад. (...) В экономике происходят процессы, тормозящие рост цен: темп роста ВВП снижается, инфляционный пресс постоянно слабеет,

начинается ценовая конкуренция между производителями и торговцами, но во избежание дополнительных расходов им приходится снижать стоимость, не повышая зарплату, избавляясь от запасов». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborча», 16–17 февр.)

• «У нас сейчас самая низкая в истории процентная ставка — Совет по денежно-кредитной политике снизил ее вчера на 50 базовых пунктов. Сейчас главная процентная ставка Национального банка Польши составляет 3,25%. Совет по денежно-кредитной политике заверил, что процесс либерализации финансовой политики не закончен». («Дзенник — Газета правна», 7 марта)

• «Почти на 108 млрд. злотых выросли наши финансовые запасы в прошлом году, достигнув 1,08 биллиона злотых. (...) В конце 2012 г. (...) сбережения наших граждан были на 11,6% выше, чем год назад». («Жечпосполита», 26 февр.)

• «Задолженность Государственному казначейству в конце 2012 г. достигла 794 млрд. злотых. В течение года долг вырос почти на 23 млрд. злотых (...) В последние пять лет долг ежегодно увеличивался на 10%. Зато в 2012 г. вырос только на неполные 3%». («Жечпосполита», 5 марта)

• «Министерство юстиции отказалось выделять средства на финансовую помощь бывшим деятелям оппозиции, терпящим нужду без систематической материальной поддержки. (...) И только помощь товарищей помогает активистам бывшей «Солидарности» кое-как сводить концы с концами». (Гражина Рашковская, «Жечпосполита», 5 марта)

• «По данным Евростата каждый третий ребенок в Польше на собственном опыте знает, что такое бедность. Согласно другим исследованиям каждый десятый ребенок недоедает. В свою очередь в отчете Millward Brown утверждается, что для 70 тыс. детей обед в школьной столовой — единственный прием пищи в течение дня». («Дзенник — Газета правна», 4 марта)

• «Почти 8% детей не едят по утрам завтрак и не приносят с собой еду в школу. (...) Более всего недоедают дети в возрасте от 6 до 12 лет. Это может означать, что всего по стране голодает целых 800 тыс. детей — следует из опубликованного вчера доклада «Голод и недоедание детей в Польше», подготовленного Исследовательским домом «Мейсон». («Жечпосполита», 26 февр.)

• «Растет количество преступлений против детей. В прошлом году насилию со стороны взрослых подверглось 4359 несовершеннолетних (на 130 человек больше, чем в 2011 г.). Участились случаи избиения женщин. (...) До девяти выросло число убитых детей (в прошлом году их было пять). («Жечпосполита», 6 марта)

• «При существующих тенденциях население Польши до 2020 г. сократится на миллион человек. (...) Но будь у нас на сегодняшний день на несколько миллионов жителей больше — какой с этого толк, раз мы не знаем, что с ними со всеми делать? Вместо 2–3 млн. нынешних безработных у нас таких было бы целых четыре, дополнительный миллион мы бы выдавили за границу и, несмотря на прирост населения, имели бы то, что имеем», — Марек Орамус. («Жечпосполита», 27 февр.)

• «259 777 трудовых мигрантов с восточной стороны, главным образом украинцев, легально прибыли в прошлом году в Польшу на заработки. Годом раньше их было 164 тысячи. (...) К этим официальным данным надо добавить огромную так называемую «серую сферу», где цифры тоже наверняка выросли. (...) «Польша, однако, ничего не делает, чтобы приехавшие остались здесь подольше», — говорит проф. Кристина Иглицкая, демограф, ректор Института Лазарского. (...) По ее мнению, Польша — это страна, относящаяся к мигрантам довольно жестко: сложно получить разрешение на пребывание и работу более чем на полгода, приезжим предлагаются в основном низкоквалифицированные формы занятости, а людям с высшим образованием приходится изрядно попотеть, чтобы юридически подтвердить свои дипломы. «В итоге они покидают Польшу и отправляются в Италию или Испанию (...)», — говорит Иглицкая». (Иоанна Чвек, «Жечпосполита», 4 марта, исправлено 6 марта)

• «Занимаясь бизнесом, я хочу брать в деловые поездки жену, которая одновременно работает моим помощником. Но ей, гражданке Камеруна, всюду необходимы визы. (...) Польского гражданства она будет ждать не меньше шести лет. (...) Если она обратится за разрешением на работу, мотивируя это замужеством, то получит разрешение самое большое на год. (...) Я не Депардьё и не собираюсь разбрасываться польским паспортом. Но, возможно, настало время пожить в другой стране. (...) За свою жизнь я организовал сотни рабочих мест, делал громадные инвестиции, позволил достойно провести отпуск почти миллиону поляков, так почему же я не могу взять на себя ответственность за одного иностранного гражданина? Я

мог бы помочь сотне людей получить в Польше высшее образование вместе с шансом на лучшую жизнь, но бороться с ксенофобской польской бюрократической машиной уже не буду даже пытаться». (Записал Роберт Стефаницкий, «Газета wyborcza», 14 февр.)

• «Один из них либерал, а другой — махровый консерватор. Разница во взглядах, однако, не мешает им принадлежать к одной и той же партии («Гражданская платформа»). (...) В Польше было и есть только два чернокожих политика. Один приехал из Нигерии, другой — из Замбии. (...) Киллион Мунзеле Муняма приехал в Польшу 30 лет назад. (...) В середине мая 1994 г. получил кандидатскую степень в Академии экономики в Познани. (...) Джон Абрахам Годсон появился в Польше за год до того, как Муняма защитил диссертацию. (...) В 2012 г. он окончил аспирантуру на факультете управления Лодзинского университета, параллельно защитил кандидатскую диссертацию на факультете журналистики и политических наук Варшавского университета. (...) Муняма (...) в 2002 г. (...) был избран в совет Гродзиского повята. (...) Годсон в 2008 г. — в городской совет Лодзи. (...) В Сейм он был избран уже во второй раз (29 832 голосов на парламентских выборах 2011 г.). Его коллега Муняма стал депутатом Сейма впервые (7 925 голосов)». (Якуб Щепанский, «Польска», 8–10 марта).

• «В учебный центр французской армии в Гвиане направлены бойцы спецназа из Люблинца, а также из гдыньского подразделения «Формоза» и краковского «Нила». Полученные навыки могут пригодиться солдатам, к примеру, во время операции в Мали». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 13 февр.)

• «Первая встреча руководства стран Вышеградской группы в таком большом составе. Вчера в Варшаву прибыли главы правительств Чехии, Словакии и Венгрии — Петр Нечас, Роберт Фицо и Виктор Орбан, а также канцлер ФРГ Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Олланд. Они обсуждали дальнейшее реформирование ЕС. Министры обороны стран Вышеградской группы подписали декларацию о создании вышеградской военной группировки. (...) Это будет одно из полутора десятков международных боевых соединений, созданных на базе вооруженных сил стран ЕС, которое в течение считанных дней можно будет перебросить в охваченный кризисом регион, находящийся на расстоянии не свыше 6 тыс. км». («Газета wyborcza», 7 марта)

• «На финансовую помощь за границе Польша выделила в этом году почти 2 млрд. злотых. Это почти на 50% больше, чем в прошлом году. Большая часть этих фондов пойдет в бюджет ЕС

(часть взноса, предназначенная для участия в развивающих программах ЕС, составит около 1 млрд. злотых). Мы также планируем аннулировать долги Судана и Мозамбика (87 и 23 млн. долларов соответственно). Немало наших средств будет направлено на развитие международных организаций. (...) 17 млн. злотых получит белорусский телеканал «БелСат», 4 млн. злотых — белорусское же «Радио Рация» и «Европейское радио для Белоруссии». (...) 7 млн. злотых предназначено для Грузии на финансирование проектов, реализуемых НРО, а для Азербайджана — только 240 тыс. злотых (...) (продвижение демократии и борьба за права человека посредством нашего МИДа там явно бы не одобрили)». (Мачей Милош, «Дзенник — Газета правна», 20 февр.)

- «Польско-белорусский писатель Сократ Янович (...) скончался в воскресенье (...) в своем доме в Крынках. (...) Его произведения были переведены на английский, немецкий, итальянский и другие языки. (...) Вместе с Леоном Тарасевичем и Ежи Хмелевским он основал общество «Villa Sokrates», позднее ставшее фондом. В Крынках у него в гостях бывали знаменитые интеллектуалы со всего мира. Янович довольно резко отзывался о нарушениях прав белорусского меньшинства в Польше, а также о режиме Александра Лукашенко в Белоруссии». («Газета wyborcza», 19 февр.)

- «Мы хотим помочь Украине добиться важного конечного эффекта, которым стало бы подписание в ноябре этого года в Вильнюсе Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС с последующей ратификацией этого документа, — заявил президент Бронислав Коморовский после вильнюсской встречи с президентами Словакии и Украины». («Польска», 22-24 февр.)

- «Под Радомом будет сооружена имитация приграничной деревушки. Переодетые в форму УПА любители исторической реконструкции воспроизведут там события “волынской резни”». («Газета wyborcza», 1 марта)

- «“Я всегда считал Польшу стратегическим партнером Литвы”, — заверил вчера литовский премьер-министр Альгирдас Буткявичус после встречи с Дональдом Туском. (...) Туск, в свою очередь, признался, что польско-литовские отношения «существенно улучшились». На прошлой неделе (...) состоялась первая за четыре года встреча министров иностранных дел обеих стран. Накануне литовский министр встретился с родителями польских школьников, а премьер Буткявичус вместе с польским послом открыли в Вильнюсе выставку, посвященную восстанию 1863 года, а также навестил Солечники — польский уголок в Вильнюсском крае.

Предыдущее правительство на такие жесты было явно не способно. Министр Линас Линкявичус пошел еще дальше (...) — извинился за то, что в апреле 2010 г. литовский парламент отклонил законопроект, позволявший полякам сохранять свои фамилии в их оригинальном написании». (Агнешка Филипьяк, Бартош Т. Виленский, «Газета wyborча», 13 февр.)

• «“Мы не разменивали свободу на сиюминутную выгоду”», (...) — напомнила президент Литвы Даля Грибаускайте во время торжеств по случаю Дня восстановления литовского государства. (...) Днем ранее она также заявила, что «малым народам, живущим рядом с большими, нелегко защищать свои интересы». «Мы должны находить себе бескорыстных друзей, для которых дружба не предполагает никаких взаимных условий», — заявила она. (...) Президент Бронислав Коморовский выступил вчера с весьма миролюбивым обращением: «Сегодня, когда мы реализуем самостоятельные государственные программы, руководствуемся каждый своими национальными интересами и приоритетами, движемся мы, тем не менее, в одном и том же направлении, принадлежим к одному и тому же демократическому сообществу, состоим и в НАТО, и в ЕС». (Из Вильнюса Агнешка Филипьяк, «Газета wyborча», 18 февр.)

• «По заказу Центра диалога и согласия подготовлен доклад «Польша — Россия. Общественный диагноз-2013». (...) Для жителей России Польша и поляки — третьи по враждебности страна и народ после Литвы и США. В свою очередь, поляки относятся к России как к ментально и культурно наиболее далекому, а также наиболее опасному соседу. (...) Поляки, тем не менее, видят разницу между российским государством, к которому они относятся очень негативно, и его жителями, к которым испытывают гораздо больше симпатий. Для россиян подобное различие польского государства и польского же народа представляет гораздо большие трудности, да и отношение к Польше и полякам у них намного прохладнее. (...) Поляки и россияне приписывают друг другу противоположные черты характера. Россияне полагают, что им больше всего свойственны свободолюбие, открытость и смелость. Поляков же они считают предприимчивыми, религиозными, уважающими традиции и порядок. Сами поляки считают, что россиянам свойственна повышенная лояльность по отношению к любой, даже самой жесткой, власти, а среди своих положительных черт видят любовь к свободе, уважение семейных ценностей и традиций». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborча», 5 марта)

• «Польская сибириада», выходящая на экраны в пятницу — это первый фильм о депортации поляков в 40-х годах XX века. (...) В 1940–1941 гг. на восток [в лагеря и спецпоселения. — Пер.] были вывезены около 400 тыс. поляков. (...) Создатели фильма (...) показали (...) непростые польско-русские отношения, одновременно рассказав историю изгнанников двух народов, связанных общей судьбой. (Барбара Холлендер, «Жечпосполита», 21 февр.)

• “«В начале года на Подгалье приезжает около 50 тыс. гостей с той стороны нашей восточной границы. (...) Гурали их любят, так как те оставляют хорошие чаевые, обожают поразвлечься и вкусно поесть», — говорит Беата Залот, главный редактор «Тыгодника Подгальянского» (...) Тем временем в Закопане появляются вывески на русском языке, продавщицы легко переходят на русский. Случаются и богослужения по православному обряду. В каждом уважающем себя ресторане есть меню на русском языке». (...) «Гости из-за Буга потихоньку осваивают и территории вокруг Закопане», — повторяют работники отелей и владельцы агротуристических усадеб. (...) Гурали рады, что всё больше россиян, украинцев и белорусов приезжают не только в январе — их можно увидеть здесь практически круглый год”. (Патриция Мациевич, Петр Сквировский, «Газета wyborcza», 5 марта)

• «В Варшаве скончался Александр Гудзоватый. (...) В 90-е годы его фирма «Bartimrex» была самой крупной в Польше. (...) Свое состояние Гудзоватый заработал как посредник в газовых сделках между Польшей и Россией. (...) Он пользовался большим доверием тамошних властей. (...) Принимал участие в переговорах относительно строительства Ямальского газопровода, по которому сырье из России до сих пор поставляется в Польшу и Германию». («Жечпосполита», 15 февр.) В 2008 г. он заложил в Иерусалиме памятник Толерантности, в открытии которого участвовал бывший президент Польши Лех Валенса. (...) Затем разработал проект Всемирного центра толерантности в Иерусалиме и вместе с Иерусалимским фондом построил его — не дождавшись, однако, запланированного на май открытия». («Польска», 15–17 февр.)

• «В понедельник организаторы дебатов о гражданском партнерстве испугались угроз националистов и отложили встречу, запланированную в Варшавском университете. В ней собирался принять участие один из депутатов Сейма — то есть фактически представитель высшей государственной власти. Это уже третья за последние несколько лет попытка

националистов помешать проведению подобной встречи в высших учебных заведениях — на сей раз вполне успешная». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 27 февр.)

- «“Национальное возрождение Польши” и футбольные фанаты (...) добились того, что в городской галерее Бюро художественных выставок во Вроцлаве не состоится показ работ Томаса Рафы, словацкого художника, который пытается запечатлеть развитие националистических движений в Европе. (...) Поводом для отказа от проведения выставки стало беспокойство за жизнь и здоровье посетителей». («Газета wyborcza», 28 февр.)

- «Общество «Больше никогда» уже полтора десятка лет в так называемых «коричневых книгах» фиксирует «преступления, совершенные фашистами и крайне правыми, инциденты на почве расизма, ксенофобии, а также акты дискриминации, совершенные на территории Польши». Мартин Корнак, член организации, издал очередной такой сборник за 2011–2012 гг. (...) «Уровень насилия, безусловно, вырос, случаются даже убийства. В некоторых месяцах количество инцидентов по сравнению с предыдущими годами выросло на 30%, а в некоторых — на 20%. (...) «Национально-радикальный лагерь» и «Национальное возрождение Польши» организуют летние лагеря, в которых не только проводят идеологическую обработку, но и учат основам кулачного боя и стрельбе из огнестрельного оружия. Крайне правые сообщества пропагандируют культ насилия и агрессии. (...) Вот отчет МВД о безопасности в Польше в 2011 г. (...) «В 2011 году в связи с преступлениями, совершенными на почве расизма либо ксенофобии, было возбуждено 272 новых дела». (...) По сравнению с 2010 годом количество возбужденных дел возросло на целых 86%». (Павел Речка, «Тыгодник powszechny», 10 марта)

- «Неужели покончено с дискриминацией по признаку цвета кожи, пола и национальности? Варшавская мэрия ввела специальную оговорку в договорах найма для лиц, управляющих клубами, театрами и гостиницами. (...) Бюро жилищной политики разработало антидискриминационную оговорку в договорах найма помещений. (...) Нарушения этих норм, подтвержденные решением суда либо повторяющимися жалобами, может стать основанием для расторжения договора найма». (Магдалена Дубровская, «Газета wyborcza», 6 марта)

- «Когда уже всем было известно, что я еврей, на улице мне попадались люди, которые спрашивали меня: «Что, нет денег уехать?» И что тут оставалось делать, скандалить? Драться,

жаловаться в прокуратуру? Я переходил на другую сторону улицы, но не всегда успевал, и тогда приходилось всё это выслушивать. А это гробовое молчание, когдаходишь в помещение... Ну, и что вы думаете, каково мне было? Было ужасно обидно. Как-то в столовой (Люблинского католического университета) один профессор, священник, которого я очень уважал, вдруг начал говорить о «жидокоммунистической дряни», сыпать оскорблениями. (...) В том письме Папе Римскому я изложил два аргумента. Первый: он, Папа, — преемник еврея, а я — еврей. Второй: меня спасли лучшие представители польской нации, а он, Папа, — поляк. Собственно, по этим двум поводам я и написал Иоанну Павлу II. (...) В ответ я получил открытку (...) озаглавленную «Возлюбленному брату». Я всегда говорю, что это самый чудесный титул из всех, что мне присваивали в церкви, и сделал это сам Папа. (...) Он написал: «Буду молиться за твоих польских родителей и за то, чтобы ты нашел своих родителей-евреев», — о. Ромуальд Векснер-Вашкинель (Дариуш Росяк, «Жечпосполита», 23–24 февр.)

• «Годовщина восстания в варшавском гетто никогда еще не отмечалась с таким размахом. (...) В Варшаву приедет президент Израиля Шимон Перес и мэры европейских городов-побратимов. Специальным гостем станет живущий ныне в Израиле Симха Рафайзер-Ротем, один из последних ныне живущих участников восстания. Главные мероприятия начнутся 18 апреля — накануне 70 летия начала вооруженного сопротивления. Они продолжатся до 16 мая — дня, когда было подавлено восстание и разрушена Большая синагога. (...) 19 апреля на весь город раздастся гул сирен и звон церковных колоколов, а у памятника Героям гетто произойдет основное торжество с участием президентов Польши и Израиля. (...) После этого (...) члены официальных делегаций впервые посетят недавно построенный Музей польского еврейства. Остальные участники мероприятий пройдут Дорогой памяти, мученичества и борьбы евреев в сторону Умшлагплаца». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 2–3 февр.)

• «Свящ. проф. Анджей Марынярчик, возглавляющий кафедру метафизики Люблинского католического университета, дал пощечину польскому государству, заявив: «В своих тюремных дневниках примас Стефан Вышинский написал, что Болеслав Берут был первым человеком, отважившимся противопоставить страну Церкви. Подобного рода действия мы наблюдаем сегодня». («Наш дзенник», 9 августа 2012 года)», — о. Людвик Вишне夫斯基 («Тыгодник повшехный», 10 марта)

• «Бюджетные поступления в Церковный фонд будут заменены добровольным церковным налогом. Переговоры между правительством и Церковью шли почти год, и в результате было решено, что теперь каждый верующий налогоплательщик при подаче декларации может попросить направить 0,5% от уже уплаченного им подоходного налога на нужды церкви. (...) Правительство предлагало, чтобы эта квота составила 0,3%, епископат настаивал на 0,8%. Этот новый порядок, в случае, если его одобрит правительство и конференция епископата Польши, начнет действовать с 2014 г.» (Иоанна Чвек, «Жечпосполита», 22 февр.)

• «Церквям — кроме католической — не нужны 0,5% добровольного церковного налога. (...) Вместо этого Церковь рассчитывает на законодательно закрепленную компенсацию. (...) Петр Кадльчик, председатель правления Союза еврейских религиозных общин Польши, задавался вопросом: «Что произойдет, если (...) окажется, что миноритарные церкви и религиозные организации не собрали достаточной суммы взносов? (...) Скептически настроены и священнослужители Евангелическо-аугсбургской и Евангелическо-методической Церквей». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 4 марта).

• «Комиссия этики Польской Академии наук решает, как отреагировать на слова свящ. проф. Франтишека Лоншана де Берье, который заявил: «Есть врачи, которым достаточно лишь взглянуть на лицо ребенка, чтобы сразу определить, что он был зачат в пробирке. Ибо на лице у такого ребенка есть морщина, характерная для генетически неразвитого типа человека». (...) Епископ Тадеуш Перонек, в свою очередь, сравнил таких детей с Франкенштейном, а архиепископ Юзеф Михалик назвал программу возмещения государством расходов на подобные операции «заказным убийством». «На этот раз, однако, свящ. де Берье использовал церковную идеологию с целью осуждения других людей, перейдя таким образом, все мыслимые этические границы», — говорит профессор Ева Бартник. (Александра Павлицкая, «Ньюсуик-Польша», 4-10 марта)

• «Лица, в детстве пострадавшие от действий священников-педофилов, до сих пор, вопреки указаниям Ватикана и официальным заявлениям иерархов, не могут добиться справедливости. Епископы либо затягивают дело, либо молчат. В худшем же случае жертвы превращаются в обвиняемых. Именно так поступила консистория в Кошалине, прокомментировавшая в своем специальном заявлении дело Мартина К., подвергнувшегося в детстве сексуальным домогательствам о. Збигнева Р. из Колобжега. В конце прошлого

года священник был осужден на два года лишения свободы за педофилию. Ранее Мартин К. безуспешно пытался привлечь внимание кошалинского церковного начальства к своей трагедии». (Майя Каим, «Ньюсуик-Польша», 4-10 марта)

- «Гданьское архиепископство должно вернуть 6,7 млн. злотых — проценты от суммы, выплаченной гданьским казначейством церковному издательству «Stella Maris», — решил в четверг окружной суд Гданьска. (...) Весной 2009 г. (...) казначейство подало в суд на архиепископство, заявив «о возврате незаконного обогащения за счет государства». (...) Судья Божена Матхей объявила о проведении закрытого судебного процесса по ходатайству представителя Церкви, не желавшего «информировать СМИ о механизмах некоторых финансовых операций, совершаемых архиепископством». Самое громкое уголовное дело (...) рассматривается в Гданьске уже четыре года. Обвиняемые (...) могут понести ответственность за присвоение 67 млн. злотых, а также отмывание денег и неполучение государством дохода в размере почти двух десятков миллионов злотых». (Гжегож Шаро, «Газета wyborcza», 15февр.)

- «Воровство и коррупция при строительстве польских дорог приняли фантастический размах. (...) Только сейчас стало очевидно, что дороги попросту разваливаются. (...) Бывший шеф Генеральной дирекции национальных дорог и автострад (ГДНДиА) уже задержан Агентством внутренней безопасности. (...) На скамье подсудимых оказалось 11 человек, главным образом, представителей крупнейших дорожных фирм. Бывшему директору силезского филиала ГДНДиА прокуратура Катовице инкриминирует получение взяток в размере почти 2 млн. злотых. (...) На автострате А2 возле Стрыкова пришлось разобрать почти 9 километров трассы и отстроить ее заново. В конце прошлого года стоимость ремонтно-исправительных работ составила 670 млн.злотых. (...) В Европе километр автостраты стоит около 10 миллионов евро. Километр варшавской кольцевой стоил 200 млн. злотых». (Мартин Ковальский, «Газета wyborcza», 1 марта).

- «Стремительнее всего в Польше ухудшается (...) качество сыра и масла. Это результат ценовой гонки между производителями и торговлей. В результате крупные торговые сети предлагают масло по цене почти 2 зл. за упаковку. (...) Известно, что производители этого продукта наполняют его пальмовым маслом, йогуртовой сывороткой, а иногда и коровьим жиром. (...) То же происходит и с сыром. Разве может такой сыр стоить в магазине 13-14 злотых (бывают и дешевле)?! Это скорее

сыроподобный продукт (...) произведенный из пальмового масла, кукурузной муки или пшеничного крахмала». (Милош Венглевский, «Ньюсуик-Польша», 4-10 марта).

- «В пробах говядины, взятых на трех мясокомбинатах, выявлен лошадиный ДНК, — сообщила Главная ветеринарная инспекция. (...) Это комбинаты из Мазовецкого, Лодзинского и Варминьско-Мазурского воеводств. Они использовали мясо, которое заказывали у других фирм. (...) Дело направлено в прокуратуру». («Газета выборча», 1 марта).

- «Бизнесмен Владислав Камусинский «хвастался, что убивал по целому миру животных в общей сложности ста видов. Свою коллекцию он передал Национальному музею в Кельцах. Выставка уже несколько недель пользуется огромным интересом — приходят школьные экскурсии, дети с родителями, дедушки и бабушки с маленькими внуками. (...) Адам Вайрак: “Когда у тебя есть деньги, ты можешь спокойно ездить по миру и творить невообразимые гадости”». (Агнешка Косек, «Газета выборча», 26 февр.)

- «Тюрьма в Хайнувке уже шесть лет сотрудничает с местным приютом для животных. (...) Заключенные с небольшими сроками (...) работают в приюте. (...) Начальник тюрьмы майор Роман Пашко придумал реабилитационную программу для тех, кто не может покидать стены тюрьмы. (...) Сначала заключенные соглашались, просто рассчитывая на какую-то выгоду для себя. (...) Потом в них пробудилось сочувствие к бездомным собакам, да и самооценка резко повысилась. (...) Один из осужденных, участник первого года программы, теперь изучает зоопсихологию в Гданьске. (...) Тюрьма в Войковичах в Силезии была одним из трех исправительных учреждений, в которых использовалась реабилитационная программа для лиц, виновных в насилии над животными. (...) В приюте, куда, кроме собак и кошек, регулярно попадают лошади и даже овцы, свиньи и козы, осужденные к ограничению свободы работают в качестве волонтеров». (Агнешка Сова, «Политика», 27 февраля — 5 марта)

- «К восьми годам лишения свободы приговорил в четверг окружной суд Познани бывшего сенатора Хенрика Стокло (владельца сельхозпредприятия «Formutil H.S.» — В.К.). Он также должен заплатить 600 тыс. злотых штрафа. (...) Стокло был осужден за то, что в 1989-2005 гг. пользовался незаконными налоговыми льготами, полученными благодаря своим коррупционным связям с чиновниками казначейства». («Польска», 1-3 марта)

• «Идея Корпуса гражданской службы преследовала целью сделать наше чиновничество более цивилизованным и создать армию служащих, не участвующих в политике и работающих на благо общества и государства. (...) Увы, до этого так и не дошло, и благодаря общим усилиям очередных партийно-правительственных учреждений армия чиновников воспринимается как оккупант, издевающийся над гражданами. По-прежнему растет количество предприятий, разорившихся по милости чиновников, причем, как оказывалось позднее (точнее, слишком поздно!), разорившихся без всяких на то оснований». (Анджей К. Козьминский, «Жечпосполита», 19 февр.)

• «Поддержка партий: «Гражданская платформа» (ГП) — 32%, «Право и справедливость» (ПиС) — 30%, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 14%, «Движение Паликота» — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. По данным института «Номо homini». («Супер экспресс», 7 марта)

• «Почти 7300 (неправительственных) общественно-полезных организаций (ОПО) оказались в списке организаций, которые могут получать 1% подоходного налога физических лиц за 2012 год. (...) Растет и сумма, получаемая такими организациями при помощи данной льготы. Год назад, при налоговых расчетах с государством за 2011 год, общественные организации получили почти 460 млн. злотых. (...) Тем не менее поддержать какую-либо из ОПО при помощи своего 1% не решаются 57% налогоплательщиков. (...) Согласно последним подсчетам (...) 50 ОПО, которых чаще всего добровольно поддерживают налогоплательщики, получило в общей сложности свыше 250 млн. злотых, то есть свыше 55% от общей суммы, которая досталась ОПО в виде добровольной поддержки налогоплательщиков. Это значит, что (...) неполный один процент от общего числа ОПО получил почти половину той суммы, которая в рамках добровольной поддержки досталась всему общественному сектору. (...) Механизм «одного процента», вместо того чтобы поддерживать и развивать все ОПО, в первую очередь, однако, укрепляет позиции полутора десятка наиболее «раскрученных» общественных организаций — так оценивают ситуацию деятели ОПО». (Петр Сквировский, «Газета wyborча», 6 марта)

• «Всепольский судебный совет с глубокой обеспокоенностью констатирует, что в последнее время в публичном пространстве все громче звучат голоса тех, кто (...) ставит под сомнение базовые конституционные принципы (...) независимости и самостоятельности судов. Звучат призывы

вплотную заняться биографиями родственников судей, судейский корпус предлагается формировать на основе критериев, не предусмотренных законом, — и все это бьет непосредственно по независимости судей, подрывая основы существующего порядка». Это реакция на заявления правых политиков и попытки люстрации родственников судьи Игоря Тулеи, которые предпринимают правые СМИ. Поводом стал приговор, в котором Тулея сравнил методы работы Центрального антикоррупционного бюро и прокуратуры, которые у них в ходу с 2007 года, с методами «сталинских времен». («Газета wyborcza», 15 февр.)

• «Около 50 орудий пыток, демонстрируемых на 500 кв. метрах (...) Оригинальные экспонаты (...) Рядом с каждым — детальное описание и оригинальная гравюра, показывающая, как использовалось данное орудие. Выставку с невеселыми экспонатами посетило уже почти 10 млн. человек в 15 странах. Сейчас ее могут увидеть жители Варшавы (...) на улице Братской, 25. Обычный билет стоит 24 злотых, льготный — 19». («Польска», 1–3 марта)

БАЛЬЦЕРОВИЧ ЗНАЕТ, ЧТО НАМ НУЖНО СДЕЛАТЬ

«В еврозону можно войти хорошо или плохо. Чтобы войти хорошо, нужно провести реформы, которые и так Польше необходимы, дабы избежать постоянного замедления нашей экономики».

— **Министр финансов, а теперь вице-премьер Яцек Ростовский, говорит, что когда введут евро, то его, скорее всего, уже не будет в политике. Как долго еще, по вашим оценкам, продлится политическая карьера вице-премьера?**

— Его политическая карьера будет зависеть от успехов в правительственной деятельности. В связи с этим я желаю ему долгой политической карьеры.

— **В пятницу в министерство финансов на дебаты по поводу введение евро вы не пошли?**

— Я принципиально с определенного времени не участвую в официальных дебатах. Вообще словом «дебаты» часто злоупотребляют.

— **Касается ли это и заседания кабинетного совета по поводу евро, который на прошлой неделе собрал президент Коморовский?**

— У меня впечатление, что президент хорошо улавливает суть дела, связывая вопрос возможного вступления Польши в еврозону с вопросом реформ.

— **И оставляя вопрос сроков в стороне?**

— Я так понимаю то, о чем говорит Бронислав Коморовский — в отличие от тех, кто обсуждает проблему евро в категориях, как говорят, политических. Причем слово «политический» означает в этом контексте...

— **...что либо мы принимаем, либо не принимаем.**

— Это тоже. Или что создается некое ядро. И это ядро от нас ускользает, а мы должны его догнать и попасть в него.

— **Между тем две трети поляков не хотят введения евро.**

— Катастрофические известия из некоторых стран еврозоны людей от этого отталкивают. Поэтому я считаю, что, проводя теперь пропаганду евро, мы лишь укрепим позиции противников. К тому же при такой политической постановке вопроса из поля зрения исчезают наиболее важные вещи: что в еврозоне существуют разные группы стран и что можно в нее войти хорошо или плохо. Чтобы войти хорошо, нужно провести реформы, которые и так Польше необходимы, дабы избежать постоянного замедления нашей экономики. Ведь без дальнейших реформ ослабеют или останутся слабыми три главные силы развития: снизится занятость, сохранится низкое участие инвестиций в ВВП, а также падающий уже несколько лет темп роста эффективности. Мне кажется шокирующим то, что эта тема практически не затрагивается в дискуссиях политиков. Ни этих, из правительства, ни из оппозиции.

— **Вы еще чего-то ожидаете от нашей оппозиции?**

— Я считаю, что от оппозиции нужно требовать, чтобы она не ограничивалась перебранкой, а ставила существенные проблемы Польши и предлагала какие-нибудь решения.

— **Наша самая большая экономическая проблема — это политика?**

— В основе экономических проблем всегда лежит политика! Как в Греции — это политика увеличения социальных расходов ценой растущего долга, а также расширение администрации с тем, чтобы раздать места своим, при одновременной парализации экономики посредством различных регуляций, коррупции, недостатка конкуренции... Другой случай — это Италия, у которой большой долг и стагнация, так как там не проводили реформ, которые бы оздоровили экономику и привели к росту занятости. Они не сделали того, что сделала Германия десять лет тому назад. А третий пример этих патологий — это доведение до кредитного пузыря, взрыв которого превращает в черную дыру хорошие на первый взгляд результаты в публичных финансах.

— **Как в Испании или Ирландии...**

— И если мы посмотрим на еврозону, то видно, что те страны, в которых проводилась плохая экономическая политика, нажили себе проблемы. А те, кто вел в меру хорошую политику, не знают таких неприятностей. Как Германия, Финляндия, Голландия... Внутри еврозоны экономическая ситуация весьма неоднородна.

— В зависимости от качества проводимой политики?

— Ну, конечно. Это значит, что евро только для сильных.

— Не для нас?

— Ну что ж, у нас нет постоянно оздоравливаемых публичных финансов. Нам также предстоит осуществить многое, если речь идет об эластичности рынка труда и если мы говорим о том, чтобы избежать стагнационных тенденций в экономике.

— Когда мы копим себе разнообразные причины компрометации — а это и полоса на аэродроме в Модлине, и недостроенные автострады, и очередной миллиард, который вбухивают в Лодзи в гигантский вокзал, закопанный глубоко под землей, — для меня из этого следует лишь одно: наши политики с евро в руках будут как обезьяна с гранатой.

— Вместо того чтобы рисовать такие отталкивающие картины, лучше подтолкнуть — но не к спору о сроках предполагаемого вступления в еврозону, а к тому, чтобы повлиять на реформы. Но, возвращаясь к вашему перечню несчастий, где это главным образом происходит? В публичном секторе. То есть там, где окончательные решения принимают политики и связанные с ними чиновники. И из этого следует делать выводы. Где только возможно, публичный сектор нужно сократить. Там, где не получится приватизировать, нужно создавать давление, чтобы преодолеть то, что я называю культурой безответственности. Особенно яркий пример культуры безответственности — это прокуроры, которые преследовали людей без надлежащих доказательств и многим сломали жизнь, оставляя их в течение нескольких лет под обвинением, держа под арестом... Почему до сих пор у нас нет на эту тему ни одного порядочного официального анализа? Сколько было таких случаев и что случилось с прокурорами, которые покалечили людям жизни? Повлияло ли это как-нибудь на их профессиональную карьеру?

— Это к кому вопросы?

— К генеральному прокурору! Это его моральная обязанность — проанализировать эти случаи и представить общественному мнению вытекающие из этого выводы и в том числе системные реформы, которые сведут к минимуму число подобных ситуаций. Другой пример — это «Лёт» [польская авиакомпания], многократно финансируемый, поддерживаемый ценой сотен миллионов злотых. Правительство должно представить анализ ситуации, почему так случилось. Оно обязано сообщить фамилии членов

сменявшихся контрольных советов, информировать, понесли ли они какие-нибудь последствия. Оно должно называть фамилии вице-министров финансов, которые контролировали «Лёт», и отчитаться, что с ними стало.

— Должна быть белая книга, зеленая книга, бежевая книга: в случае инфраструктурных инвестиций, в случае прокуратуры, здоровья, «Лёта» и так далее. Но их нет. И что с этим делать?

— Это можно изменить только благодаря гражданскому давлению. Поскольку каждая политическая власть поддается воздействиям тех, кто защищает привилегии или права приносить вред. Если нет достойного противовеса, то кому уступят те, что правят? Конечно, группам претензий, которые скажут: «Не трогай, сохраняй пенсионные привилегии, сохраняй привилегии, если речь идет о больничных пособиях (у одних 100%, а у других — 80), не трогай «Польские железные дороги», хотя у компании большие долги». И так далее. Единственное решение, которое имеет шансы на эффективность, — создать более сильные противодействующие группы — назовем их гражданскими. Я стараюсь именно это и делать. И лично, и через Форум гражданского развития.

— Те проблемы, которые вы считаете важными, политики обходят стороной, усиливая темы, к примеру, бытового характера или касающиеся смоленской катастрофы. Они обходят их стороной, поскольку эти проблемы для них слишком сложные?

— Потому что обойти стороной — это пока менее рискованно, чем решать. Это значит, что мы слишком мало воздействуем на разумные решения. Вот один из самых характерных примеров: в Польше частный капитал строит квартиры для богатых, то есть в собственность, и не строит квартир для более бедных, то есть в наем. Потому что абсурдный закон об охране съемщиков делает это нерентабельным. И вдобавок этот наглядный пример антиобщественного регулирования был введен под девизом охраны слабых! В результате многие бедные люди добираются часами, например, до Варшавы, так как там слишком мало дешевых квартир для съема.

— Вы правда считаете, что в этом правительстве никто не пробует решить никаких проблем?

— Этого я не сказал. Но вы взгляните на Экономический совет при премьере Польши. Припоминаете ли вы, чтобы они когда-либо систематически занимались тем, что может случиться в

более отдаленной перспективе, а главным образом — угрозами для развития польской экономики? Я чего-то такого не нашел. Это значит, что они не занимаются проблемой, наиболее важной для Польши. И это следует адресовать к председателю совета, то есть Яну Кшиштофу Белецкому. Потому что он несет за это моральную ответственность. Вероятно, что...

— Что?

— Устав совета гласит, что он не должен заниматься тем, что вносит премьер. И в таком случае эта моральная ответственность становится выше.

— Политики «Платформы» говорят, что не могут проводить реформы, так как проиграют выборы. Потому что поляки реформ не хотят.

— А что с Польшей? А если от отсутствия реформ начнут осуществляться худшие экономические сценарии? Какими тогда будут политические шансы тех, кого станут обвинять в бездействии? Проиграть выборы, когда предпринимались попытки что-то сделать, но это не было принято избирателями, — это меньшая моральная ответственность, чем проиграть выборы из-за того, что не делалось то, что было нужно стране. Как в спорте, так и в политике следует стремиться к успеху, но при этом думать: а если бы я проиграл, то каким образом? С какой моральной ответственностью?

— Моральная ответственность за приведение к власти Ярослава Качинского тоже может быть гигантской?

— И за приведение его к власти за счет отказа от восстановительной деятельности.

— Что это значит — моральная ответственность?

— Это оценка, голос совести, но также и ответственность информированной части общественного мнения. Я опасюсь, что часть политиков вообще не сознают, что несут моральную ответственность за действия и отказ от них.

— Но почему мы весь подъем страны должны связывать с евро? Возникает такое ощущение: нам необходимо проводить реформы, потому что этого от нас требует Брюссель.

— У меня впечатление, что всё на самом деле хуже. Большинство участников дискуссии по поводу евро вообще не соотносит, что для того, чтобы иметь возможность хорошо войти в еврозону, нужно прежде всего сделать вещи, которые

нам и так необходимы для развития, — это значит, нужно их сделать, даже если бы евро не существовало. С одной стороны, у нас идет так называемая политическая дискуссия о евро, а с другой — страшно недостает разговора о том, как избежать негативного сценария для Польши. Нам грозит то, что мы будем только сезонным зеленым островом, а рост нашей экономики будет всё более медленным. А это значит: во-первых, что условия жизни миллионов людей будут улучшаться медленней, во-вторых, позиции Польши в мире не будут укрепляться, а возможно, будут слабеть. В-третьих, сохранятся серьезные стимулы для массовой эмиграции из Польши. Потому что единственный способ остановить миграцию из бедной страны в более богатую — это сделать так, чтобы бедная страна избавлялась от недоимок. Меня в публичных дискуссиях поражает то, что почти всё воспринимается разрозненно. Скорбят, что молодые поляки эмигрируют, но никто из этих скорбящих не скажет: мы должны ускорить реформы, чтобы Польша устраняла пробелы в плане уровня жизни и чтобы поток эмиграции благодаря этому стал меньше. Польские политические дебаты в большинстве своем — это театр абсурда! Я делаю из этого только тот вывод, что необходимо намного более сильное гражданское давление на всю партийную систему, чтобы мы перестали расплачиваться за бездействие и эту халтуру.

А может, сейчас лучше поговорим немного о свободе? (Лешек Бальцерович поднимает лежащий перед ним толстый том «Открывая свободу» — избранные эссе, которые он издал в конце прошлого года.) В эту книгу я включил 50 очерков, одновременно и глубоких, и очень понятных, авторов от классиков, как Адам Смит или Токвиль, до современников, как Лешек Колаковский. Я считаю ее необыкновенно нужной, чтобы сделать сложнее жизнь демагогам.

— Это наша самая большая проблема, что у нас слишком мало свободы?

— В демократической жизни ситуация такова, что самые важные понятия, без которых мы не можем обойтись: свобода, государство, демократия, собственность, права — обременены багажом недоразумений или манипуляций. Это парадокс, что многие интеллектуалы враждебно настроены к экономической свободе. А это та свобода, от которой зависит, отстаёт страна или развивается: свобода предпринимательства, практической деятельности, рыночных сделок. И если штатные интеллектуальные группы и притязания групп интересов перевешивают в рамках демократии, то кончится это

несчастьем. Как в Италии или Греции. В Польше особенно важно, чтобы мы избежали таких сценариев, так как мы находимся только на полпути. Мы просто не можем позволить себе такие глупости.

ОТКУДА ЗЛО?

1943 год на Волыни. Как об этом говорить? От рук украинцев, подчас жестоко убитые, гибли поляки, прежде всего гражданское население. Поляки в отместку или в качестве упреждающей меры (хотя и не в таком масштабе) сжигали украинские села и убивали. Много в этих двух фразах помещается зла и страдания, которые и сейчас вызывают такие сильные эмоции.

Представляется, что вторая половина XX века, особенно последнее десятилетие и начало XXI века, — это, кроме прочего, время признаний. Трудных, однако полезных. В свою очередь удивительно, как долго могли мы жить как ни в чем не бывало с неразрешенными, неназванными проблемами — польско-еврейскими, польско-немецкими, польско-русскими. И вот постепенно каждая из них как-то находит свой собственный язык, которым можно что-то объяснить, в чем-то признаться, поговорить по-человечески. Преодолевая нежелание и подчас страшные пережитки прошлого.

Пожалуй, ужасней всего выглядят счета взаимных обид в отношениях польско-украинских. Многовековые пережитки, окаменелые пласты скорби, страданий и гнева продолжают существовать, усиливаемые литературой, явными или скрытыми политическими манипуляциями, замалчиваниями.

Последние представляют собой наибольшее искушение: забыть, не вспоминать, обратиться к человеку, к сегодняшнему дню, к искусству, бизнесу. Можно и так, однако рано или поздно история напомнит о себе, выйдет из укрытия и потребует своего. Но, с другой стороны, задумаемся, какой правды ждут, какой правды хотят оба народа. Например, лучше ли будет узнать, что убийства происходили организованно, по приказу, или что они носили стихийный характер?

Повторюсь: не знаю, как об этом говорить. В 1994 г., когда мы организовали в Подкове-Лесной (центр «Карта» и местный культурный центр) одну из первых встреч польских и украинских историков, мы назвали ее «Поляки и украинцы. 1918–1948. Трудные вопросы». Вопросы действительно оказались трудными, но позднее под тем же названием состоялось еще несколько семинаров. Важно, что нужны они были не только историкам, но и бывшим солдатам Армии

Крайовой с Волыни. Вопросы не перестали быть трудными, но результаты встреч людей доброй воли, ученых, тщательно изучающих источники, заметны. Только не доходят до общественного сознания. Тем полякам, которые жаждут перманентного раскаяния за 1943 год, прежде всего следует напомнить заявление, сделанное в 2006 г. историком Леонидом Зашкильняком, профессором Киево-Могилянской академии: «После 12 семинаров ответ для всех нас уже понятен: антипольская операция была, организатор известен, жертвы очевидны. Что еще мы должны сделать? Ясно, что много. Но я считаю, что украинские историки уже рассказали об этом — об антипольской акции. И, наверное, мы не можем за это отвечать; в конце концов, мы не прокуроры, не судьи, но мы рассказали, что антипольская акция была, что она была организована ОУН и УПА, это все уже понятно. Неужели нужно к этому постоянно возвращаться?»^[1]

Со времени этого заявления прошло шесть лет и кое-что изменилось, например возникло несколько украинских дискуссионных площадок в интернете — значит, обсуждение возможно. Польские и украинские историки все еще спорят^[2], но во Львове и в Луцке уже созрела мысль, что было бы хорошо, если бы можно было сказать, что дискутируют просто историки — а не украинцы с поляками. И не имея возможности согласиться, позволим себе такие требования. Наверное, прав был Ян Новак-Езёранский, что во многих польско-украинских вопросах нужно «согласиться с несогласием».

Все знают, что политики слушают историков выборочно, или лучше сказать «выборно», так как они заложники электората, однако преступления на Волыни осуждены в 2003 г. в Киеве парламентом и президентом. Известно также, что Украина после двадцати лет независимости все еще находится в состоянии политической неопределенности. Не было ни времени, ни подходящих условий для критического осмысления собственной истории.

Нет источников, упущено время. Но несмотря на это, а может быть — именно поэтому хочется понять, что случилось на Волыни во время войны. Я ищу аналогии и нахожу ее в первую очередь в бывшей Югославии, вспоминая разговоры с беженцами в девяностых годах прошлого века.

Я также ищу контекстов, из которых наиболее близким является межвоенное двадцатилетие. Поэтому предлагаю сегодня обратиться к тексту выдающегося эссеиста Ежи

Стемповского, отец которого, Станислав Стемповский, был близким соратником Семена Петлюры.

Очевидно, что кроме исторических причин существуют и причины метафизические (или, если угодно, психологические), а на вопрос св. Августина «Откуда зло?» нет однозначного ответа.

Есть также обычные человеческие истории.

Я слышал много разных воспоминаний военных, бывших на Волыни, но особенно врезался мне в память рассказ моей знакомой, пани Юлии. Ее семья спаслась, укрывшись в хорошо замаскированном подполе. «А погреб этот пригодился еще раз, — говорила пани Юлия. — Когда? А тогда, когда пришлось укрывать украинских партизан от Советов».

Ежи Стемповский

Письмо АДАМУ ЖЕЛИНСКОМУ

За год до апогея волынской трагедии Ежи Стемповский в частном письме Адаму Желинскому (а частная переписка подчас заменяла ему публицистику) описал несколько наблюдений, реминисценций с Волыни.

К ним следует обратиться в поисках причин взрыва жестокости, случившегося там в 1943 году.

Адам Желинский (1902–1991) родом из Бучача, до войны работал в министерстве связи, в сентябре 1939-го уехал из Польши. С 1940 г. жил в Португалии. Журналист, переводчик, коллекционер, автор исторических трудов.

Именно Желинский стал адресатом этого письма, потому что еще в начале их знакомства, в 1941 г., Стемповский говорил: «Знаю, что наша переписка обещает быть оч. интересной, поскольку Вы затронули вопросы, которыми я занимался всю жизнь, но мне не с кем было поговорить о них. Особенно в последние 15 лет в этом плане у нас господствовал полный отказ от мышления. Даже такие люди, как Хенрик Юзевский и Петр Борковский [консервативный политик, в 1927–1928 гг. львовский воевода] чувствовали утомление от одиноких и бесплодных размышлений и охотнее говорили о чем-нибудь другом. Главными собеседниками, таким образом, были для меня в то время украинцы разных мастей, так как среди них еще меньше единства, чем среди поляков и евреев».

Мури-Берн, май 1942

(...)

Кременец — самый польский город Волыни. Я знал его уже давно, но, желая осмотреть еще раз без провожатых, приехал ранее условленного срока [в 1938] ^[3] и несколько дней пытался понять то, что я там застал.

Часть кременецких евреев говорила дома по-русски, при этом без бердичевского или одесского акцента, что было бы еще понятно, а с так называемым петербургским выговором, выдающим большое увлечение и знакомство с лучшими авторами. Где они могли этому научиться? Русский язык отступил до своих этнографических границ, за Украину и Белоруссию, и на протяжении 700 км не было ни единой школы, в которой учили бы этому языку, а в русские гимназии в Ровно и Вильно евреям доступа не было. Почему среди всех прочих возможностей — иврит, идиш, польский, украинский — евреи выбрали именно русский?

Уличные сцены в Кременце давали много таких поводов к размышлению. В воскресенье после полудня я видел нескольких молодых поляков, поющих в унисон под аккомпанемент банджо модные песни из звукового фильма и американских мюзиклов. На противоположной стороне улицы появилась небольшая группа «мужиков и баб», возвращающихся из расположенного неподалеку Почаева ^[4] и поющих под гусли духовную песню. Это тоже давало пищу для размышления.

Волынь — колыбель церковного распева, из которого вышла русская музыка, подобно землетрясению всколыхнувшая весь музыкальный мир. История некоторых волынских хоров насчитывает по 700 лет. Здесь искусство хорового пения достигло наивысшего уровня, до которого не дотягивают — исключая чехов — никакие западные хоры. И по сей день там найдется несколько тысяч выдающихся мастеров хорового пения. Когда один из тамошних коллективов под управлением Кошица выехал в 1921 г. на Запад, хор Scholae Cantorum, лучший во Франции, целый год брал у украинцев уроки и даже разучил несколько десятков песен Леонтовича и Лысенко. В завершение добавлю, что все довоенные сочинения Игоря Стравинского, принесшие ему мировую славу, были написаны в доме его жены-киевлянки, урожд. Носенко, в Усть-Луге над Бугом. Чтобы иметь возможность туда вернуться, Стравинский безуспешно пытался получить польское гражданство. Этот дом, сгоревший в 1941 г., был одной из достопримечательностей польской Волыни. У меня сохранилось несколько его

фотографий. В прохладе окружающих лугов слышны были там песни, звучавшие на всех окрестных полях. Один из этих мотивов фигурирует в «L'Oiseau de feu»^[5] как мотив «снятия колдовства». Даже если бы я был заколдован, говаривал Стравинский, то услышав песни из Усть-Луга, вновь стал бы самим собой.

Нет ничего удивительного в том, что мужики и бабы из Почаева пели на четыре голоса с необычайной проникновенностью и силой убеждения, которой, к сожалению, не достает оперным хорам и которая составляет тайну народного искусства. Слушая их, я отдавал себе отчет в том, что новая Польша не овладела полностью своей Волынью, не знала ее и не проявляла к ней ни малейшего интереса. Новоприбывшим чиновникам от образования и администрации не хватало восприимчивости и образованности, чтобы осознать культурную ценность Волыни. Высокие гражданские и военные чины путешествовали по кресам как Иона во чреве кита, т.е. ездили много, но видели мало. Случайно встреченный делегат Озона^[6], дипломированный инженер, убеждал меня, вблизи собора св. Владимира, что народ Волыни был изначально католиками и обратился в православие во времена предателя Юзевского.

Следуя за группой мужиков, я внимательно приглядывался ко всем встречным полякам, пытаюсь отгадать их мысли. Все казались совершенно немзыкальными, большинство выглядело недовольными. Одни, наверное, размышляли, не является ли пение какой-то скрытой антигосударственной манифестацией — это было вскоре после разрушения полицией и хулиганами 123 церквей, в том числе нескольких старинных, сохраняемых на средства Мин. Образования, — или нет ли в этом какой-то интриги Юзевского.

Поскольку мои лекции были публичными, я спросил моих хозяев, пригласили ли на них здешних украинцев и евреев. Мой вопрос вызвал большое замешательство. Никто в союзе учителей не знал ни одного еврея или украинца. На это я заявил, что не вижу смысла в моих лекциях, потому что полякам я читаю их в Варшаве, а отправившись на Волынь, хотел бы говорить с так называемыми меньшинствами и с этой целью подготовил темы, особенно интересующие украинцев и евреев. Однако вскоре я убедился, что пригласившие меня не имеют ни малейшего намерения исполнять мои желания. В других отношениях это были даже симпатичные краковяне, силезцы, варшавяне, великополяне, келечане и т.д., живущие подчас по 8 лет в Кременце в полной изоляции от местного

населения. Кроме куратора лица, [Стефана] Чарноцкого, ни один из них не был родом с кресов. Моя точка зрения была для них совершенной новостью. (...)

В первые годы независимости, когда война с Россией была еще свежа в памяти, то и дело предлагались разные меры, призванные обеспечить мирное сосуществование поляков с национальными меньшинствами восточных окраин. Поначалу говорилось о федеративном устройстве, потом о разных формах самоуправления, потом о культурной автономии, наконец, о разных благих помыслах в духе очищения и примирения. Однако все эти помыслы были совершенно непопулярны в польском обществе и за 10 лет не приобрели никаких явных сторонников. Последним известным мне выразителем таких мыслей был ген. Млодзяновский^[7], который в 1926 г. лишился поста министра внутренних дел за то, что развивал эти идеи перед Советом министров.

Во второе десятилетие независимости состояние дел на восточных окраинах вызывало резкую реакцию польской стороны, как известное «усмирение» Галиции в 1930^[8], множество других, менее громких «усмирений», оккупация значительной части кресов Корпусом обороны пограничья. (...)

Политическая сторона этого крестового похода против украинцев хорошо известна и нет необходимости о ней говорить. Хотел бы остановиться только на двух менее известных аспектах этого дела, а именно на экономической дискриминации населения окраин и на последней фазе отношений, предшествовавшей началу войны.

У нас часто обсуждалось разорение восточных окраин, приписываемое разным причинам. Впервые это ярко проявилось в период нашего кратковременного процветания, т.е. в 1926–1929 гг. Имея доступ ко всем официальным источникам информации и часто посещая кресы, я видел, как экономическому оживлению так называемой Польши А сопутствовало соразмерное обнищание Польши Б. Причиной этого была экономическая дискриминация между областями с польским населением и областями, заселенными национальными меньшинствами. Последние были ограничены в отношении кредитования, транспорта (напр., разборка 1800 км узкоколейки на Волыни), инвестиций и т.д. Уже летом 1928 г. разрыв между экономическим развитием восточных окраин и остальной страны зашел настолько далеко, что некоторые высшие чиновники и эксперты-экономисты считали своим долгом предупредить об этом председателя Совета министров.

Они считали, что снижение доходов столь значительного числа жителей может задержать процессы товарооборота по всей стране, привести к снижению заработков, безработице и другим кризисным явлениям. И уже за полтора года до начала американской депрессии признаки экономического кризиса были заметны на восточных окраинах и угрожали остальной стране. Эти воспоминания актуальны и сейчас, они выявляют общие издержки экономического притеснения значительных групп населения.

Здесь стоит указать, что процессы потери национальности обычно начинаются от верхушки общества и групп с наиболее высокими доходами. В Чехии и на наших западных окраинах германизации подверглась в первую очередь зажиточная шляхта, ориентированная на князей и придворных венского и саксонского двора. Беднейшее население, оттесняемое зажиточными слоями, не интегрированное с другими группами, не подвергается потери национальности вообще. Этот вопрос был всесторонне изучен в США. В Германии я сам видел польских рабочих, живущих уже в третьем поколении в бараках и ночлежных домах и говорящих на языке польских предков. В изоляции на дне общества рабочие не подвергались влияниям окружения, которое их отторгало. Экономическая дискриминация украинского населения, сталкивающая его на низшие ступени общества, точно так же ограждала его от всяких польских влияний. С другой стороны, эта политика, удерживавшая восточные окраины в состоянии постоянного экономического упадка, делала их недоступными для населения из центра страны, привыкшего к лучшим заработкам. (...)

С 1930 г., в результате кризиса и общего обнищания вост. окраин, доходы упали там так низко, что за день работы крестьяне и ремесленники получали от 50 грошей до 1 злотого. Благодаря такому низкому уровню оплаты восточные окраины стали областью, недоступной для населения из других районов. Существование столь обширной резервации с низким уровнем жизни, не отделенной от остальной страны сплошной границей, должно было влиять на общее снижение доходов по всей стране. Этими обстоятельствами следует объяснять в т.ч. неудачу военной колонизации восточных окраин и бегство колонистов. В 1935 г. выяснилось, что каждый военный колонист в форме кредитов и разного рода выплат получил от казны сумму, в три раза превышающую рыночную стоимость его участка. Эксперимент полностью подтвердил то, что было так или иначе легко предвидеть, а именно: что экономическая дискриминация украинского населения превратит кресы в

«зону табу» для поляков из других районов. Таким образом в период 1919–1939 гг. население перенаселенной центральной Польши само закрыло себе доступ к восточной части страны. (...)

На Волыни проживало ок. 10% польского населения. Его старшая часть, помнящая царские времена, земство, честное судейство и довоенный либерализм, с трудом приспособлялась к новым веяниям. В органах общественного управления на Волыни были несколько — впрочем, крайне мало — представителей этой группы. В 1939 г., после отстранения Юзевского, новые власти уволили чиновников, происходящих с Волыни, и начали удалять за пределы воеводства наиболее известных представителей довоенного поколения поляков. (...)

Пишу Вам обо всем этом, предвидя, что подробности эти рано или поздно всплывут в публичных дискуссиях и мы (поскольку не оставляем притязаний на восточные окраины) должны будем как-то к ним приспособиться. (...)

*

О всеобщем безумии могут свидетельствовать предпринятые на окраинах шаги против православной Церкви. Все знают, какой взрывной силой обладают религиозные конфликты, и любая здравомыслящая администрация избегает их старательным образом. (...)

По разным причинам православная Церковь в Польше находится на грани уничтожения. Верующие оставили храмы, секты вытеснили правоверие, греко-католическая пропаганда сделала значительные успехи. На левом берегу Буга несколько десятков церквей закрылось из-за отсутствия священников и паствы. Даже в знаменитом соборе св. Владимира в 1933 или 1934 г. я видел службу, которой стал единственным свидетелем. Казалось, что православие исчезнет из-за отсутствия интереса.

Это положение дел полностью изменилось после на шумевшего разрушения хулиганами и полицией 123 церквей на левом берегу Буга. Поскольку часть этих храмов не имела больше прихожан, казалось, что враги православия одержали там полную победу и что эти пустые церкви, сохраняемые в качестве памятников, являются как бы зримыми свидетельствами этой победы. Но преследователи хватили за край. Не удовлетворившись разрушением храмов, решили не допускать прихожан в церкви на правом берегу Буга. Каждое воскресенье полиция перекрывала мосты через Буг, не пуская

православных на волынский берег. Мужчины, опасаясь Березы^[9] или т.н. прокураторского дела, оставались дома, женщины же переходили вброд довольно глубокую в этом месте реку, и их, обтекающих водой, можно было видеть на всех дорогах, идущих вглубь Волыни. Я видел такую сцену на шоссе из Усть-Луга до Владимира. Собор св. Владимира, еще недавно зиявший пустотой, наводнила толпа верующих — фанатичных, упрямых, нестигаемых, готовых принять мученичество. Возрождение православия на польских землях стало свершившимся фактом. В 1939 г. каждое воскресенье в недавно еще оставленное Почаево прибывало больше верующих, чем раньше на Пасху.

Обезумевшие преследователи не сделали никаких выводов из опыта. Волна преследований перекинулась также и на Волынь. Как КОП^[10] обращал в католичество *manu militari*^[11], Вам наверняка известно. Всё новые церкви «переосвящали» в костелы. В Луцке в 1938 г. оставалась только одна церковь, но и ее превратили в костел в конце августа 1939 го. Это был последний акт польской политики на Волыни.

Впервые напечатано: *Zeszyty Historyczne*. 1978. Z.45.

Перепечатано: Stempowski J. W dolinie Dniestru i inne eseje ukraińskie. Listy o Ukrainie. Wybrał, opracował i posłowiem opatrzył A.S.Kowalczyk. Warszawa, 1991, s.189–224.

-
1. Polska–Ukraina: trudne pytania. T. 11. Materiały XII międzynarodowego seminarium historycznego «Stosunki polsko-ukraińskie w latach II wojny światowej». Toruń, 11–12 października 2006. Warszawa, 2009, s.99.
  2. См. например заявления Романа Кабачия, Гжегожа Мотыки и Владимира Вятровича // *Nowa Europa Wschodnia*. 2013. №1.
  3. Для чтения в Кременецком лицее цикла лекций о «человеческом факторе в современной литературе».
  4. В Почаеве находится Почаевская Лавра (православная святыня и монастырь), традиционное место паломничества.
  5. Балет «Жар-птица».
  6. Озон (*Oboz Zjednoczenia Narodowego* — Лагерь национального объединения) — основанная в 1936 г. государственная политическая организация националистического толка.
  7. Казимеж Млодзяновский (1880–1928) — художник, легионер, бригадный генерал. Исполнял обязанности министра внутренних дел с 12 мая до 2 октября 1926.

8. Жестокая операция, осуществленная с участием армии и полиции под предлогом поиска складов оружия ОУН (Организации украинских националистов), связанная с уничтожением запасов зерна, домов и имущества.
9. Лагерь для политзаключенных в Березе-Картузской (1934-1939).
10. Корпус обороны пограничья.
11. (лат.) При помощи армии.

СТАРЫЕ ПЕСНИ БЕЗ ГЛАВНОГО

*Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу в ЧК,
боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодезь.*

И.Сталин

«Подобного рода работами мы лечим историческую память не только граждан России, но и сопредельных государств. Это наша общая история... Будущее наше совместное... Пример украинских националистов, как, кстати, и российских большевиков в более ранний период (т.е. не в сталинское время. — А.Г.), демонстрирует то, к чему приводит моральный релятивизм, постановка во главу угла политической деятельности насилия...» — такое заявление сделал Андрей Сорокин, директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), по совместительству главный редактор издательства РОССПЭН. Эти слова были произнесены на презентации сборника документов «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны», которая прошла в РИА «Новости».

Очевидно, следующей фразой, которая не являлась ответом на чей-то вопрос, а значит, была заготовленным комментарием, Сорокин дал понять и мотивацию публикаторов: «Не Россия начала войну памяти, войну идентичностей... Именно наши бывшие союзные республики начали этот процесс на основании отталкивания от нашего общего союзного прошлого». Видеозапись презентации выложена на сайте пресс-центра названного информагентства.

Выход указанного труда — событие, в историко-архивной жизни всего постсоветского пространства последней четверти века беспрецедентное. При подготовке в течение нескольких лет были задействованы мощнейшие административные и значительные финансовые ресурсы. На презентации издания от имени авторского коллектива говорил глава архивной службы РФ Андрей Артизов, а также ряд близких по статусу официальных лиц. Составители проводили архивный поиск и за рубежом, в том числе в Германии. В качестве соиздателей значатся РГАСПИ — основное хранилище, а также ГАРФ и архив ФСБ. В общей сложности привлечены документы полутора

десяток архивов, что выделяет труд из целого ряда подобных публикаций в странах СНГ, Польше и Канаде.

Многие документы специально рассекречены для этого издания.

Андрей Артизов упреждающе заявил российским журналистам, что политического заказа не было: «Мы не позволили там, где сами писали текст... себе ни одного юридического или идеологического ярлыка по отношению к участникам событий прошлого».

Однако уже в предисловии на стр.22 повстанческие командиры «невзначай» названы главарями. А на четырнадцатой странице того же введения без опровержения — а значит, как достоверные — приводятся сведения о Ваффен СС: «большие части Галицийской дивизии состоят из членов УПА». Это, скажем так, грубая фактическая ошибка.

Содержание иллюстративного ряда в целом не отвечает теме сборника: нет ни одной фотографии частей и подразделений УПА, зато в изобилии наличествуют снимки пресловутой гвардейской дивизии «Галиция», украинских полицаев или же крестьян, радостно встречающих Вермахт, нацистских бонз в Украине. А ведь за последние двадцать лет были опубликованы сотни фотографий Повстанческой армии.

Стремление представить украинских националистов верными и неизменными подручными немцев и смешать в неразличимое целое полицаев и ОУН отражается в оформлении публикуемых документов. Большинство материалов сборника обладает двумя заголовками — один дали авторы документа еще в годы войны, второй, который должен быть максимально нейтральным, обычно дается составителями. Он публикуется над оригинальным (аутентичным) наименованием и одновременно в общем перечне документов в конце каждого тома. Когда же составители этого труда считали удобным, они сводили оба заголовка в один. Таким нехитрым образом, например, на стр.570 обычные коллаборационистские полицейские батальоны вслед за лексикой партизан получают наименование «националистические формирования». Но шуцманы в массе своей не имели никакого отношения ни к мельниковцам, ни к бандеровцам, которые эти батальоны при случае разлагали.

Нередко в текстах комментариев вместо русского языка применяется суржик, чтобы высмеять националистов. Например, основная политическая цель ОУН на шестой

странице предисловия помещена в иронические кавычки и вместо «самостоятельной» названа «самостийной Украиной». В переводе документа, который почему-то даже не отсканирован, а сфотографирован и зачем-то помещен не в текстовом блоке, а в подборке иллюстраций, слова «українська держава» переводятся как «украинская держава», что на русском дает патетический, а значит, нелепый смысловой оттенок. Хотя правильный, корректный перевод — «украинское государство».

Сотрудник института славяноведения РАН Елена Борисенко на презентации заявила, что составители сосредоточили свое внимание на явлениях, «вызывающих наиболее острые споры, связанные во многом с отсутствием достаточного количества источников... Поэтому в сборнике особое внимание уделено таким сюжетам, как тактика ОУН, прежде всего по вопросам партнерства с нацистами, участие националистов в вооруженных формированиях в борьбе против Красной армии, в репрессиях против мирного населения».

Однако как раз по этим вопросам советская (а затем — российская) сторона с завидным постоянством публикует документы с 1941 г. по настоящий момент, причем с 1991 г. — в основном в Москве.

Кроме того, и в киевской серии «Летопись УПА» убийства бандеровцами лояльно настроенных к советской власти мирных жителей, партсоактива, советской агентуры среди крестьян, борьба повстанцев с Красной армией представлены подробно и многомерно, в том числе документами за подписями Хрущева и Брежнева. Да и источников о контактах ОУН-УПА с немцами киевские специалисты, особенно в 1990 х, ввели в научный оборот немало.

Указанные акценты двухтомника делают его ценным и значимым в основном для академического мира Западной Украины. Ведь там подобные сюжеты не всегда представлены в региональных публикациях в значительном объеме. Но в магазинах и университетах Галиции и Волыни сборник вряд ли будет доступен в достаточной степени. Хотя, учитывая стоимость издания, указанный труд дешевле, но, куда важнее, целесообразнее было бы опубликовать во Львове. Перевод в этом случае не потребовался бы, все читают на русском.

Если использовать логику науки — причем как первичного обнаружения, так и распространения знаний, — издатели этого сборника должны были бы сосредоточиться прежде всего

на том, что малоизвестно или вообще незнакомо представителям собственно российских академических кругов.

В первую очередь в московском двухтомнике следовало бы представить материалы о борьбе Повстанческой армии против немцев и их союзников, о кровавой внутривластной бандеровской дисциплине, о репрессиях немцев против украинских националистов, о советских зверствах в борьбе против УПА, в том числе «проделках» «оборотней в вышиванках» — членов спецгрупп, «легендированных боёвок». Подобных сведений в книге явно недостаточно.

Но самое главное, чего с нетерпением ждут многие исследователи этой и смежной тем — причем и российские специалисты, — что стало бы ощутимым и по-настоящему универсальным (трансграничным) вкладом в науку, но что не попало в сборник: операции и влияние советской агентуры внутри националистических организаций, в том числе в Центральной и Западной Европе. На сотрудничество УВО-ОУН с ОГПУ-НКВД на антипольской основе в 1920-1930-е годы косвенно указывает как ряд публикаций Анатолия Кентия, так и факт длительных доверительных отношений между Павлом Судоплатовым и взорванным им вождем ОУН Евгением Коновальцем. Послужничество обычно оставляет агентурный след. А материалов об этом в киевских архивах ничтожно мало по объективной причине: по ведомственным правилам наиболее ценная зарубежная агентура со всей сопутствующей документацией передавалась республиканскими органами госбезопасности на Лубянку.

Украинские праворадикалы представляли значительный интерес не только для чекистов, но и для советской армейской разведки, в том числе потому, что собирали о Польше — наиболее вероятном противнике — ценные данные сугубо военного характера, а также обладали определенными знаниями о Рейхе. Но в сборник не вошел ни один документ из архива ГРУ. А ведь в 1990-е годы в этом хранилище на общих основаниях, то есть без блат и взяток, работал и украинский ученый Стер Елисаветский. В его книге «Полвека забвения» использованы материалы оперировавшей на Волыни подчиненной Разведупру бригады Антона Бринского («Дяди Пети»). Последний как в итоговом оперативном отчете, доступном в Минске (НАРБ), так и в мемуарах писал, что его агентуре с помощью провокации удалось весной 1943 г. на Волыни развалить полицию, которая после дезертирства стала ядром УПА. Всё это неплохо бы проверить.

Следующие волны вербовок прошли в 1939–1941 гг. в ходе захвата и советизации Западной Украины, затем в 1942–1944 гг. — оперативниками отрядов спецслужб, воевавших на территории Западной Украины в немецком тылу, и наконец в 1944–1945 гг. — с возвращением Красной армии. По одной из гипотез, возникшей в польской эмиграции, даже антипольская этническая чистка УПА была спровоцирована советской агентурой внутри ОУН, что требует подтверждения или опровержения.

На презентации сборника директор ГАРФ Сергей Мироненко заявил, что каждый документ содержит указание на место хранения, ссылку: «Любой человек имеет возможность проверить, как архивисты выбрали документ».

Однако на обращение в ФСБ солидного академического исторического журнала, входящего в перечень российской ВАК, с просьбой показать гражданину РФ оригиналы материалов, 19 июля был получен отказ № 10/А–3648. Основание кафкианское: «Архив гарантирует, что копии текстов, подготовленных для публикации документов, а также их архивные шифры соответствуют подлинным текстам».

Отметим, что недопущение к уже обнародованным документам, например в архиве СБУ в последнее время, и даже в последние два года, — непредставимо. Более того, украинские спецслужбы предоставляют по запросу и ряд неопубликованных материалов, в том числе иностранным, включая российских, исследователям. Да и в рецензируемом сборнике видна украинская открытость и щедрость: документов из архива СБУ помещено там больше, чем из лубянского архива!

Соккрытие от исследователей соответствующих материалов ФСБ не случайно. В рецензируемом сборнике продолжается традиция, начатая еще в многотомнике «Органы ГБ СССР в ВОВ» — наиболее ценные, а то и ключевые фрагменты документов опускаются, а в примечании указывается: «часть текста утрачена». Например, это сделано на стр. 569, где речь идет о переговорах главкома УПА Тараса Бульбы (Боровца) с представителем органов госбезопасности Дмитрием Медведевым. А из других источников известно, что на этой встрече Медведев пытался убедить атамана убить сатрапа Украины, прокоммунистического изувера Эриха Коха, которого соратники по партии за леворадикальные взгляды называли «Эриком Красным» (т.е. Рыжим) или «Вторым Сталиным».

Подводя итог, следует сказать: вопреки огромным задействованным силам научное значение сборника ограничено. Несмотря на изобилие впервые обнародованных документов, в двухтомнике ничтожно мало ранее неизвестных, но при этом важных фактов, на основании которых можно выстроить новые интерпретации.

Ценность подобных изданий увеличится, когда сотрудники российских архивов и РАН не будут заниматься «войнами памяти», которые являются лишь надстройкой расползания системы коррупции, ради самосохранения стремящейся к экспансии, а посвятят себя науке.

Этот труд со всей яркостью показал, насколько России необходимо открытие архивов, в первую очередь ведомственных, но и государственных, доступ в которые для удобства манипуляции учеными ограничен.

Если бы оба условия соблюдались, даже один исследователь средней руки за год смог бы на основании одних только московских архивов составить по этой теме бестселлер, который коллеги разорвали бы на цитаты.

Статья написана при финансовой поддержке фондов Петра Малофея и Николая Клида Канадского института исследований Украины (CIUS).

УКРАИНСКИЙ СВЯЗНОЙ

1.

Одним из основных приоритетов Ежи Гедройца был вопрос установления с восточными соседями Польши таких отношений, которые в будущем не только станут способствовать развитию партнерских отношений, но и — благодаря гарантии суверенности этих стран — пресекут возможность отношения к ним как к территории борьбы за влияние между Польшей и Россией. Обсуждая развитие восточной программы парижской «Культуры», Януш Корек пишет, что наряду с предложением создать федерацию стран Центрально-Восточной Европы и установить западную границу Польши сформировалась картина распада советской империи и тем самым начало процесса демократизации России. Со временем появился новый элемент: «Новым было то, что „Культура” начала обращать внимание на тот факт, что с точки зрения безопасности Польши и других стран Центральной Европы самым важным в процессе деколонизации СССР и восточного блока было бы формирование суверенных и демократических государств, которые бы находились в хороших отношениях со своими соседями — Украиной, Литвой и Белоруссией. Территория УЛБ, как называли ее в „Культуре”, имела, по мнению журнала, решающее для остальной Европы значение»^[1].

Вероятность реализации этой концепции в условиях холодной войны была, разумеется, практически нулевой, однако повысить эту вероятность было возможно при условии начала сотрудничества с независимыми центрами эмиграции из соседних стран. Причем здесь стоит подчеркнуть, что за такое сотрудничество Гедройц боролся почти с самого начала своей редакторской активности в эмиграции, что было намного труднее, чем это описывает Анджей Ст. Ковальчик: «Эмигранты из Восточной Европы неприязнь и предубеждения взяли с собой в изгнание, жили в национальных гетто, разобщенные, недоверчивые к другим. Украинские эмигранты не искали взаимопонимания с поляками, не испытывали потребности в общих раздумьях над трагическим прошлым, в переоценке мешающих стереотипов»^[2]. Дело было до такой степени сложным, что даже после того, как Институт литературы издал по-украински антологию «Расстрелянное

возрождение», представившей произведения запрещенных в стране поэтов, в большинстве, впрочем, убитых во время сталинских чисток, некоторые центры украинской эмиграции чувствовали в этом своего рода подвох.

В этих обстоятельствах начало сотрудничества в 1950 г. с Богданом Осадчуком стало для Гедройца существенным подкреплением в попытках выстраивать польско-украинский диалог, хотя, как пишет Магдалена Гроховская, появление текстов этого автора на страницах «Культуры» «обе эмиграции приняли с неприязненным удивлением»^[3]. Тем более что дело было не только в предоставлении текстов и анализа ситуации. Как вспоминает Осадчук: «Наше сотрудничество распространялось и на другие сферы (...). На первом месте была задача поднимать дух и искать союзников как среди украинцев, так и среди иностранцев, главным образом немцев и швейцарцев. Вопрос состоял в привлечении украинских авторов из среды младшей эмиграции»^[4]. В этом отношении Осадчук вписывался в похожие действия, предпринятые уже раньше Ежи Стемповским, который в письме 1947 г. извещал редактора: «Сотрудничество украинских литераторов в „Культуре“ я считаю решенным вопросом. Я имею в виду трех блестящих писателей — Юрия Клёна, Леонида Мосёндза и Евгена Маланюка. Этих троих я знаю хорошо и, наверное, сумею уговорить их писать»^[5]. Немного спустя Гедройц извещал своего опытного в украинских вопросах корреспондента: «Я обращаю Ваше внимание на Осадчука, очень ловкого и толкового журналиста, к которому я испытываю доверие, насколько можно испытывать доверие к украинцу. Он может стать для Вас прекрасным „загонщиком“ и информатором».^[6]

Однако, становясь постоянным и высоко ценимым публицистом немецкого и швейцарского издания «Нойе цюрхер цайтунг», Осадчук прежде всего оказывался посредником, благодаря которому Гедройц мог сообщать более широкой, чем просто эмигрантская, публике информацию о намерениях и идеях, возникающих в кругу «Культуры». Со временем и сам публицист, который был одновременно профессором Свободного университета в Западном Берлине, стал наиболее важным автором, поднимавшим на страницах журнала украинские вопросы и вопросы украинско-польских отношений; наконец, после получения Украиной независимости он в течение некоторого времени исполнял роль неофициального советника президента Кучмы, становясь своеобразным «украинским связным» Гедройца в Киеве. Это тем существеннее, что, как пишет Богумила Бердыховская,

«Гедройц был убежден в исключительной важности нормализации польско-украинских отношений. Нормализация эта в первую очередь должна была дать возможность координировать действия в борьбе за независимость, но прежде всего будущие добрососедские отношения между независимой Польшей и Украиной»^[7].

2.

Богдан Осадчук вместе с Ежи Стемповским, Станиславом Винцензом и Юзефом Лободовским составляли круг, который можно назвать «украинским лобби» в парижской «Культуре», но только он был в этом кругу коренным украинцем, вдобавок живо интересующимся актуальными проблемами своей родины. Кроме того, он выступал как публицист украинской эмигрантской прессы — отсюда и его роль в «Культуре» заслуживает особого внимания, — тем более что в пространстве своего дискурса он учитывал не только поляков и украинцев, но и немцев, для которых был умелым «толкователем» всей восточноевропейской проблематики. Его буквально фантастическая эрудиция выражалась не в сухих фактографических повествованиях, а в красочных историях, часто основанных на личном опыте.

Его легко можно назвать украинским «полонофилом», однако это противоречило бы действительности. Он был свободным от националистских фобий (это, впрочем, делало его прекрасным партнером Гедройца и всего круга «Культуры»), но вместе с тем ярким украинским патриотом, ищущим как в период гнета советской системы, так и после ее распада условия, которые позволили бы обеспечить Украине суверенность. Одним из основных таких условий была прежде всего способность к диалогу, превращающему противостояние в партнерство, которое позволяет создавать картину будущего, хотя бы такую, которая нашла отражение в проекте строительства Польско-Украинского университета, но вместе с тем и другую, более широкую и реконструирующую — хотя и в новых обстоятельствах и на новых принципах — пространство Междуморья. Подчеркивая в 2000 г. важность университетского проекта, он добавлял: «Независимо от этого действительно исторического начинания, остается все еще в сфере приготовлений не менее, а политически, может, даже более важная концепция создания территории Междуморья, то есть соединения бассейна Балтики с бассейном Черного моря. Это программа столетия, если не тысячелетия, потому что если нам удастся реализовать эту идею, то мы перевернем старую, всегда невыгодную для нас геополитику вверх ногами. (...) Нам

не хватает в этом деле увлеченных партийных политиков, экономических деятелей и прежде всего мастеров слова, способных вырвать граждан из нынешнего онемения и аполитичности, а в этот счастливый период можно было сделать намного больше. Пользуясь вялостью и пассивностью политики Москвы во время правления Ельцина, отсутствием давления Брюсселя на Варшаву и благоприятной обстановкой в обоих наших государствах, ловкие и дальновидные политики могли оплести обе страны сетью таких договоров и соглашений, что каждому, кто бы хотел ее распутать, было бы нелегко это сделать. К сожалению, мы не воспользовались этим шансом»^[8].

Была ли эта картина утопической? Вероятно, до определенной степени да, но ведь она отсылала к историческому опыту, той идее «Ягеллонской Польши», на территории которой добились сотрудничества трех народов. Не случайно герб восстания 1863 г. соединял в себе три других: щит герба, поделенный на три части, изображал Белого Орла, Погоню и архангела Михаила, символизирующего Киевскую Русь. Стоит при этом обратить внимание на тот факт, что этот герб от герба восстания 1830 г. отличает именно присутствие третьего национального символа — символа Руси, — это, несомненно, стало результатом того, что предводители освободительного движения заметили всё громче выражаемые украинцами национальные чаяния, которые во второй половине XIX столетия были одним из самых существенных факторов, активизирующих общественную жизнь на всей территории Междуморья. Поддержка этих чаяний стала основой союза Пилсудского с Петлюрой, и — хотя исторический круговорот не позволил воплотиться намечающейся перспективе партнерского взаимодействия обеих стран — идея эта стала постоянным пунктом программы, выработанной коллективом «Культуры» Ежи Гедройца, которого Осадчук не без причины наделил титулом «Великого канцлера Республики Четырех Народов»: «По моему ощущению, он был великим канцлером этой символической, нереализованной Республики, а умом и визионерской силой политического воображения перерос всех политиков в трех созывах независимой Польши с 1918 года, за исключением, пожалуй, маршала Юзефа Пилсудского. (...) Его видение восточной политики выросло на почве раннего опыта молодого пилсудчика, разочарованного в изначальных надеждах на изменения курса по отношению к меньшинствам»^[9]. И именно это положение Гедройца предопределило связь Осадчука с коллективом «Культуры». Поэтому не удивляют примечания, составленные после смерти редактора: «Ни один из существующих журналов в Польше и на

Украине и ни один из современных издателей и редакторов в наших странах не в состоянии заслонить нравственного авторитета и харизмы Ежи Гедройца и „Культуры”. Такое положение особенно печально ввиду прогрессирующего упадка политической культуры и непрерывного процесса обмельчания публицистики. Касается это и дальнейшего развития польско-украинских отношений в условиях коренного изменения международного статуса обоих государств. Кто в этот исторический момент опасности возникновения новой версии „санитарного кордона” не на Збруче, а на Буге заменит Ежи Гедройца?»^[10].

3.

Осадчук сначала тоже понимал, что польско-украинское или украинско-польское (ведь это не одно и то же) сотрудничество должно пройти трудный путь примирения обоих народов. Суть, разумеется, в исторических событиях. Чуткий к прежним конфликтам, он предупреждал Гедройца в июле 1953 г.: «Боюсь, что вскоре мы можем оказаться перед такими фактами, как издание украинцами обширной монографии на западных языках о польском засилье в Галицкой Руси и в Волыни до 1939 г., а также перед лицом Украинского союза западных земель — Холмщины, Засанья и Лемковщины. Нечто подобное я уже слышал. Приверженцы этой идеи утверждают, что если польская пресса проводит существующий курс — имея в виду, конечно, прежде всего „Дзенник польский”, — если действует польский Союз юго-восточных земель, то почему же украинцы не могут орудовать теми же самыми средствами. Одним словом, невесело»^[11]. Нарисованная перспектива должна была означать, в силу обстоятельств, рост в эмиграции прежних украинско-польских конфликтов, а это угрожало предпринимаемым «Культурой» попыткам соглашения, всё более активным участником которых становился Богдан Осадчук — не отрицая необходимости расчета с историей, он, однако, работал прежде всего на дело создания климата, способствующего формированию в будущем, тогда все еще неясном, атмосферы перемирия, гарантирующей суверенность двух соседствующих государств.

Одна из наиболее интересных инициатив — это предпринятая в 1967 г. попытка издавать в сотрудничестве с «Культурой» журнал, представляющий либеральные центры украинской эмиграции: «Речь сейчас идет о создании приличного журнала, пока ежеквартального. Он мог бы выходить при „Культуре”. Редакцию представляли бы три человека: Кошелівец, Василь Рудко (философ-публицист, который не печатался в

«Сучасности» из оппозиции к националистам) и я; если бы Рудко отказался, то Кошелівец, Рудницький и я. (...) Ориентация — максимальный либерализм, диалог с Киевом и Москвой, поиск моделей на будущее. Главные вещи Меровського могли бы печататься полностью по-украински, чтобы в Киеве читали точку зрения „Культуры”»^[12]. Инициативу эту, как известно, не удалось воплотить в жизнь — препятствием стали прежде всего финансовые причины. Характерно, однако, что такие или подобные попытки партнерского сотрудничества с кругом, созданным Ежи Гедройцем, Осадчук предпринимал — независимо от добросовестного выполнения редакционных «заказов» — систематически. Без сомнения, Осадчук был также свободен от комплексов, свойственных после войны центрам центрально-европейской эмиграции, чему, безусловно, способствовало его положение одного из важнейших публицистов немецкоязычной прессы Западной Европы. И именно это отсутствие комплексов позволяло ему с дистанции, хотя и не свободной от предвзятости, трактовать спорные вопросы в украинско-польских отношениях. Однако решение этих вопросов было подчинено высшей картине будущего не только Польши и Украины, но и всего региона.

Примером, прекрасно иллюстрирующим это положение, стало высказывание Осадчука по делу Волыни. Принимая в 1995 г. участие в дискуссии, посвященной этому делу на страницах «Газеты wyborчей», он писал в очерке «Волынь: модель прощения»: «Дебаты в „Газете wyborчей” заслонили проблему, но не прояснили причин, масштабов и итогов этого трагического фрагмента нашей общей истории. Они не могли этого сделать, так как сегодня — а вероятно, и никогда — всё выяснить не удастся. Впрочем, нет полной и однозначной правды, у каждой из сторон своя правда о каждом событии, каждом эпизоде истории. Хорошо, что всё чаще повторяются попытки как можно более всесторонней интерпретации тех трагических событий. В этом смысле „волынская дискуссия” представляет собой большой шаг вперед. Она дает новый импульс дальнейшим поискам, дебатам и анализу проблемы»^[13]. Заканчивая же свой очерк, он указывал решение, которое осуществилось в других обстоятельствах и видится полезным и в этом случае. Откликаясь на высказывание Михайло Демковича-Добрянського, призвавшего укреплять пространство дискуссии в формуле взаимного прощения, Осадчук пишет: «Путь, предложенный Демковичем, требует в нашей ситуации применения польско-немецкой модели, то есть выстраивания в кропотливом труде инфраструктуры прощения и сотрудничества. (...) Польско-немецкая модель возникла не в один день. Но она совершила

большое дело, начиная от корректировки учебников истории и заканчивая сотрудничеством во всех областях»^[14].

Предложенная здесь модель — это не только попытка преодолеть призраки прошлого, она одновременно ведет к созданию такой картины будущего во взаимоотношениях между Польшей и Украиной, которая позволит — при полном уважении партнерства обеих сторон — строить совместное, не только, впрочем, польско-украинское, но в широком смысле центральноевропейское пространство деятельности, ни Москве, ни Западу не позволяющей рассматривать входящие в него страны по отдельности. Если речь идет о Москве, комментарий не требуется. В случае с Западом Осадчук высказался достаточно сильно в 2004 г.: «Планово проводимая деградация Украины, составляющая часть мышления Запада, была ударом в спину для жаждущих свободы и демократии антикоммунистов, а также противников антидемократического и авторитарного режима Леонида Кучмы. Как бы это ни рассматривать, Запад предал украинскую демократию»^[15].

Эту оценку можно подкрепить утверждением, что — независимо от изменений, которые имели место после 1989 г. и после распада Советского Союза — Запад всё же рассматривает территорию Междуморья как своего рода периферию, которую — возможно, только временно, пока Россия не справится со своими внутренними проблемами, — он окружил «заботливой опекой»^[16]. Такого рода отношение, демонстрируемое более или менее тактичным образом, всё еще заметно в западной мысли и политической практике, ориентированной скорее на сиюминутную выгоду, чем на картину будущего. Осадчук прочитывает это отношение достаточно точно и пытается ему противопоставить — вопреки пессимистической оценке положения вещей — перспективу, возможно, отдаленную от сегодняшнего дня, но определяющую горизонт дальнейших действий: «Кризис Европы серьезен, я им очень обеспокоен. Но кризисы дают и новые импульсы, побуждают к появлению новых взглядов. Может, для нас это такой вызов, к которому старая Европа будет присматриваться с надеждой»^[17]. Он остается верным этим принципам, которые составляли фундамент признанной *political fiction* практики парижской «Культуры»: объединения способности точного различения реальных со стремлением формировать картину будущего, которая, правда, поборникам *Realpolitik* может показаться утопией, но которая выходит за сиюминутные, подчиненные непосредственной выгоде цели.

-
1. Korek Janusz. Paradoxy paryskiej «Kultury». Styl i tradycje myślenia politycznego. Lublin, 2000, s.403.
  2. Kowalczyk Andrzej St. Od Bukaresztu do Laffitów. Jerzego Giedroycia rzeczpospolita epistolarna. Sejny, 2006, s.210.
  3. Grochowska Magdalena. Jerzy Giedroyc. Do Polski ze snu. Warszawa, 2009, s.154.
  4. Osadczuk Bohdan. Rola Jerzego Giedroycia w stosunkach polsko-ukraińskich // Jerzy Giedroyc. Redaktor — polityk — człowiek. Zebrał, do druku przygotował i wstępem poprzedził Krzysztof Pomian. Lublin, 2001, s.159.
  5. Giedroyc Jerzy, Stempowski Jerzy. Listy 1946-1969. Wybrał, wstępem i przypisami opatrzył Andrzej St. Kowalczyk. T.I. Warszawa, 1998, s.30.
  6. Там же, с.325. Эта цитата — для понимания читателей — нуждается в существенном примечании. К ехидному замечанию Гедройца о доверии к украинцам не следует относиться всерьез: в этих словах — и Стемповский это прекрасно знал — выразилось специфическое чувство юмора редактора «Культуры», который с удовольствием играл стереотипами; в его высказываниях нетрудно найти ехидства по адресу других наций, не исключая поляков.
  7. Berdychowska Bogumiła. Giedroyc i Ukraińcy // Jerzy Giedroyc — Emigracja ukraińska. Listy 1950-1982. Wybrała, wstępem i przypisami opatrzyła Bogumiła Berdychowska. Listy autorów ukraińskich przeł. Ola Hnatiuk. Warszawa, 2004, s.26.
  8. Osadczuk Bohdan. Między Nowym Jorkiem a Kijowem. Kultura. 2000. №7/8.
  9. Osadczuk Bohdan. Niepodległa Ukraina. Wybór szkiców, artykułów i rozmów (1991-2006). Wybór i opracowanie Basil Kerski. Sejny, 2006, s.28-29.
  10. Jerzy Giedroyc — Emigracja ukraińska. Listy..., цит. соч., s.56.
  11. Там же, s.132.
  12. Там же, s.351.
  13. Osadczuk Bohdan: Niepodległa..., цит. соч., s.129.
  14. Там же, s.136.
  15. Там же, s.318.
  16. Domenach Jean-Marie. Europa: wyzwanie dla kultury. Tłum. Hanna Sikorska. Warszawa, 1992, s.102.
  17. Osadczuk Bohdan, цит. соч., s.332-333.

ДОМ ПОД ЛЮТНЕЙ

Когда Броневич говорил дочери, что здесь, в Липове, чувствует себя в безопасности, он не упомянул о разговоре со штатским из якубовского милицейского участка.

Стоял жаркий день, середина июня сорок восьмого. Он жил в Липове уже несколько месяцев, но, как писал в Варшаву, пока только знакомился с местами и людьми. В полдень приехал рыжий милиционер, прислонил велосипед к фундаменту под верандой, снял фуражку и вытер платком вспотевшее лицо. Полковник услышал, что со двора его кто-то зовет. Вместе с Василем он как раз двигал мебель в большой комнате: хотелось переставить шкаф, горку и деревянную кровать. Оба вышли на веранду.

Милиционер надел фуражку, козырнул и спросил:

— Гражданин Броневич?

— Это я.

— Я вам повестку привез, — из висящей через плечо полевой сумки он вытащил пачку бумаг, посплюнул палец и отыскал маленький бланк. — На копии нужно расписаться в получении.

Полковник прочел: «Гр. Броневичу Юзефу. Повестка. Вам надлежит явиться (здесь были вписаны число и время) в участок Гражданской милиции по адресу (дальше было вписано: Якубово, ал. Красной Армии, 12, каб.№ — номер отсутствовал). Подпись была неразборчивой, печать размазана.

— По какому вопросу?

Рыжий милиционер глянул на Броневича снизу вверх — ногу он поставил на ступеньку веранды, сумку положил на колено.

— Узнаете на месте. Подпишите? А то, если нет, так я должен отметить: подписать отказался.

Полковник взял у него химический карандаш, встал у перил, положил бумажку на деревянный поручень и подписался. Милиционер спрятал копию в сумку. Уходя, он стукнул пальцами по козырьку фуражки. Василь и Броневич смотрели, как он уезжает — перекидывает ногу через седло и медленно

начинает крутить педали. Штанины у него были сколоты английскими булавками.

— Его *Рыжим*^[1] кличут, — сказал Василь. — Он еще не самый плохой, можно с ним *побалакать*. А другие так просто *собаки*.

Бронович поехал в Якубов спустя два дня. На телеге — брички у него еще не было. Шел дождь, и со спины Бенедикта по крупу и бокам стекали темные струйки.

Он подъехал к двухэтажному дому у асфальтовой дороги на Старый Бор. Стекла в окнах первого этажа были выбиты. На стене — как швы — дырки от автоматных очередей. Бронович оставил телегу у забора, накинул вожжи на колья и пошел к зданию. На лестнице перед входом снял плащ и стряхнул с него капли.

Дежурный на первом этаже взглянул на повестку:

— Это к товарищу Бакалярскому. На второй этаж.

Он поднимался по лестнице без перил вдоль стены с ободранными панелями. От деревянной балюстрады остался только столбик на лестничной площадке. Комнаты на втором этаже были пусты, двери открыты. Никого. Лишь из последней комнаты в самом конце коридора выглянул штатский в голубой рубашке. Впечатление он производил неряшливое. Небритый, полурасстегнутые штаны на большом животе. Подтяжки.

— Сюда, сюда! — позвал он. — Гражданин Бронович?

Полковник показал повестку, на которую штатский даже не посмотрел.

— Ждем вас, ждем, — он продолжал все время улыбаться.

В комнате, куда они вошли, было темно от дыма. За тремя столами сидели милиционеры, двое из которых курили папиросы. На стене — портреты Берута и Роли-Жимерского. Орел без короны. Закрытые окна, спертый воздух. Штатский прошел между столами, открыл дверь в соседнее помещение и кивнул Броновичу:

— Прошу, прошу.

Полковник догадался, что разговор с предполагаемым Бакалярским (этот человек не представился и не подал руки) может кончиться плохо. Впоследствии он много раз думал об

этом. Этого не произошло благодаря дальнейшим событиям и, возможно, тому факту, что на протяжении всего разговора чувствовался запах алкоголя — самогона или водки, которую Бакалярский наверняка пил с сидевшими за стеной милиционерами. Как только они вошли, небритый человек уселся за большой стол и удобно развалился. Здесь тоже висели портреты. Вместо Роли-Жимерского — Францишек Юзвяк (кличка Витольд), рядом Берут. Над ними — посередине, в позолоченной раме — Сталин в мундире, с красной звездой на кителе. Броневич сел на стул по другую сторону стола.

— Эх, гражданин бывший полковник, хорошо, что вы к нам приехали, — начал штатский. — Мы с распростертыми объятьями принимаем поселенцев. Земля ждет, граждане ждут. С местным населением надо вести разъяснительную работу, учить его! Спустя много лет наше отечество вернулось на свои земли! — он обращался к полковнику как к ученику, которого необходимо просветить.

Через несколько минут Броневич прервал его:

— Ну ладно, господин хороший, а от меня-то вам чего надо? Зачем вызывали?

— Послушайте, подполковник. Элементы, среди которых вы сейчас живете, — в большинстве своем антисоциалистические. Враги нашей действительности. Вы можете сыграть положительную роль в качестве национально и общественно сознательной личности. Так ведь? — Бакалярский впервые взглянул на своего собеседника. До этого, вещая, он смотрел вбок, на стену, иногда поворачивался к окну. Теперь, говоря о сознательной личности, он направил на полковника палец.

— Я не согласен с такой оценкой «элементов», как вы называете местное население, — сказал Броневич. — Это мазуры. Старики говорят по-польски, но ведь они всю жизнь прожили в немецком государстве. Такая уж им выпала судьба.

Бакалярский на своем стуле отодвинулся к стене.

— Знаем, знаем. Тут не в этом дело. Говорят по-польски, а думают по-немецки. Так ведь? — И снова палец, направленный на собеседника.

— Это хорошие люди. Честные, добросовестные, воров здесь нет.

Бакалярский скривился и опять сказал:

— Не в этом дело. Один — такой, другой — такой. Они могут что-то скрывать, вести против нас подрывную деятельность. Понимаете? Речь о том, полковник, чтобы вы были бдительны. Если вам что-то не понравится, если человек покажется подозрительным, приходите к нам. Расскажите всё как священнику на исповеди. Мы вас выслушаем. Понимаете?

Мгновение полковник сидел, глядя на неопрятного мужчину за столом. В соседней комнате один из милиционеров громко рассмеялся. По стеклам стекали капли. Он встал и направился к двери. Ему хотелось как можно скорее выйти, не смотреть больше на этого человека.

— Эй, эй! — услышал он за спиной. — Гражданин полковник! Мы еще не договорили!

Тогда он обернулся, подошел к столу, уперся руками в столешницу и низко наклонился. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу — наверное, покраснел. Бакалярский на стуле отодвинулся еще дальше и прислонился к стене. Он перестал улыбаться: может, испугался?

Бронович отчетливо, шепотом произнес:

— Ты принимаешь меня здесь — небритый, неопрятный, расхристанный. В несвежей рубашке. Наверняка пил перед разговором. Послушай: до войны такие, как ты, в моем полку офицерам сапоги чистили. А если бы кто-нибудь такое сказал, то получил бы хлыстом по морде! По морде! — повторил он. — Тебе ясно?

Он повернулся, подошел к двери, дернул за ручку. Запомнил: задымленная комната, духота, трое за столами, портреты. Пустой коридор. Лестница без перил, обшарпанные панели. Дежурный внизу посмотрел на полковника. Может, заметил перемену: это возмущение, красное лицо.

Бронович сбежал по нескольким ступеням, подошел к телеге. Бенедикт дремал, опустив голову. Дождь шел не переставая, и со спины коня, как и раньше, по крупу и бокам стекали темные струйки.

Прошло две недели — и ничего. Однако в понедельник — как запомнил полковник, первого июля — к дому подкатил «виллис», из которого вышли трое — двое в штатском и один милиционер. Четвертый, шофер в мундире, сидел на ступеньке машины, поджидая остальных. Он успел выкурить две папиросы.

Бронович спустился с веранды. Мужчины его как будто не заметили и разошлись. Двое пошли в сторону овина — он видел, как они зашли внутрь. Кривоногий штатский — низкий, коренастый, в сером костюме и сдвинутой на затылок темно-синей шляпе — удалился в противоположную сторону, за дом. Бронович пошел за ним. Когда он приблизился, лицо штатского, эти кривые ноги, походка, улыбка показались ему знакомыми. Этот человек поджидал его. Неожиданно он щелкнул каблуками полуботинок и вытянулся перед Броновичем во фронт — только на мгновение. Затем вполголоса сказал:

— Иванов. Помните, полковник?

— Вахмистр? Александр?

— *Так точно.* Алексей.

— Центр в Грудзёндзе? Тридцать восьмой год?

— *Так точно.* А теперь я — командир повета. Майор. Управление безопасности.

Он все время улыбался. Протянул руку. Они обменялись рукопожатием. Но уже секунду спустя, когда из-за угла вышли остальные двое гостей, бывший вахмистр изменился, помрачнел, засунул руки в карманы и, не говоря ни слова, удалился.

Одним из этих двоих был знакомый из якубовского участка, Бакалярский, — на этот раз выбритый, в пиджаке и при галстуке. Он молча прошел мимо Броновича и последовал за Ивановым. Третий, незнакомый милиционер в мундире, тоже прошествовал, не сказав ни слова.

Полковник вернулся к веранде. Разговор, который он услышал, объяснял цель визита. Иванов резким тоном обратился к Бакалярскому:

— Что же это ты, Эдвард, задумал? Устроить здесь подготовительный центр? В тридцати километрах от повета? В четырех от вас? В такой деревянной развалюхе? — Иванов засмеялся. Бакалярский молчал.

— Надо поискать где-нибудь в другом месте. Не у черта на куличках!

— Но я... — начал штатский из Якубова. Иванов не дал ему закончить:

— Да иди ты к чертовой матери с такими идеями! — И бывший вахмистр громко рассмеялся.

— Но ведь я, гражданин майор, говорил ему, в чем тут дело, — снова заговорил Бакалярский.

— Что говорил? Что говорил? Значит, ерунду говорил! Янек! — Иванов обернулся к шоферу. — Поехали!

Те двое смотрели, как майор садится рядом с водителем. Он оглянулся:

— Ну, поехали! Слышал, Бакалярский?

Штатский и милиционер подбежали к машине. У последнего, когда он садился, фуражка съехала набок, едва не упав на землю. Он придержал ее, схватившись за козырек.

Только теперь Иванов обратился к Броновичу:

— Так что, гражданин *бывший* полковник, спокойно. Приехали, уехали, *вот и всё!* — он приложил палец к полям шляпы. Бакалярский и милиционер молча сидели сзади.

Бронович остался стоять у веранды и смотрел, как они уезжают. Вот «виллис» свернул на дорогу через поле, потом в последний раз мелькнул на дороге в Галков. Ехали быстро. После нескольких дней без дождя колеса подняли клубы пыли. Пыльный шлейф медленно оседал на луг. Они исчезли в лесу.

Впоследствии полковник размышлял: что Иванов знал о нем? Они приехали, чтобы всё отобрать, выставить его из Липова — это Иванов выручил его из беды. Но знал ли он, когда ехал сюда, что Бронович — тот самый офицер из довоенного Грудзёндза? Какова была судьба этого человека? Он был русским, но ведь до тридцать девятого года в армии можно было встретить белых русских. Может быть, он уже тогда был советским шпионом? Возможно и такое. Однако более вероятной казалась другая судьба вахмистра, подобная судьбам множества младших командиров и солдат, захваченных в сентябре советскими войсками. В сорок первом он не добрался до Андерса. В сорок третьем оказался на Оке. Прошел с костюшковцами от Ленино до Берлина. После войны попал в госбезопасность: говорил по-русски, притворялся коммунистом. С точки зрения бывшего вахмистра из Центра подготовки кавалерии повышение до майора, начальника поветового управления было головокружительной карьерой.

Если бы спустя много лет кто-нибудь спросил Томека, чем ему запомнились первые дни в дедовском доме, он бы наверняка упомянул солнце. Эти дни были солнечными. Утром, когда он просыпался и выглядывал из-под перины, его взгляду представляли залитые солнцем ажурные гардины. На подоконнике стояли горшки с пеларгонией. Красные цветы тоже были ярко освещены солнцем. Из форточек дул теплый воздух. За окном отцветали яблони.

По доскам пола, теплым в тех местах, где из окна на них падали солнечные квадраты, мальчуган босиком бежал в ванную за кухней — умыться холодной водой лицо и руки. Воду он наливал в таз из большого кувшина. По малой нужде, как говорил дедушка, бежал в деревянную уборную за домом. Иногда писал в ведро. Потом завтракал на кухне, где его всегда ждали Уршуля и Зузи: на тарелках лежали приготовленные куски хлеба, намазанные маслом. Творог с зеленым луком, яичко. Молоко он пил из красной кружки в белый горошек.

Зузи смеялась, когда он строил рожи — морщил лицо или делал вид, будто давится. «Не делай так, — говорила Уршуля, — а то еще что-нибудь случится».

Деда обычно не было. Он ездил с Василем в гмину — по магазинам и на лесопилку. Но чаще всего его можно было застать в столярне. «Наша столярня», — говорил Броневич. Через приоткрытую дверь на кухню слышался отдаленный стук молотков или визг пилы. Они ставили лошадиные стойла, пилили доски для нового курятника и сарая для инструментов. Иногда дедушка неожиданно появлялся. На руках и щеках у него были опилки. «Ну, кавалер, как настроение? — спрашивал он внука. — Подходящее?»

Затем садился под тикающими часами. Лили Марлен ставила перед ним чашку с чаем, пододвигала тарелки с ветчиной и сыром, с ломтями хлеба. «Лили, сделай милость, подай мне сахар», — говорил дедушка. Или: «Лили, будь добра, подай соль».

Когда она жарила драники (натертая картошка стояла в глиняной миске возле печи), в доме пахло смальцем. Томек брал с блюда теплые блинчики, пальцы блестели от жира. Рожица Зузи светилась, словно была намазана маслом.

Эти первые дни он проводил возле дома. Вместе с Уршулей они ходили кормить кур и уток, у которых за амбаром был большой вольер. Нужно было выйти за ворота и с другой стороны подойти к проволочной сетке с калиткой, закрывавшейся на

пробой. За изгородью, возле которой росли кусты смородины и крыжовника, стоял старый курятник. Крыша из потрескавшейся черепицы поросла зеленым мхом. Дальше была площадка, покрытая выкопанными ямками, перьями и куриным пометом. Хрипло пел большой черно-рыжий петух. Куры сбегались к ногам Лили. Утки высовывались из-под смородинных кустов и бежали медленно, вразвалку. Прибегали белые индюшки. Зузи и Уршуля сыпали зерно в деревянные желобки, а затем шли собирать яйца, складывая их в выстланную сеном корзинку. К скорлупкам некоторых яиц приклеивались маленькие перышки.

Много времени Томек проводил и в столярне, где пахло досками и стружкой. Он смотрел, как дед с Василем пилят привезенные с лесопилки доски. Их клали на козлы посреди столярни: широкие по одной, более узкие — по две. Затем пилили, двигая пилу назад-вперед за деревянные ручки. Дед и Василь стояли, широко расставив ноги, по обе стороны козел. Дедушка придерживал доску белой от опилок рукой. До этого он мерил каждую складным метром, стоя на коленях на глиняном полу. Столярским карандашом он обозначал места, где пилить. Сыпались опилки. Тонко позванивала пила. Распиленные доски складывали в нескольких местах, вдоль стен, в зависимости от длины.

К жившему в будке большому псу — Атаману (раньше его звали Даго) — Томек поначалу не подходил.

— Ты наверняка с ним подружишься, но не сразу, — сказал Броневич. — Мы возьмем его на прогулку. Он должен с тобой познакомиться.

Томек делал несколько шагов в сторону будки и внимательно смотрел на пса. Если рядом случалась Зузи, она говорила:

— Ну, не бойся, подойди к нему. Он тебе ничего плохого не делает.

Овчарка лежала на животе, била хвостом по земле, прижимала уши, дышала — как будто только и ждала Томека. Зузи сама подходила к псу. Тогда он переворачивался на спину, а она тормошила его шерсть и чесала живот.

Впервые Томек увидел деревню благодаря пришедшим с утра мальчишкам. Он еще сидел на кухне и доедал завтрак. Должно быть, Уршуля знала, что они придут.

— Пан Томаш, выходите на веранду, — неожиданно произнесла она. — Ребята ждут.

Это были Зони и Мани — так их сразу же представила Зузи. Когда внук Броновича вышел на веранду (с надкушенным драником в руке), тот, что постарше, десятилетний Зигфрид, голубоглазый блондин — в коротких штанишках с подтяжками и босой, — спросил:

— Тебя зовут Томек, йо?

Манфред — помладше, пониже и потолще — все время улыбался. Как и Зони, он пришел босиком. Его штанишки тоже были на подтяжках.

Зони выждал секунду:

— Хочешь с нами? Увидишь лодки, и как рыбы под мостом плавают, а?

Томек обрадовался. Он тут же побежал надевать сандалии, но, когда вышел на веранду, ребята сказали, что можно идти босиком — они так везде ходят, потому что тепло, а на дороге только песок:

— Никаких стекол нет!

— Эй, эй, сходи-ка ты к дедушке да скажи ему, куда с ними идешь! — закричала Уршуля, когда они уже уходили.

Томек побежал через двор к амбару.

— Дедушка, дедушка, за мной ребята пришли! — услышал Бронович и выглянул из столярни.

С луговой дороги они свернули на другую, идущую через деревню. Томек никогда не ходил босиком — теперь он чувствовал под ногами песок и пучки травы. Наступив на камушек, он стал прихрамывать. Песок был теплый, трава влажная.

У домов были красные крыши, как и у дедушкиного. За заборами отцветала сирень.

— Здесь я живу, — впервые заговорил Мани, когда они проходили мимо деревянного дома с крылечком со стороны улицы. С крылечка выглянула женщина — наверное, мать Манфреда. Зони сказал «*guten Tag*», но она не ответила и начала что-то быстро говорить Манфреду по-немецки. Мани остался у

забора. Он догнал их через несколько домов, еще перед площадью посреди деревни и перед пересекающей ее главной дорогой. Перейдя через эту дорогу, они прошли мимо здания из красного кирпича. Перед входом по обе стороны крыльца росли две большие липы.

— Это школа, в которую мы ходим, — сказал Зони. — Только сегодня отменили уроки. А ты ходишь?

— Нет, — встреча с ребятами так разволновала Томека, что он отвечал лишь «да» и «нет». Мальчики обращались к нему польски, но между собой говорили по-немецки.

— Мама велела отдать ключ от лодки, — сказал Мани. — *Sie hat Angst, dass wir ertrinken*^[2].

Ребята вышли на деревянный мост и встали у перил. Они смотрели на реку, текущую внизу. Из-под моста выплывали стайки маленьких рыбок. Их чешуя блестела на фоне зеленых водорослей. Кое-где светились островки из песка и мелких камней. В более глубоких местах образовывались водовороты — медленно вращающиеся круги. Плыли ольховые листья. Томек загляделся на реку — на эти сверкающие под мостом рыбы чешуйки, на водовороты, на тени от растущих вдоль берегов деревьев. Справа виднелся деревянный дом с длинной верандой, нависавшей над водой и подпертой балками. Рамы в ее окнах напоминали большие деревянные решетки с маленькими стеклышками, в которых отражалось солнце. Дальше река терялась за поворотом. Пахло водой, влажным песком и еще чем-то, что было трудно назвать. Может быть, так пахнет тень?

Потом они сидели в бело-зеленой лодке с черными просмоленными бортами под белой полоской. Края бортов и банки были зелеными. Несколько таких лодок стояло возле моста. Они были привязаны цепями к стволам деревьев. По реке плавало стадо гусей.

Зони нагнулся, поднял со дна у берега плоский камушек и пустил в сторону гусей блинчик. Камушек несколько раз отскочил от поверхности воды и утонул. Тогда все трое начали искать камушки и пускать блинчики. Лодка качалась, брошенные камушки отскакивали, прыгали над водой в брызгах разлетающихся в стороны капель, в солнечном свете. Гуси уплыли.

Перевод Никиты Кузнецова

---

1. Слова, выделенные курсивом, — по-русски в тексте. — Пер.
2. Она думает, что мы утонем. (нем.)

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В недавно изданной книге стихов Антония Павляка я нашел поэму под заголовком «Гробовой вальс», в которой содержится призыв: «Храни меня / от того, чтобы каждый день доказывать / что я мужчина / доказывать свою польскость / свое католичество пусть мою память / не измеряют могилами героев». Напрасные мольбы. В помещенном в приложении к «Жечпосполитой» интервью под заголовком «Польша глазами лакеев» («ПлюсМинус», 2013, №8) профессор Анджей Новак, до недавнего времени главный редактор ежеквартальника «Arcana» (лат. «Загадки, тайны»), заявляет:

«Сегодня значительная часть представленной в СМИ элиты, не имея ни малейшего представления о польской истории, о наследии польской культуры, трактует польскость как курьез и убеждает людей, которых это телевидение «воспитывает», отбросить польскость. Что останется? Высокая польская культура? Ничего подобного. Останется примитивизм и хамство, сужение горизонтов. Сегодня отход от преданности польской культуре связывается с потоком варварства, с отходом от культуры в целом, от элементарного воспитания. Мы отбрасываем возможность дальнейшего культурного роста и говорим: нет, это нас уже не трогает. (...) Если нас ничто не сдерживает, то первенствуют исключительно наши, мои потребности, которые следует удовлетворить сейчас, немедленно».

Это не значит, что следует отказаться от критической позиции, но она должна быть выдержана в надлежащей форме:

«Польскость не раз критиковали изнутри, очень часто такая критика опиралась на слова Стефана Жеромского, что следует беречь раны, иначе они «затянутся коркой подлости». Такая критика по-прежнему нужна, нужны споры с Польшей тех, для кого она что-то ценное, собственное (общее) достояние. Если же кто-то критикует польскую традицию потому, что себя с нею не идентифицирует, а хочет лишь возвыситься над этим «полячеством», о котором говорит с пренебрежением, — тогда мы имеем дело не с полезной критикой, а с надменным хамством. Это явление можно сравнить с вездесущей сегодня в СМИ критикой католической Церкви. Посмотрите, сколько

голосов в этом хоре принадлежит людям, которые открыто декларируют, что они не католики, или, не заявляя того официально, своими публичными действиями это несомненно доказывают: презируют христианство, но выступают в роли «почтительно озабоченных» положением и судьбами Церкви. Только вот в случае критики польскости мы всё чаще имеем дело с теми, кто нападает на нее уже без какой-либо озабоченности, исключительно с пренебрежением и желанием ее унижить, а самим возвыситься. (...) Необходимо заботиться о том, чтобы нам вместе было лучше, о нашем достоинстве. Такая забота может выразиться, например, в форме хозяйственного патриотизма. (...) Необходимость действовать так, чтобы польскость была фактором соревновательности, ибо она не барьер, а шанс улучшить свою карьеру, — это открытие, которое будет совершать всё большее число прекрасно образованных поляков. (...) Нет выхода из польскости в наднациональные корпорации, в «мир», в котором уже нет национальностей. Потому что такого мира нет. Национальная идентификация действует всё время, и выигрывают те, кто ее сохраняет, кто с гордостью и чувством долга ее поддерживает».

Но вот что-то не вяжется у профессора Новака с многонациональными общностями. Обращаясь к опыту Первой Речи Посполитой, он приводит латинскую формулу Станислава Ожеховского, который определял себя как «gente Roxolanus, natione Polonus», и довольно своевольно ее переводит: «русин по рождению, принадлежащий польской политической нации». Это, деликатно говоря, переводческая натяжка: ни о какой «политической нации» в XVI веке тот же Ожеховский ничего не мог сказать, поскольку такого понятия тогда не было как такового. Политизация национального — открытие, сделанное двумя веками позже, о чем историк, пожалуй, должен знать. Иначе он сказал бы о королеве Ядвиге, что она «из Анжуйской династии, но по политической национальности поляка», что звучит откровенно глупо. Но именно на политическое самосознание делает Новак особое ударение. Почему? Потому, что у нас проблема с европейским самосознанием поляков. Новак глаголет:

«Сегодня, конечно, никто в здравом уме не может вести речь о построении европейского национального самосознания, ибо нет европейской нации — и в обозримом будущем наверняка не будет. В лучшем случае можно соединить гордость польской традицией с чувством принадлежности европейской культуре. Подчеркну — культуре».

Евросоюз, по Новаку, — нечто преходящее, так как после периода формирования подобных структур всегда проявляются дезинтеграционные процессы, чего следует ожидать и в данном случае. А одновременно следует обратить внимание на то, что когда, с одной стороны, не может быть и речи о европейском самосознании, то с другой — мы встречаемся с возрождением локальности:

«Взглянем на народную культуру. В маленьких городках Австрии, Германии, Чехии, Италии процветают различные мероприятия, связанные с местными традициями и особенностями, жители гордятся своей локальной культурой, художественными коллективами. Они не только не видят в этом ничего «курьезного», а считают поводом для гордости. Чем интенсивнее эта региональная жизнь — не противостоящая национальному центру, но его обогащающая, — тем она более развитая, более зрелая».

Но всегда ли уж такая «не противостоящая» национальному центру? А что тогда означает стремление к автономии в Шотландии и Уэльсе, или в Каталонии и Стране Басков, или у нас в Силезии, или, наконец, в Северной Италии? Разве не ставится под сомнение единство Бельгии? Но, как я понимаю, для Новака самое главное — этот вот «национальный центр», некое нередуцируемое ядро польскости, общее для всех поляков. Только кто его очертит и определит? Анджей Новак? Конечно же, не поэт Ярослав Марек Рымкевич, который в свое время утверждал, что максимальная концентрация польскости — на его письменном столе на вилле в Миланувке и который Польшу Мицкевича противопоставлял Польше Кохановского. Нет полной ясности и с этим «национальным центром». Но есть повод для беспокойства, потому что и в самом деле в Чехии локальность возрождается, а в Польше, по Новаку, с этим хуже:

«У нас же с 1989 г. массовая культура — телевизионные центры и формирующая общественное мнение пресса — преподносит впечатляющие уроки позора, безобразия, похоти и блуда, словно мы глядим на великого человека глазами его камердинера, который не понимает его масштаба, а видит какие-то слабости и мелочи, которые не должны бы перечеркивать его достижений».

Когда я это читал, мне вспомнилась шумиха, поднятая коммунистической пропагандой году так в 1968-м, когда раздались националистические окрики по адресу писателей и художников, которых называли «пасквильантами» (в частности Гомбровича, Брандыса, Мрожека): они, дескать, нападают на нашу прекрасную романтическую традицию и в

целом глумятся над величиим польской истории. И тогда в какой-нибудь «Трибуне люду» можно было прочесть то, что сегодня заявляет Новак: «Это «воспитание» собирает сегодня свою жатву, потому что подавляющее большинство людей, выросших в Третьей Речи Посполитой, не имеют никакого представления о польской истории и польской культуре».

Новак также объясняет: «Семейные корни у абсолютного большинства поляков — в польской деревне. Крестьяне двести лет назад, а зачастую и сто, не были сознательными поляками». Это правда, и не удивительно, что по этому вопросу выступил историк идей и исследователь русской философии Анджей Валицкий. Его очерк «Вечный народ. Так ли?» опубликован в «Газете выборчей» (2013, №46/). Автор обращается к выводам книги Михала Лучевского «Вечный народ. Поляк и католик в Жмёнцехе», ставшей плодом исследовательской работы в прикарпатской деревне.

«Автор, — пишет Валицкий, — претендует на создание новой, «интегральной» теории нации, учитывающей принципы трех других: примордиалистической, этносимволической (культура) и инструменталистско-конструктивистской. В каждой он видит небольшую долю правоты и большую односторонность. «Примордиализм» он определяет как концепцию вечности нации, нравственности нации (т.е. нации как монополиста морали) и ее монолитности. Он отдает себе отчет, что этот взгляд повсеместно отвергнут: в серьезной литературе не приняты даже слова о «пробуждении» нации, ибо это предполагает, что нация, созданная Богом, существовала, предвечная, но в состоянии сна. Общепринят тезис, что нации появились довольно поздно, обычно их формирование связывают с процессами, вызванными Французской революцией».

Валицкий пишет далее: «Польская нация в Жмёнцехе стала формироваться лишь сто лет назад. До того были «императорские» крестьяне, ненавидевшие поляков, боявшиеся их, защищавшиеся от них с самой безоглядной жестокостью — Галицийская резня! Сегодня, однако, эти крестьяне убеждены, что поляками они были всегда, что национальная принадлежность — условие морали и что народ «бессмертен». Так что они «национальны» в примордиалистическом смысле. По мнению автора, это значит, что среди них победила «примордиалистическая» концепция нации, то есть примордиализм — это не начало, а конечный результат процесса этногенеза. (...) Автор видит в этом свое теоретическое достижение, ставящее под сомнение

господствующие до сих пор убеждения, что процесс формирования нации имеет антифеодальный, эмансипационный характер, сообщает гражданственность «тутошним», преодолевает парохизм, становится возможен благодаря распространению печатного слова и школьного образования». Валицкий отмечает, что, согласно Лучевскому, «крестьяне обретали национальность не в процессе обретения гражданственности, а в процессе пробуждения в них этнически-религиозной «идентичности», отличавшей их от «чужих» (...). Инструментом обретения национальности стал католический клир, а патроном всего процесса — Жозеф де Местр, идеолог крайне консервативного католического традиционализма. То есть не лозунги Французской революции, а лозунги контрреволюционного католического ультрамонтанства».

Валицкий полемизирует с такой точкой зрения: «Описанный автором процесс «примордиализации» национально-этнической принадлежности — это, по сути дела, описание регресса, описание того, чего нельзя допустить под угрозой скатывания созидательного процесса в ловушку ксенофобской «идентитарной политики»». Это «политика» по самой своей сути антидемократическая, ибо «свой» должен голосовать за «своего», во имя идеала «только свои», не осуществляя никакого политического выбора. А если это католическая идентичность, то при этом возникает чувство абсолютной, трансцендентно вмененной истины. Нация становится по сути монополистом «морали», что исключает не только «чужих», но и всех, кто мыслит индивидуально и самостоятельно. В результате, пишет Валицкий, «если мы хотим сохранить в Польше позитивные коннотации самого слова «нация», следует как от огня бежать от связи его с ксенофобией и клерикальным традиционализмом».

Цитировавшиеся выше тексты вписываются в идущую уже несколько лет и всё более динамичную, а иногда уже и драматическую дискуссию на тему польского самосознания. Угрозу ему некоторые усматривают в весьма вольно трактуемой европейскости, размывающей польскость, при этом подчеркивая, что европейцы мы как минимум с X века, но это имеет «только» культурно-религиозное, а не политическое измерение; другие же видят угрозу в попытках создания поликультурных общностей, что в глобализирующемся мире тоже небезопасно и может привести к развитию в поляках некоего комплекса неполноценности. При этом два инструмента представляются наиболее эффективными в стремлении к сохранению народной гордости и своеобразия:

первый — это «историческая политика», второй — «идентитарная политика», при этом в обоих случаях, как часто бывает у идеологов, и той и другой «политике» вручаются флаги научности. Центром всех этих рассуждений и прений стало понятие нации — для одних предвечная сущность, конституированная в акте Божьего творения, неизменная и стремящаяся к абсолюту, воплощенный дух истории; для других — результат происходящих в течение тысячелетий социальных перемен, направление которых в новейшей истории определяет Французская революция, а ныне — либеральная евро-американская демократия.

В первой концепции нация — это безоговорочная ценность, превалирующая над индивидом, во втором — сам этот индивид, или, если кому-то угодно, человеческая личность, стоит в центре системы ценностей и в сознательном акте выбора определяет свою принадлежность к нации или, что тоже случается, вообще таковую принадлежность ставит под сомнение или не придает ей особого значения. Такие люди чаще всего вызывают подозрение. Вот, например, в интервью «Вядомостям литерацким» (2013, №1/), озаглавленном «Всё ближе революция», рок-певец Павел Кукиз критикует позицию польского премьер-министра:

«Это правительство руководствуется идеей глобализма, космополитизма, унификации. (...) Я отчасти понимаю, почему это так. Я живу в Опольской Силезии, знаю многих поляков из польско-немецких семей, знаю немцев, давно живущих в Польше. Поэтому я понимаю, что глава правительства, кашуб, может иметь довольно свободное отношение к вопросам патриотизма, национального интереса, национальной идентичности».

Кукиз словно и не заметил, что в правительстве Туска все-таки не все кашубы. А самым забавным в этом споре кажется тот факт, что две разные дефиниции нации не позволяют найти точек соприкосновения, которые привели бы к согласию. Хотя бы потому, что первая превозносит стоящую в едином строю нацию «превыше всего», как в первых строках виршей, бывших многие годы текстом немецкого гимна, тогда как другой группе ближе концепции нации как открытой общности, не столь жестко унифицированной и равной другим.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Американский поэт, переводчик и драматург Уильям Стенли Мервин (род. 1927) стал первым лауреатом Международной литературной премии имени Збигнева Херберта. Мервин считается одним из крупнейших американских поэтов второй половины XX века. Его стихи на польский язык переводили Юлия Хартвиг, Чеслав Милош, Артур Мендзыжецкий, Петр Соммер. Сам он — автор переводов поэзии Мандельштама и Неруды, «Песни о Роланде» и фрагментов «Божественной комедии» Данте. Лауреат получит награду (статуэтку и чек на 50 тыс. долларов) 3 июня 2013 г. в Театре Польском в Варшаве.

В восьмой раз будет присуждаться Центральноевропейская литературная премия «Ангелус». Выдвинута 41 книга. Большинство в этот раз — книги польских авторов, лишь десять принадлежат зарубежным писателям (среди них двое русских — Людмила Петрушевская и Константин Усенко). В числе польских кандидатов, в частности, Иоанна Батор («Темно, почти ночь»), Ежи Пильх («Дневник»), Казимеж Орлось («Дом под лютней»), Тадеуш Соболевский («Человек Мирон»), Кшиштоф Варга («Опилки»).

В середине августа жюри под председательством Натальи Горбаневской огласит список из 14 полуфиналистов, а в сентябре будут названы семь книг, вошедших в финальную группу. Победителя узнаем 19 октября на торжественной церемонии во Вроцлаве.

Малгожата Шейнерт (род. 1936) стала лауреатом премии репортеров. Почетная премия Польского клуба репортажа присуждена ей за совокупность писательских достижений в сфере литературы факта, с особым учетом изданных в последние годы книг «Черный сад», «Среди живых духов» и «Мы, владельцы Техаса». Ее «Дом черепахи», книга о Занзибаре, была в числе семи финалистов премии «Нике» 2012 года. Как отмечено в обосновании премии, «Малгожата Шейнерт — выдающаяся фигура польского репортажа, а ее творчество в значительной мере определило современный облик этого жанра. Дело не только в написанных ею отмеченных профессиональным мастерством и весьма значительных книгах, но также — благодаря просветительской работе, связанной с выполнявшимися в прошлом редакторскими обязанностями, — в оказании значительного влияния на

формирование целого поколения более молодых репортеров». В течение почти пятнадцати лет Шейнерт руководила в «Газете выборчей» отделом репортажа, многие замечательные молодые репортеры вышли из-под ее крыла.

Издательство «Велька литера» («Заглавная буква») анонсировало на апрель новый роман Ежи Пильха «Много демонов». Действие разворачивается в пятидесятые годы в Сигле в Тешинской Силезии. В книгах Пильха, родившегося в евангелической семье в Тешинской Силезии, постоянно присутствуют темы детства и семейных традиций. А также показываемая с неизменным юмором и самоиронией тема столкновения меньшинства с большинством, то есть польского протестантства с польским католичеством. Безусловно, новый роман обращается и к этому сюжету.

Настоящую сенсацию вызвало сообщение «Выдавництва литерацкого» о публикации интимного дневника Витольда Гомбровича под названием «Кронос». Автор «Трансатлантика» вел его почти до самой смерти. Первые записи относятся к 1953 г., последние — к 1969-му, что в целом совпадает со временем написания создававшегося как литературное произведение «Дневника», принесшего ему мировую славу. «“Кронос” — это несколько десятков исписанных страниц. Бухгалтерская запись событий, произошедших в каждом году, сексуальных отношений с женщинами и мужчинами, встреч, болезней, лечения, операций, — написали в «Газете выборчей» Павел Гозлинский и Малгожата Немчинская, которые уже держали в руках тайный дневник писателя. — Здесь нет литературного творчества, нет ни записей о борьбе с польскостью, с пошлым модным интеллектуализмом, ни борьбы за собственное величие. «Кронос» демонстративно антилитературен». Дневниковые записи Гомбровича будут сопровождаться специальным комментарием для разъяснения их разнородного контекста. Дата публикации еще неизвестна.

III Всемирный конгресс переводчиков польской литературы состоится в Кракове с 19 по 23 июня. О своем приезде сообщили свыше двухсот переводчиков польских книг на иностранные языки.

За последние десять лет переводческая программа «©POLAND» охватила свыше 1700 названий, вышло в свет около 1400 книг, издания ждут очередные 300. Всего выполнены переводы на 45 языков. В первой пятерке — переводы на немецкий, украинский, русский, чешский и французский языки.

Более всего переводимые польские авторы — это Чеслав Милош, Ольга Токарчук, Анджей Стасюк, Рышард Капустинский, Витольд Гомбрович. А также Анджей Сапковский, Збигнев Херберт, Марек Краевский, Тадеуш Ружевиц и Вислава Шимборская.

4 марта на торжественной церемонии в Национальном («Народовом») театре вручены «Орлы-2013» — польские кинематографические премии. Лучшим фильмом ушедшего года признана «Облава» режиссера Мартина Кшиштоловича. За лучшую режиссуру награжден Роман Полянский («Резня»). Мацей Штур получил «Орла» за лучшую мужскую роль («Последствие»). Премией за главную женскую роль отмечена Агнешка Гроховская («Без стыда»).

«Орел-2013» за достижения в творческой жизни присужден отмечавшей недавно 98 летие Дануте Шафлярской, одной из крупнейших фигур польского кино и театра. «Актриса являет блистательное мастерство, ее работа — это феноменальное послание», — сказал о Шафлярской министр культуры Богдан Здроевский.

Как киноактриса Шафлярская приобрела огромную популярность сразу после войны, сыграв в «Запрещенных песенках» (1946) и «Сокровище» (1948) — комедиях режиссера Леонарда Бучковского. Всего она выступила более чем в шестидесяти ролях в кино и примерно в ста — в театре.

Данута Шафлярская вместе с Янушем Гловацким стала также в нынешнем году лауреатом премии «Густав», присуждаемой Союзом артистов польских сцен в связи с Международным днем театра (27 марта). Премия была учреждена в честь Густава Холубека (1923–2008), одного из крупнейших польских художников второй половины XX века, актера, режиссера и педагога.

Данута Шафлярская получила ее за совокупность артистического творчества, а Януш Гловацкий — за драматургическое творчество и вклад в распространение польской культуры в мире. Он автор таких пьес, как «Замарашка», «Фортинбрас спился», «Охота на тараканов», «Антигона в Нью-Йорке», «Четвертая сестра». Его пьесы играют от Нью-Йорка до Сиднея, в Бонне и Праге, Варшаве, Москве, Петербурге, в Дагестане, Сеуле и Тайбэе.

11 марта Даниэль Ольбрыхский получил звание доктора honoris causa Опольского университета. Так он отмечен за многогранные образы и смелое слово в общественно важных

делах. Обосновывая присуждение звания, ректор Опольского университета профессор Станислав Ф. Ницея сказал, что Ольбрыхский — это актер, который умеет найти себя в каждом воплощении: «Его актерским мастерством свершилось то, что персонажи великой польской литературы обрели его лицо, темперамент, эмоциональность и красоту».

За более чем пятьдесят лет творческой работы на счету Ольбрыхского несколько сот ролей в театре и кино. Он работал с такими режиссерами, как Ежи Хофман, Кшиштоф Занусси, Кшиштоф Кеслёвский, Филип Байон, Клод Лелюш, Фолькер Шлёндорф, Никита Михалков. Он сыграл в десяти фильмах Анджея Вайды — в первый раз в 1965 году в «Пепле», в роли Рафала Ольбромского, а последняя его большая роль у Вайды — Гервазий в «Пане Тадеуше» (1999).

15 марта на экраны кинотеатров вышел фильм «Бачинский» режиссера Кордиана Пивоварского с Матеушем Костюкевичем в заглавной роли. Поэт Кшиштоф Камиль Бачинский погиб 23-летним на четвертый день Варшавского восстания. Его жизнь, любовь и смерть обросли легендой. Фильм о поэте не вызвал энтузиазма критики.

— Беллетризованный документ о Бачинском разменивает в медяки романтическую легенду о нем, ежеминутно оборачиваясь незапланированной пародией на миф о поэте, — пишет Бартош Стащишин на портале «Culture.pl». — В картине Пивоварского молодой поэт оказывается какой-то гротесковой фигурой. Аллергик-астматик, который рвется повоевать, но чье скверное здоровье препятствует героической судьбе, — это, право, смехотворно. Особенно когда режиссер показывает отряд партизан, копающих землянку на лесной поляне, и Бачинского, который декламацией своих стихов вдохновляет друзей трудиться еще сильнее.

Не нашел особенно добрых слов о фильме и Кшиштоф Варга. В фельетоне «Поэт из музея восковых фигур» он, в частности, пишет: «Бачинский в трактовке Пивоварского вообще не выходит за пределы схемы, известной нам еще со школы. Хуже того — фильм словно затемняет Бачинского-человека. Бачинский в картине словно бы и живой (до поры, разумеется), но с первых минут восковой, искусственный, а в целом фильм годится для репертуара школьного утренника — разве что авторы и нацеливались сварганить что-то из области культпросвета для школьной молодежи. Картина получилась, главным образом, для харцеров».

В конкурсной программе XIV Всепольского фестиваля режиссерского искусства «Интерпретация» в Катовице победу одержала Моника Стшемпка. Она получила «Лавры Конрада» и 30 тыс. злотых за постановку пьесы Павла Демирского «Во имя Якуба Ш.» (совместный проект варшавского Драматического театра и краковского театра «Лазня Нова»). Ей же достались и все остальные премии — журналистов, общественного жюри и премия публики. Спектакль, разоблачающий национальные изъяны поляков и комплексы, маскируемые мифом шляхетского происхождения, обращается к образу крестьянского вождя так называемой Галицийской резни 1846 г. Якуба Шели и напоминает, что в польском обществе у большинства корни крестьянские, а не феодально-помещичьи.

Один из членов жюри в заслугу Стшемпке поставил «создание оригинального, полностью органичного, выразительного театрального языка, бескомпромиссность в обращении к теме, создание театральной формы и современной, и в полной мере доступной публике, и свободной от режиссерского снобизма, — одним словом, искренность».

Дуэт Стшемпки и Демирского занимает высокие места в рейтингах популярности, ему отводят в нашем современном театре роль лидеров. Режиссер и драматург были лауреатами международного театрального фестиваля «Божественная комедия» в Кракове. В 2011 г. получили «Паспорт “Политики”».

Приз «Лавры Конрада» увековечивает фигуру выдающегося польского режиссера Конрада Свинарского (1929—1975), безвременно погибшего в авиационной катастрофе под Дамаском.

Режиссер Кшиштоф Варликовский получил 18 марта французский орден Литературы и Искусства. По мнению французских властей, его спектакли, такие как «(A)pollonia» и «Буря», порождают «восхищение, беспокойство, раздумья». Варликовский ставил спектакли в различных театрах Польши и за границей. С 1999 г. он постоянно сотрудничает с варшавским «Театром Розмаитости» (сегодня «ТР Варшава»). Он поставил там несколько нашумевших спектаклей, которые были приглашены на международные фестивали, в том числе в Авиньоне. В 2000 г. он поставил свою первую оперу в варшавском Большом театре — «The Music Programme» Роксаны Пануфник. С этого времени он ставит оперы на крупнейших сценах Европы. С 2008 г. Варликовский — художественный руководитель варшавского Нового театра.

В нынешнем году на XVII Пасхальном фестивале Людвига ван Бетховена, прошедшем 17–29 марта в Национальной филармонии в Варшаве, наряду с великими сочинениями XIX века прозвучала также музыка века двадцатого. Одним из главных пунктов программы стали камерные концерты всемирно прославленных коллективов — лондонского «Belcea Quartet», венского «Artis Quartet» и «Tokyo String Quartet». Японские музыканты исполнили струнные квартеты Йозефа Гайдна, Белы Бартока и Франца Шуберта. По случаю приходящихся на нынешний год юбилеев Витольда Лютославского (столетие), Генрика Миколая Гурецкого и Кшиштофа Пендерецкого, а также Джузеппе Верди и Рихарда Вагнера состоялось несколько концертов, посвященных их творчеству.

В цикле «Неизвестные оперы» была представлена опера Верди «Симон Боканегра», в первоначальной редакции поставленная в 1857 году. Отмечающий в нынешнем году восьмидесятилетие Кшиштоф Пендерецкий выступил как дирижер и композитор. На заключительном концерте фестиваля под его управлением была исполнена «Messa da Requiem» Джузеппе Верди.

Во Вроцлаве — событие: первый раз в Польше показаны испанские королевские собрания. Во вроцлавском Национальном музее на выставке «От Краха до Пикассо. Сантандерская коллекция» представлены преимущественно работы испанских художников от позднего Средневековья до современности.

В экспозицию, включающую свыше шестидесяти произведений, вошли, в частности, картины Краха Старшего, Эль Греко, Сурбарана, Ван Дейка, Рубенса, Тинторетто, Пикассо и Миро. Показаны также две работы великих скульпторов — Альберто Санчеса и Эдуардо Чильиды.

Выставку во Вроцлаве можно посетить до 6 июня.

Картина маслом «Ночные приключения Яна Ольбрахта с Каллимахом» кисти Яна Матейко, самого известного польского исторического живописца, была продана за миллион злотых 17 марта в аукционном доме «Агра-Арт» в Варшаве. Полотно, изображающее любовное свидание польского короля с краковской мещанкой, известно также под названием «Неудачное ухаживание Ольбрахта» (влюбленный властитель был ранен соперником). Произведение приобрел некий зарубежный коллекционер. Стартовая цена составляла полмиллиона злотых. Картина с жанровой сценой кисти Яна Матейко (1838–1893) на польском рынке искусства редкость. В

течение последних двадцати лет на аукционах выставлялось лишь около десяти произведений художника, в большинстве своем портреты.

Прощания

12 марта в Кракове в возрасте 83 лет скончался Марек Скварницкий, поэт, прозаик, публицист, переводчик, друг Папы Иоанна Павла II.

Скварницкий дебютировал в 1951 г. на страницах «Тыgodника повшехного», в 1958–1989 входил в редакцию этого издания, а с 1962 г. был также членом редакции журнала «Знак». Свои статьи подписывал чаще всего псевдонимом Сподек. Был автором книг «Иоанн Павел II и мой Милош», соавтором, вместе с Адамом Буяком, альбома «Тайны Святой земли». Издал более десяти поэтических сборников.

Совершил с папой Иоанном Павлом II как редактор «Тыgodника повшехного», аккредитованный при пресс-бюро Ватикана, пять межконтинентальных (в Мексику, на Филиппины, в Японию, Канаду и Австралию) и пять европейских поездок. Из изданной в 2005 г. книги «Приветствую и благословляю» (сборника писем Иоанна Павла II Мареку Скварницкому) стало известно, что последний в течение многих лет был своего рода советником Кароля Войтылы в литературных вопросах. Скварницкий также помогал Папе в работе над окончательной редакцией «Римского триптиха» и написал послесловие к польскому изданию поэмы (2003).

СЛУЖИТЕЛЬ И ДРУГ ФИЛОСОФИИ

Выдающийся польский философ Кшиштоф Михальский был баловнем судьбы, и эту свою миссию полностью оправдал. С первых шагов в философии, которую, можно сказать, принял из рук крупнейших философов нашего времени Лешека Колаковского, Юзефа Тишнера, Ганса-Георга Гадамера, Иоанна Павла II, он стал пропагандистом и исследователем западной философии, а через нее — в широком смысле проблем культуры, богословия, взаимодействия интеллектуальной мысли, в чем так нуждалась современная Европа, которая преодолевала политический раскол. Разносторонний ученый, он много сил и энергии отдавал тому, чтобы найти и сплотить единомышленников. Благодаря его неутомимой деятельности по сей день существует Институт человека в Вене — крупнейший центр гуманитарных исследований.

Мы рады, что главные труды К.Михальского — книги о Хайдеггере, Гуссерле и Ницше — вышли и на русском языке. Они позволили нам увидеть пласт философской культуры, ориентированный на глубину внутреннего опыта человека и отличающийся по языку, терминологии, понятийному аппарату, наконец, по типу мышления, расширить наше представление о прочтении современной мысли.

Она привлекает читателя своей неподдельной искренностью и драматизмом восприятия человеческой судьбы, верой в ее предопределенность. Кто мог знать, что выход русского перевода этой книги совпадет с безвременной кончиной ее автора?

Он прожил не так долго, однако успел оставить по себе труды, которые для нас и для многих читателей являются залогом его присутствия в нашей жизни.

Светлая ему память.

Переводчики Елена Твердислова, Ольга Лешкова

Директор издательства Францисканцев Игорь Баранов

Директор издательства Московского университета Алла Матвеева

*Научные редакторы и консультанты Иван Лупандин, Евгений
Рашковский*

*Библиограф и редактор-организатор Станислав Сиесс-
Кшишковский (Краков)*

ИСПОВЕДЬ ИЛИ НАУЧНЫЙ ТРАКТАТ?

Имя Фридриха Ницше (1844–1890) давно стало нарицательным, но по сей день его творчество — многослойное, неоднозначное и вместе с тем целостное — остается у нас недостаточно прочитанным: одни видят в нем протест и отрицание, другие — символику и непознанную глубину. Были времена, когда его идеи и установки выглядели устаревшими и банальными. Но даже растасканные на ходячие слова и выражения, напоминающие политические лозунги, они, тем не менее, доказывают обратное: здесь зарыто зерно истины. Его влияние на интеллектуальные умы, власть над ними, может поспорить с Наполеоном и Фрейдом — их мощное воздействие выдержало целое столетие. Великий философ, сложная и глубоко трагичная личность с так и не проясненным до конца происхождением: поляк или немец? Кто не пытался «вычислить» факты его жизни из судьбы Леверкюна — «Доктора Фаустуса» Томаса Манна? Тяжелое, коварное заболевание, душевный недуг... Он знал толк в болезни, умел разгадывать ее как никто другой, управлял творческими стихиями, литературу подчинял философии, а умствование — художественному вымыслу, жонглируя ими, как мячиками, создавая, будто шутя, непревзойденный фон из человеческих слабостей. Ницше объединил всё сказанное отточенной и четко выстроенной (в простоте его языка никогда не было упрощенности) мыслью как фразой, высоко подняв философский дискурс над человеческой жизнью, точно радуго над рекой.

Философствуют все, но «у одного философствуют его недостатки, у другого — его богатства и силы. Первый нуждается в своей философии, как нуждаются в поддержке, успокоении, лекарстве, избавлении, превозношении, самоотчуждении; у последнего она лишь красивая роскошь, в лучшем случае — сладострастие торжествующей благодарности, которая в конце концов должна космическими прописными буквами вписываться в небо понятий», — так писал Ницше в «Веселой науке»^[1], будто с себя самого.

«Пламень вечности: Эссе о мысли Фридриха Ницше» — третья книга польского философа Кшиштофа Михальского, вышедшая

по-русски, что представляется весьма логичным, ибо до некоторой степени она завершает предпринятый автором много лет назад анализ немецкой философии первой половины XX века (правда, в обратном хронологическом порядке): сначала был Хайдеггер с его концепцией бытия^[2], далее — Гуссерль и его концепция времени^[3], и наконец — приближаясь к истоку, «назад к вещам», — Михальский обратился к Ницше, его главным, по его собственному признанию, понятиям, прежде всего — к понятию вечного возвращения. Мысль Ницше, подчеркивает Михальский, «организована в единое целое через понятие вечности»^[4]. Но подход его достаточно своеобразен: он исходит не из философии, применительно к человеческой жизни, а из прямо противоположного ракурса — его интересует человеческая жизнь сквозь призму воззрений Ницше.

По мнению Михальского, Ницше — философ для всех, не только избранных, он не просто побуждал отказываться от сложившихся представлений о культуре, жизни, человеке, давно ставших стереотипами, но подвергал сомнению устоявшиеся философские категории, взрывал целые религиозные пласты, обострив совесть, чуткость, способность к реагированию и скрывающиеся за ними язык, природу, историю, облекая всё единой оболочкой духа.

В любом его взгляде на жизнь, человека, его систему оценок ощутимо присутствие Библии, прошлого — заката, который никогда не заканчивается, даже если уйдет в ночь: будет новый восход, и настанет день, и снова будет закат. Отсюда своеобразие его метафорического мышления, пронизанного любимой им Библией в переводе Лютера, а также составленного тем же Лютером сборника церковных гимнов со знаменитым песнопением «Бог умер» — на литургии в Великую пятницу. Ницше вывернул этот возглас наизнанку. Нет Бога, и Его уход — бесконечный, как вечное возвращение, — стал контрапунктом всего им написанного, его мироощущения.

По-разному можно истолковывать Ницше; Михальский избирает самый верный и самый сложный путь — поиска адекватности, как музыкант, который способен транспонировать музыку композитора в любую тональность, переложить на другие инструменты, усовершенствовать оркестровку, например сделать инструментовку для фортепьянных сочинений или, собрав все силы, энергию, технику, исполнить задуманное автором по-своему, но в его гармонии. Как ни странно, именно такой подход строгого

следования оригиналу позволяет каждому, прикоснувшись к тому, о чем говорил немецкий философ, открыть себя, что ярко демонстрирует Михальский, который держится перед Ницше, а потому и перед читателем, непредвзято, предельно открыто и честно. Главная цель — не модернизация Ницше и уж тем более не его очередное развенчание, а желание «очистить» его мысли, образы и речь от наслоений предвзятости, заглянуть в глубину. Другое дело — что за этим скрывается для самого Михальского, ибо любое обнажение, тем более рецептивное, — это и обнажение самого себя.

Исповедальность стиля непривычна, не сразу замечаешь, что она пришла на смену иронии и сарказму, ибо мало кто почувствовал подмену, будто личностное начало — прожитый этап, оттого оно — как возвращение к самому себе — болезненно, неясно и воспринимается с непривычной обостренностью. Обращаться к прошлому (как, впрочем, и смотреть в будущее) не менее рискованно, чем жить, ибо это и есть жизнь, если принимать ее так, как это предлагает — вслед за Ницше — Михальский: одно целое, ежеминутно, ежесекундно — жизнь и смерть, поиск и отказ, разрыв и радость нового открытия. Время не дробится на мгновения и не состоит из них, мгновение — вне привычной линейной напряженности, то, что не «расслоилось на время» — на знакомые нам прошлое, настоящее и будущее.

В отличие от большинства современных философов, которые пишут исключительно для специалистов, сложившимся «птичьим языком», понятным лишь «авгурам» — и это есть знак причастности, более того, для многих в этом заключено свое очарование, — Михальский нацелен не на умствования, а на то, чтобы понять жизнь, ибо что есть любая наука сама по себе, вне соотнесенности с жизнью? Полная бессмыслица, набор правил для внутреннего пользования. И он прав: вне жизни нет ничего. Человек полагает, что знает себя и с этой «колокольни» взирает на свою жизнь, а получается прямо противоположное: он жизни не знает, ибо себя не знает. Без себя, своего личного участия, жизни просто нет.

Книга Михальского включает девять эссе, каждое из которых отражает ту или иную грань мысли Ницше, их драматичность подчеркивается самим названием: «Время идет, ребенок играет», «Вечная любовь», «Смерть Бога»... В главе-эссе «Пламень вечности» воспоминания живо воссоздают картину игры детей в парке: их ребяческая невинность, открытость и даже беспечность вызывают ассоциацию с игрой Адама и Евы в раю, да так оно, наверное, и есть, ибо любое детство — рай, а

взросление, с чего начинается память, обозначено его утратой. Изгнание из рая — первое столкновение со временем, познание «было». «Жизнь, — излагает Михальский мысли Ницше, — не только процесс непрерывного изменения вещей, но это еще и процесс непрерывного изменения их смысла...» (Пламень вечности. С.30) и точно также исток, причина и функция подлежат изменениям. Может быть, это и есть время? То, что не стоит на месте и постоянно напоминает: «время близко»? Что это значит, если не знать Иоанна Богослова и его Откровения? Какое время? Разве время может приближаться или удаляться? Получается, что человек не только не знает жизни, но он и времени не знает — единственной категории, которая всё измеряет. Что значит — время близко? Время подошло к своему концу, обозначив эсхатологию, границу бытия, или определило новое начало? Как в этом свете понимать апокалипсис — как конец концов или как «будущее, которое совершается сегодня»? Предельное сближение разнополярных понятий сродни удару электрическим током: сразу наступает ясность: только так — взрывной волной — можно преодолеть очевидную радость, привычное благодушие, навязчивое желание радости и покоя.

Не случайно со страниц книги Михальского о Ницше веет одиночеством и тоской — состоянием души, которого современный человек всячески избегает, предлагая для этого какие угодно лекарства и хитроумные средства. Михальский эту «неизлечимую болезнь» (именно так определяет жизнь Ницше), «незаживающую рану», не лечит и от нее не бежит. Ушат холодной воды на голову: бодрствуй, смотри, наблюдай — действуй! Словно снимает с размышлений о жизни, излишне привычных и до банальности избитых, — как с кипящего бульона снимают пену — коросту из понятий и терминов, наполняя их своим содержанием, придавая им новый смысл и звучание, порой уточняя, а то и делая надрезы — как хирург, который должен быть предельно внимательным, чтобы вскрыть нужную область, попасть в правильное место, — четко и вместе с тем осторожно, делая свои выводы предметом для рассуждений, которые обращены ко всем.

Ныне мало кто решится на исповедальность — подлинную, глубинную, уходящую своими истоками к традиции блаженного Августина, тем более во весь голос и опираясь на прочное философское основание, балансируя между личностным повествованием и научным трактатом. В стилистическом (а стиль — это мышление) рисунке Михальского заметна не только серьезная богословская подготовка, без которой нет философской риторики, но и

пустота нашего времени, серые будни Европы с ее погоней за радостями бытия, карьеризмом, самодовольством и успокоенностью, питающей самоуверенность. Не скрывать усталости от фальши и показного благополучия, от неприкаянности интеллектуальной энергии, которой на самом-то деле нет выхода, — в конце концов, без подобных размышлений о жизни и человеке спокойно можно было бы обойтись, зарабатывать на хорошее — с достатком — существование, не забывать про бедных и с сознанием выполненного долга ложиться спать. Большая загадка — почему Михальский (даже его портрет на суперобложке не подсказывает) предпочел этот труд: нравственный, мучительно откровенный, подразумевающий абсолютную непредвзятость, заставляющий вслушиваться в душевную тишину, погружаться в нее? Потому и читать его — не меньшее напряжение, побуждающее постоянно сглатывать комки в горле, сразу не объяснить, откуда волнение: тут говорит, по-видимому, не только память о том, что не повторится, не одна лишь неудовлетворенность достигнутым, свойственная всякому интеллигентному человеку — с хорошим воспитанием и манерами, но и таинственная, необъяснимая и неукротимая сила, которая заставляет человека оставаться человеком в тех условиях, где об этом вроде бы и речь не идет, в ситуации, которая, казалось бы, сама на тебя работает, не благодушествовать, а даже наоборот — своей позицией, воспринимаемой порой, как высокомерная, даже, может быть, наживать себе врагов. И вопреки нескрываемой порой скуке (мол, тоже мне Байрон!) продолжать жить и действовать согласно однажды пробудившемуся импульсу: чтобы не пресытиться, не погрязнуть, не погибнуть. Один из немногих, кто своим жизненным опытом доказывает, что существуют более высокие вещи, чем востребованность — социальная, профессиональная, служебная.

Парадоксальность мысли Ницше по-своему высвечивает и парадоксальность позиции Михальского: профессор Варшавского и Бостонского университетов, директор Института человека в Вене, руководство которым принял непосредственно из рук Ганса-Георга Гадамера — это вместе с ним и с Юзефом Тишнером, ставшим к тому времени знаменитым польским философом, своим старшим (и ближайшим!) другом, памяти которого посвящена книга, создавался Институт, получивший благословение Папы Иоанна Павла II... Казалось бы, Михальскому, которому больше пристали светские приемы и встречи в кругу европейской интеллектуальной элиты, сподручнее и привычнее было бы обсуждать политические, религиозные, но в целом светские

вопросы, появляться не в научных библиотеках, а в салонах, в непременном смокинге с бабочкой, а он вдруг взял да и предпочел, избрав в провожатые Ницше (как когда-то Данте — Вергилия), спуститься в самые темные закоулки человеческой души, вооружившись даже не факелом, а настоящим огнем, этим «пламенем вечности», который все вокруг не только освещает, а сжигает, делая более выпуклым и зримым собственное бытие, которое он рассматривает как сугубо частный случай: таким для Левинаса является смерть.

Ныне, когда привычной стала игра в смерть — в фильмах, телесериалах, инсталляциях, разного рода гаданиях, когда даже в некоторых религиозных ответвлениях умерший мир — архив (небесный), куда допускаются живые, для обращения к смерти в научном и реалистическом плане, в рамках не выдуманной, а существующей действительности, обнажающей нерв, вопреки тому, что человечество любыми способами силится его спрятать, надобна отвага. И скидки на возраст не сделаешь: заставляет размышлять об уходе.

Однако, если философская концепция Левинаса, его «поэма о Другом» порождена трагедией, перевернувшей сознание миллионов людей, его растерянность и поиск подлинной истины после фашистского концлагеря и Катастрофы, пережитых лично, побудили по-новому взглянуть не только на мироустройство, но и на его интерпретацию, Михальский вроде бы далек от такого рода жизненных потрясений, его мир не знает потерь и разрушений подобного масштаба (и слава Богу!); возникает вопрос, откуда в нем — откуда вообще в человеке — потребность, причем настоящая, искать и пробиваться к подлинному, настоящему, глубинному — тому, что спокон веку называлось человеческой сутью и не позволяло дух перевести? Невзирая на устроенность, материальное благополучие и отсутствие страха за завтрашний день?

Более того, создается впечатление, что предыдущие книги Михальского — о Гуссерле и Хайдеггере — писал другой человек: образованный, с достаточной долей любопытства и интереса к тому, что делается за пределами твоей родной истории, языка, науки, но без личного участия. На каком-то этапе — а книга о Ницше создавалась исподволь и публиковалась отдельными статьями-эссе, вызывая нескрываемое удивление и поражая открытиями — прежде всего в научно-философском мире, — жизнь как понятие экзистенциальное и жизнь как понятие сугубо научное стали сближаться, пока не слились в одно целое, в котором уже

трудно различить мир умозрительных построений и душевной боли.

Не случайно автором избрана форма эссе, позволяющая быть откровенным, избегать «дурной» философичности, наукообразности, предоставляющая максимум творческой свободы — даже в том, что Ницше звучит в переводе Михальского, и это мы по возможности постарались сохранить, приведя в сносках те же цитаты из наличествующих русских переводов. Сразу следует подчеркнуть: перевод Михальского во многом носит интерпретационный характер, он не претендует на то, чтобы дать улучшенный вариант Ницше, — сохраняя «польского» Ницше, мы прежде всего исходили из того, чтобы было ясно: здесь звучит именно голос Михальского, а не Ницше как такового. В определенной степени «стиль» Михальского продиктован выбранным им эссеистическим жанром. Отсюда «обыденность» слов и понятий, только жизнь — которую начинаешь постигать перед лицом смерти; любовь — которая сильна как смерть; время — которое становится «физиологическим» понятием, ибо его измерение — тело... А «вечность» — характеристика нашей жизни в ее физической, материальной и телесной реальности. Следовательно, вечная жизнь — наша повседневность. Любопытна острая наблюдательность автора по поводу того, как нынешний современник поднаторел в поиске способов остановить время (на ум сразу приходят всякого рода пилинги, лазерное омоложение кожи, плазмолифтинг лица, мезотерапия и биоревитализация, не забыть и про фитнес-клубы!), не перечислить всех средств, число и разнообразие которых растет для тех, перед кем замаячил уход, старение, увядание (а ведь именно тогда приходит мудрость!).

Лексическая заземленность языка Михальского совершенно естественна: рассуждения о жизни и смерти, о любви и вечности, о добре и зле, о мире и войне, детстве и старости — отражают желание автора (идущее, разумеется, от Ницше) повернуть человека лицом к себе, начиная с себя самого, что усиливает искренность тона, будто Михальский пишет письмо единомышленнику (не статьи-эссе, а некие послания), и вместе с тем, при всем отсутствии специфически философской семантики, текст каким-то таинственным образом превращается в сугубо научный.

Михальский не ведет диалога с Ницше — их слишком многое разделяет, скорее такой разговор можно было бы назвать беседой, не полемизирует с ницшеанцами, обладая собственным позицией, чувствительностью и тем, что у

поляков называется «кожей», а мы переводим как «оболочка». Его право на личный взгляд — право каждого. Но не каждый согласится принести в жертву философской истине себя, свою память, тот родничок, который имеется у младенцев и который, выходит, не у всех зарастает, постоянно заставляя того, кто им обладает, идти на риск, то есть жить полнокровно и действенно. Для Михальского так жил Христос, а потому и умирал — в полном одиночестве, на кресте. Философ не задаётся вопросом, почему так случилось? Он воспринимает это как суть жизни, нашей, сегодняшней, в которой должна быть эта готовность быть распятым. Не соболезнает и не сопереживает, а живет со всем своим внутренним багажом, ничего не перекладывая на чужие плечи: «Я знаю, что нормально мыслящий человек не должен бояться смерти. Но это не значит, что я, Кшиштоф Михальский (или скорее даже — Кшись Михальский?), перестал бояться смерти» (Пламень вечности. С.66), потому что смерть — не то, что можно «понять», есть границы, за которые ни ум, ни интуиция, ни мистика человеческого воображения не переступают. И Михальский здесь вполне сознательно останавливается — на краю пропасти, как это делал Ницше, повисая над ней. Смерть касается нас лично, но весь трагизм заключен в том, что без смерти и нас нет. Смерть оказывается самой личной характеристикой нашего бытия.

Если мысли о смерти преследовали Ницше, это можно объяснить тем, что он был тяжело и безнадежно больным человеком, сильно страдал физически. Рассуждения Михальского о смерти носят совсем другой характер: он полон энергии, ведет огромную научную, преподавательскую и организационную работу, известен в мире, но что-то заставляет его стучаться туда, куда еще не прорубили дверь, искать не только вход, но и выход. Ибо именно перспектива смерти придает жизни, которой живешь, новое измерение, безысходность открывает врата к свободе. Всё, о чем пишет Михальский, — предельно свободное повествование, каким бывает высказывание уже осмысленное, пережитое, в некотором роде окончательное (на данном этапе), будто на какое-то мгновение он перешел черту или каким-то чудом ему открылось то, что в нас пока дремлет, словно умерший друг не ушел, а остался с ним, соединив таким образом через него, мир наш — с тем, потусторонним.

У Ницше, замечает Михальский, часто можно встретить тезис, что существует нечто такое, что не поддается изменению, а иными словами — «бесконечность времени». Вообще рассуждения Михальского о времени — тема особая и требует

отдельного рассмотрения, можно сказать, что ее изучению он посвятил всю научную жизнь, его сделав краеугольным камнем своей философии. Отсюда интерес Михальского к главным метафорам жизни: течение реки (время), ветер (дух), огонь (становление). Тут нет ни подмены понятий, ни некой взаимозаменяемости. Все вместе они позволяют Михальскому сделать вывод о человеке (доказав справедливость тезиса Ницше о сверхчеловеке) как существе, которое должно быть преодолено. Жизнь горит как огонь, любовь — палящее чувство. Этому подчинена вся его манера высказывания, когда мысль долгое время будто тлеет, постепенно разгорается и вдруг, вспыхнув, выбрасывается из нутра, как из чрева земли огонь... И даже композиция: не случайно последнее, девятое эссе «Ненасытное желание следующих мгновений», — самое большое: такое впечатление, что набрал мощи для сильного огня, если не сказать пожара, пламень вечности.

Безусловно, «Пламень вечности» — книга по-своему новаторская в формулировке сущности жизни и понимании человека. Воззрения автора — не комментарии к Ницше, а иное прочтение, иной разворот, поиск той линзы, которая наводит на резкость. Его признание, как сдержанный крик, раздается, будто из пропасти, — сохраняя привкус горечи, без чего не познать радости жизни. Здесь «диалектика» проста и легко доступна: жизнь/смерть — одно и то же, но при единственном условии: наличии постоянного душевного напряжения. Тогда мгновения растягиваются на века, а века исчезают «во мгновенье ока» (1 Кор 15:52).

Есть еще одна особенность размышлений Михальского: человек привык к спрессованности своего бытия, этому подчиняется бешеный ритм современного рабочего дня, после которого ты — как выжатый лимон, скорость машин и самолетов, да и любой техники, особенно компьютерной, развернувшей невиданную доселе энергию: разве можно было раньше в таком бешеном темпе писать, как это позволяет теперь компьютер? Отсюда спрессованность мысли, мироощущения, восприятия себя во времени — как метафора слитности прошлого, настоящего и будущего в едином потоке, воды которого не разделить. Но это не только метафора — это точно подмеченный именно сегодняшний облик жизни, вполне реалистическая картина — «непостижимая скорость бытия», которая пришла на смену кундеровской «непостижимой легкости бытия»,

Беседы Михальского с Ницше могут многому научить: умению проникать вглубь чужой мысли, продолжать ее — договаривая

и достраивая ее за автора, которому она могла надоесть, и он ее бросил (во всяком случае, такое впечатление оставляют некоторые сцены из самой, пожалуй, знаменитой у нас книги «Так говорил Заратустра»). В его интонациях нет ни резкости спора, ни дидактики увещаний. Русские переводы сочинений Ницше создают подчас впечатление, что афористичность должна быть почему-то выпрессованной и пафосной (бросается в глаза, как похож «наш» Ницше, а еще точнее — Заратустра, на любимшего высокопарно изъясняться горьковского Сатина из «На дне»). Исключение, пожалуй, — переводы А.В.Михайлова: образец точности и правильности русского языка, причем такого языка, в котором звучит музыкальная стихия Ницше, да и сам немецкий язык. Жаль, что А.В.Михайлов оставил нам только перевод «Антихристианина» из всего наследия Ницше: разнообразного, неподражаемого и, как показывает наше время, — неиссякаемого.

Наглядное тому доказательство — работа Кшиштофа Михальского.

Приношу мою искреннюю и глубокую благодарность всем, кто помогал мне — советом, подсказками, участвовал вместе со мной в поисках цитат и сносок.

Это прежде всего: Игорь Баранов (Москва), Алексей Беликов (Москва), Ирина Быстрова (Москва), Томас Вайлер (Карлсруэ), Дина Гусейнова (Лондон), Валентина Завьялова (Москва), Ольга Лешкова (Москва), Бенъямин Палофф (Принстон), Евгений Рашковский (Москва), Данута Сиесс-Кшишковская (Краков), Наталья Соловьева (Москва), Надежда Трубкина (Элиста).

-
1. Ницше Ф. Веселая наука (la gaya scienza). Пер. К.А.Свасьяна. // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. С.491. М.: Мысль, 1990. (Литературные памятники).
  2. Michalski K. Heidegger i filozofia współczesna. Warszawa, PIW, 1978.
  3. Michalski K. Logika i czas. Próba analizy Husserlowskiej teorii sensu. Warszawa, PIW, 1988. Эти книги, вышедшие по-русски, см.: Михальский К. Логика и время: Опыт анализа теории смысла Гуссерля; Хайдеггер и современная философия. Пер. с польского Е.С.Твердисловой. М.: Территория будущего., 2010. (Серия философия. Университетская библиотека Александра Погорельского).
  4. Михальский К. Пламень вечности. Девять эссе о мысли Фридриха Ницше. М.: Изд-во МГУ, 2012.

МОИ ВСТРЕЧИ С ПОЛЬШЕЙ

«ЗДЕСЬ НЕ ЛЮБЯТ РУССКИЙ ЯЗЫК»

В восьмидесятые годы, когда возникло движение «Солидарность», Польшу изолировали от СССР. О происходящем там мы могли узнавать из газет «Трибуна люду» и «Жолнеж вольности», продававшихся в московских киосках. Я отслужил в армии и поступил на факультет журналистики МГУ. Студентам международного отделения журфака нужно было выбрать второй обязательный язык соцстраны. В 1987 г. самым популярным был сербохорватский. Но мама сказала: «Конечно, польский!» Я оказался единственным человеком с международного отделения, выбравшим польский язык. К этому моменту моих однокурсников, не служивших в армии, призвали послужить родине, и курс оголился. Чтобы преподавателю не пришлось заниматься с одним человеком, ко мне добавили шесть девушек с общесоюзного отделения.

Как ни странно, польский язык давался мне тяжело. Особенно грамматика, падежи, местоимения, окончания. Читать было проще, чем говорить. Выручало меня то, что на память знал много польских песенок, особенно Яремы Стемповского и Станислава Гжесюка. Но преподавательница польского языка Виктория Яковлевна Тихомирова настаивала: «На одних песенках не вылезете!» — и ставила тройки, приговаривая: «Польский язык — всегда кусок хлеба с маслом». Преподавательница английского языка сочувствовала мне и непедагогично утверждала: «Не слушайте ее. Кормить вас будет английский». На самом деле она оказалась права.

В Советском Союзе бурлила перестройка. Ярузельский приехал в Москву и попросил Горбачева возобновить студенческий обмен, прерванный в 1980 г., когда в ПНР поднялось движение «Солидарность» и в СССР испугались «польской заразы». В сентябре 1988 г. мы поехали на преддипломную практику в Варшаву. Девчонки, естественно, сразу занялись любимым занятием русских женщин, а именно поисками иностранных мужей. И меня презрели по понятным причинам: я уже был женат. Бродил по дождливой и холодной Варшаве в надежде прибиться к какой-нибудь компании или обществу. Иногда попадал на всякие студенческие сборища. Новые знакомые смеялись над моим польским языком. Порой приключались со мной странные казусы и происходили странные стечения

обстоятельств. Например, соседкой по общежитию была молодая аспирантка Главной школы планирования и статистики Ирина Ясина. Мы даже ходили с ней на спектакль в театр-кабаре «Сирена» на Литевской. Сейчас она знаменитая общественная деятельница, но тогда весьма увлекалась Польшей.

При получении студенческого билета, а это было очень важно для транспортных льгот, я решил подарить девушке, выписывавшей мне документ, шоколадку «Вдохновение». Маленький сувенир из Москвы был с благодарностью принят. Но старшие коллеги («колежанки») польской девушки, находившиеся в комнате, наблюдали за происходящим без одобрения. Через несколько часов мои русские однокурсницы, получавшие студенческие билеты после меня, вручили мне эту шоколадку обратно и злорадно добавили: «Тебе просили передать, что в Польше так не принято. Здесь не дарят шоколадки».

Основной точкой, куда мы ходили без конца, был телефонный переговорный пункт на Центральном вокзале. Однажды я был свидетелем такой сцены: стоявший у окошка африканец спросил по-польски, сколько стоит позвонить в Париж

Он сказал : Ile kosztuje zadzwonić do Paryżu? (Сколько стоит позвонить в Париж?)

Телефонистка ответила: «Trzysta pięćdziesiąt pięć».

Африканец (по-русски), совершенно не понимая, что он услышал в ответ: «Скоко-скоко?»

Стоящий за африканцем поляк произнес: «Здесь не нужно говорить по-русски. Здесь очень не любят русский язык».

Третьим стою я, и всё это наблюдаю и выслушиваю. «Bardzo miło!»

Однажды на вокзале увидел Леха Валенсу в окружении тележурналистов. Он приехал готовиться к переговорам с коммунистами о «круглом столе.» Тогда же он произнес знаменитую фразу о том, что поляков интересует не «круглый стол», а обильно заставленный продуктами. Валенса был в меховой кепке и отличался округлостью лица. Знаменитые усы не позволяли усомниться, кто перед вами. Правда, понять, что он говорит, было довольно трудно. Язык его был очень просторечным.

Варшавский университет поразил тем, что на его территорию милиции нельзя было заходить без разрешения ректора. Вскоре после приезда нас собрал советник по безопасности посольства СССР. Первая фраза, которую он произнес, запомнилась на всю жизнь: «Некоторые из наших соотечественников ведут себя так, как будто в Бельведере до сих пор сидит не президент братской Народной Польши, а великий князь Константин!» Затем советник по безопасности стал предостерегать нас от излишней близости к студенческим демонстрациям и особенно от того, чтобы поднимать на улице листовки с протестами против властей. Но именно это и интересовало меня больше всего: политическая жизнь Польши в это время бурлила и клочотала.

Август 1988-го был отмечен новыми забастовками. Поляки требовали перемен. Ходить на лекции от нас не требовалось, а определенные нам в руководители польские профессора особенно нами не интересовались. Поэтому мы в основном следили за развитием политической ситуации, а развивалась она драматично, дело шло к перемене строя через переговоры «круглого стола».

Стипендия, которую нам выплачивали, была ничтожна. Давали карточки на мясо, но вместо мяса в магазинах лежали одни кости. Приходилось торговать черной икрой, доставленной контрабандно из Москвы. На нее был большой спрос. В Москве же был спрос на эротику из Польши. Один российский журналист, тогда народный депутат, а ныне главный редактор крупной еженедельной газеты, приехав в Варшаву, заявил мне: «Когда вернешься в Москву, привези мне календарь с голой бабой». Это дело в Варшаве было найти несложно. Рассчитывая получить работу, я исправно выполнил его просьбу, но знаменитый журналист лениво поблагодарил меня и отправил восвояси.

Тему дипломной работы долго выбрать не мог. Мне всё время хотелось совместить несовместимое. Быть в Польше и в то же время сохранить мою американскую специализацию, которую я имел на каждом курсе журфака. В Варшаву прилетел декан факультета журналистики Ясен Николаевич Засурский, который пожелал встретиться со своими студентами. Вопреки тому, что мне говорили, будто бы Засурский относится к Польше снисходительно и с некоторым предубеждением, он оказался весьма «подкованным» в польских делах. Первое, что они спросил, было: «Как вы считаете, существует ли антропологический тип поляка?» Я сразу сказал, что такой тип,

на мой взгляд, безусловно, существует — маленький подбородок и большой нос. Засурский засмеялся.

Затем он определил мне тему диплома: «Освещение газетой «Нью-Йорк таймс» событий в Польше и польско-американских отношений». Как это можно было сделать, не имея ежедневного доступа к «Нью-Йорк таймс», Засурский не объяснил. В итоге работу я все таки сварганил при помощи вырезок, полученных от родителей первой жены, работавших в США. Получилась работа ужасной. Теперь без слез и не взглянешь. Один из заголовков в редакционной статье в «Нью-Йорк таймс» полностью отражал происходящее в Польше в то время: «Спутник сходит с советской орбиты». Следовало этот подход критиковать, но изощренности мне не хватало. С моей точки зрения, освещение крупнейшей американской газетой событий в Польше было точным и компетентным, именно сползание с советской орбиты и происходило, но в Советском Союзе не отдавали себе отчета в том, что времена Варшавского договора и «Единого и могучего» сочтены. И вслух об этом говорить еще было нельзя.

Популярными журналистскими развлечениями в Варшаве того времени были пресс-конференции Ежи Урбана. Там можно было встретить журналистов из разных стран. В том числе и русских, и американцев, и англичан, и немцев. Одним из первых, с кем я познакомился, был корреспондент ТАСС. Надо сказать, что Телеграфное агентство Советского Союза было очень важной частью информационной жизни в доинтернетные и доперестроечные времена. Это был фильтр, который втягивал в себя абсолютно всю информацию со всего мира, а затем очень квалифицированно ее перераспределял в нужном идеологическом ключе. Что-то выходило на открытую ленту и попадало в печать, что-то переводилось на английский язык и уходило только для заграницы, а что-то и вовсе засекречивалось и попадало на стол самых важных начальников. Были также сообщения, обязательные к опубликованию в советских газетах. Отделение ТАСС в Варшаве было довольно большим и состояло из шести корреспондентов. Начиная с 1980 х советское руководство очень внимательно следило за происходящим в Польше. Сейчас это трудно себе представить.

Корреспонденты ТАСС были людьми весьма осведомленными и трудолюбивыми. Количество информации, которое они «переваривали» и «перелопачивали», было огромным. Ежедневные утренние обзоры печати, репортажи с событий и пресс-конференций, переводы отдельных статей из газет. Всё

шло в дело. Интересовали их и процессы, происходившие среди польской молодежи и студентов. Мой новый знакомый оказался человеком с большим чувством юмора, прекрасно говорил по-польски, был выпускником моей же альма-матер и даже когда-то жил в том же общежитии в Варшаве, что и я, на проспекте Жвирки и Вигуры, когда проходил преддипломную практику 10 лет назад. Он сразу предложил мне писать для ТАСС. Я охотно согласился.

Помню, написал репортаж о студенческой демонстрации перед университетом, поразившей меня до глубины души. Милиция не могла войти в ворота университета и через мегафоны увещевала студентов, которые сидели на решетке и бросали в милицию пакетами с кефиром и йогуртом. Когда я написал об этом заметку для ТАСС, шеф отделения вычеркнул упоминание о кефире и сказал: «Ты что, с ума сошел? У нас в стране люди давятся за кефиром в очередях, а ты решил написать, что поляки им в милицию кидаются. Подумают, что они зажрались там в этой Польше». Но текст выпустил, и он попал в молодежный вестник, т.е. в открытую печать.

Несмотря на то, что к моменту студенческой практики в Варшаве я уже отслужил в советской армии, только в Польше по-настоящему впервые выпил много водки. Первый опыт состоялся в общежитии, где обитали весьма своеобразные персонажи, сразу заявившие, что водка — главная основа польско-русской дружбы. Состоявшийся в общежитии чемпионат по перепиванию друг друга закончился плохо. Я еле-еле дотащился до своей комнаты. Употребление водки в компании тассовцев было более цивилизованным. Во-первых, водка была кошерной и прежде подвергалась высокой очистке (от нее не болела голова), а во-вторых, к ней была отличная закуска в виде легендарных польских соленых огурцов и сосисок из валютного магазина. Не то что в общежитии. В компании советских журналистов удавалось совместить приятное с полезным: поговорить о последних событиях и подкрепиться.

Как настоящий верноподданный 7 ноября я попал на прием в советское посольство по случаю годовщины октябрьской революции. Народу было очень много. Приглашенные стояли в очереди на лестнице, ожидая рукопожатия с послом. Мимо очереди будто бы незаметно прошел Мечислав Раковский — тогда он был вице-премьером. Это был легендарный человек: в СССР твердокаменные коммунисты его считали ренегатом. (Он стал последним первым секретарем ЦК ПОРП и распустил партию. В современной Польше его с некоторым преувеличением считают типичным коммунистическим

аппаратчиком). Меня поразила ужасная кожа у него на лице, словно покрытая буграми.

В отдельном зале вместе с послом СССР стояла группа генералов и с ней Ярузельский — прямой, словно аршин проглотил. Тогда-то я узнал про его специальный корсет. При выходе я увидел Ярузельского снова. Он сел в машину «Пежо» серо-зеленого защитного цвета. За ней стояла точно такая же машина охраны. Обе машины резко рванули с места и выскочили за ворота посольства СССР. Движение по улице Бельведерской в этот момент, естественно, остановили.

Примерно в это же время Ярузельский дал интервью Первому каналу советского телевидения («Останкино»), который принимался во всей Польше. Вел интервью Юрий Ульянов, работавший в Варшаве. Ю.Ульянов задавал вопросы по-русски, Ярузельский отвечал по-польски, как и полагается главе государства. К этому моменту Ярузельский уже признал, что его отец умер в сибирской ссылке и всю семью выслали из Виленского края на Алтай. Перестройка сняла ряд советских табу. Кое о чем можно было говорить вслух, хотя ответственность за катынский расстрел Горбачев еще не признал. Ульянов спросил: «Товарищ генерал, какой был самый важный урок, вынесенный вами из жизни в СССР?». Ярузельский неожиданно перешел на русский и заявил: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим». По этой фразе мне стало все ясно про этого человека трагической судьбы.

В варшавских книжных магазинах стали появляться книги про Вторую Речь Посполитую, про Польшу с 1918 по 1939 годы, про Пилсудского, продавались кассеты с песенками, прославлявшими времена независимости, «Легионы», «Мы первая бригада». 11 ноября 1988 г. я стал свидетелем массовой демонстрации по случаю 70 летия независимости Польши. (В ПНР этот день не отмечался). Через Старый Город, мимо кафедрального собора св. Иоанна двигалась огромная толпа под лозунгами и хоругвями. Люди пели. Но настроение было явно не праздничное, а скорее, трагическое, горестное. Всё это было совсем, совсем не похоже на тот образ Польши, который нам создавали в Советском Союзе. Это была другая страна, католическая, националистическая и весьма антисоветская. И ничто не могло ее заставить стать другой. К такому выводу я пришел, правда, не сразу.

В конце преддипломной практики мы с девчонками продали телевизор, купленный вскладчину в Москве, а деньги поделили. На выпускном экзамене по польскому языку мне поставили пятерку. В сумме с предыдущими тройками это давало

возможность поставить четверку в диплом. Польский лектор, принимавший экзамен, признался, что ему трудно поверить, будто перед ним один и тот же человек: я до поездки в Варшаву и после. Польский язык я освоил.

По возвращении из Польши продолжал следить за событиями, как тогда говорили, «за Бугом». Состоявшиеся в июне 1989 г. выборы в Сейм и Сенат принесли полное поражение коммунистам. Советская власть в Польше была сметена. В еженедельнике «Собеседник» вышел мой комментарий по поводу выборов, который скорее следовало назвать не комментарием, а перечислением случившегося. Но я был горд. Это был первый настоящий текст на международную тему, опубликованный под моей фамилией.

Я отправился на стажировку в Варшаву...

В тот год отделение ТАСС в Варшаве было многочисленным по составу и размещалось в здании бывшего торгпредства ГДР на алее Шуха, во дворе дома, где был магазин советской книги возле площади Люблинской унии. Это было, как потом оказалось, временное пристанище, которое ТАСС получил благодаря оборотистости одного из корреспондентов — Миши Малчуна, обладавшего немалыми способностями к бизнесу.

Когда после распада СССР в отделении Итар-ТАСС в Варшаве оказался лишь один корреспондент, он (или она) снова вернулся в темную квартирку на улице Литевской, которая в мои времена была квартирой шефа. Меня разместили неподалеку, в маленькой однокомнатной на Маршалковской. Жилище больше напоминало купе поезда, чем квартиру. По-польски такая квартира называется «кавалерка» (можно перевести как «холостячка» или холостяцкая). Там была небольшая газовая плита и душевая с унитазом с верхним бачком, дышавшим, что называется, на ладан. Этот-то бачок впоследствии и поставил крест на моей карьере в ТАСС.

Но я не обращал внимания на бытовую ограниченность и с удовольствием погрузился в работу, которая мне очень нравилась. Скажу даже так: вероятно, это был самый интересный период моей журналистской деятельности. Утром я писал текст, а вечером его зачитывали дикторы в программе «Время», и прямо говорили моими словами (Первый канал советского ТВ принимался «за Бугом», и мы его смотрели). В Польше уже шли реформы Бальцеровича, т.н. «шоковая терапия», а в Советском Союзе Горбачев всячески пытался эти реформы оттянуть и кивал в сторону Польши: «Вот, мол, смотрите: до чего довели страну эти шоковые терапевты». В то

время Польша вызывала неподдельный интерес в Москве, потому что все в глубине души понимали: СССР и Россия пойдут примерно тем же путем, на который уже встала Польша, сбросив с себя социализм.

Мне звонили друзья, недавние однокурсники, поступившие на работу кто в «Российскую газету», а кто в «Комсомольскую правду», и заказывали тексты. В газеты писал про визит Папы Римского в Польшу (в тот год он совершил две папские поездки на родину), про борьбу папы с абортами («Комсомольская правда» придумала заголовок: «Папа хочет всех сделать мамами»), писал про привычки Валенсы-президента, писал про борьбу Сейма и Валенсы, которая напоминала последующее столкновение Ельцина с Хасбулатовым. Дома слушал «Свободную Европу», где репортажи из перестроечной Москвы на прекрасном польском языке вела Даша Павлова-Сильванская.

Однажды мы отправились с моим польским приятелем, профессором факультета журналистики Варшавского университета Влодеком Глодовским в Гданьск, в его родной город. На пристани, возле знаменитого «журавля», увидели пришвартованную яхту, над которой развевался российский триколор. Тогда это было еще необычно. Обветренные и веселые яхтсмены сообщили нам, что пришли из Калининграда. Влодек назвал их пиратами.

При посещении Гданьска я всегда ходил в костел св. Бригиды, где прихожанином был Валенса. Этот раз не стал исключением. Был воскресный день, и ничто не предвещало сенсации, но неожиданно во дворе костела появился сам президент Польши Лех Валенса. И обратился к своим обожателям и поклонникам: «Братя, я спрашиваю вас, что мне делать с этим Сеймом?» — и его сторонники вскричали: «Разогнать этот контрактный сейм к чертовой матери!». А Валенса ответил: «Так и сделаю».

Тотчас же я позвонил в Варшаву шефу и рассказал об увиденном и услышанном. Это была сенсация. Если бы ТАСС передал эту новость первым, он бы обогнал все мировые агентства. Но шеф побоялся это сделать, подумал, что я перепутал или не понял что-то и не выпустил сообщения, пока не получил подтверждения с ленты польского агентства ПАП. Перестраховка была фирменным стилем советского агентства новостей, а мои привычки вызывали раздражение. И это раздражение моей прытью постепенно нарастало.

Больше всего шеф не хотел, чтобы я взял интервью у Ярузельского, который к этому моменту был уже в отставке. Он

чувствовал, что генерал вызывает у меня неподдельный интерес, и бил по живому, постоянно повторяя: «Если сунешься к генералу, — пожалеешь». Я возражал: «Ну почему?». «Потому что по статусу интервью с деятелем такого уровня могу делать только я», — настаивал шеф. «Но вы же никогда не пойдете к Ярузельскому», — не успокаивался я. «Если ты пойдешь к Ярузельскому, твоей карьере конец», — говорил шеф. Я не послушался шефа, но меня это не спасло. Моя карьера в ИноТАССе в конце-концов не заладилась. К слову сказать, всё-таки я сделал интервью с Ярузельским по прошествии 14 лет, в 2005 г., и оно было опубликовано в журнале «Профиль».

Затем я допустил еще одну ошибку. По воскресеньям иногда заходил в отделение, чтобы сделать дела, накопившиеся за неделю, на компьютере. Лэптопов тогда не было. Оказалось, что мои воскресные посещения отделения были большим промахом. В воскресенье в отделение было приходить нельзя, потому что в это время там работал шеф. И ему требовалось одиночество. Вообще-то он не работал там, а пил водку наедине с самим собой и очень опасался, что за этим занятием его кто-нибудь застукает. Такого рода комбинация мне по молодости лет даже не могла прийти в голову.

Он попал в Варшаву в 1987 г. после того, как долгое время был невыездным из-за досадной оплошности, допущенной им в разговоре с бельгийскими журналистами в бытность его зав. отделением ТАСС в Брюсселе в конце 1970-х. Не буду сейчас вдаваться в детали того, что с ним произошло, но по советским меркам это был крупный ляп. Допустил он этот ляп, потому что поддался эмоциям. Шефа быстро отозвали на родину. 10 лет, до самой перестройки, он просидел в Москве, что в немалой степени повлияло на его психическое состояние. Говорят, что в конце концов отстоял его сам С.А.Лосев. И ему предложили поехать в Варшаву. Он долго сомневался, а потом, по мере пребывания на берегах Вислы, абсолютно влюбился в Польшу (что, к слову сказать, часто случалось с советскими чиновниками, попадавшими на работу в ПНР).

Летом 1991 г. в Варшаву с официальным визитом прибыл вице-президент США Дэн Куэйл. Влиятельное американское польское лобби приложило руку к этому визиту: американско-польские отношения были на подъеме. (Достаточно сказать, что в том году американская компания «Пепсико» купила старейшую польскую кондитерскую фабрику «Ведель», а в центре Варшавы открылся роскошный отель «Мариотт»).

Возле одного из объектов, которые посещал Куэйл, стояла миловидная американская девушка из Госдепа и раздавала

журналистам то ли какие-то пресс-релизы, то ли полные тексты выступления вице-президента — тогда это еще практиковалось. Один из них достался мне. Шеф был немного удивлен, что мне удалось раздобыть такой документ. Но поскольку он был единственным корреспондентом, владевшим английским, то еще больше усомнился в моей способности эту бумагу перевести. После того как я справился с переводом и сделал из него сообщение ТАСС, а он проверил его и обнаружил только одну ошибку, мне показалось, что отношение его ко мне несколько улучшилось. Но расслабляться было преждевременно.

Третья и не последняя моя ошибка была вполне в духе строк Пастернака «но поражение от победы ты сам не должен отличать». За время моего пребывания в Варшаве редакция соцстран была ликвидирована, и ее европейская часть присоединилась к редакции Европы, а азиатская «ушла» в редакцию Азии. В редакции Европы были свои правила, и, в частности, в ходе ежедневных летучек объявлялись лучшие материалы, пришедшие за прошедший день из зарубежных отделений. В один прекрасный день мой материал о конверсии в Польше был объявлен лучшим. Вот это действительно был конец. Никто из шести корреспондентов, работавших в Варшаве, за многие годы не удостоивался такой похвалы. И вдруг какой-то мальчишка, стажер, признан лучшим. Шеф побежал в свою квартиру и позвонил руководителю редакции Европы, чтобы убедить его отменить решение. Он сказал, что текст не заслуживает высокой оценки, потому что в нем нет элементов репортажности, как было сказано в сопроводительной телеграмме, а скомпилирован по газетам. Вот уж действительно, «нам не надо предугадать, как слово наше отзовется».

Шеф ужасно не любил тратить государственные (подотчетные) деньги, и квартиры корреспондентов пребывали в запустении. В моей квартире ремонт не делался никогда. Не вдаваясь в детали, скажу так: однажды в мое отсутствие в квартире обрушился бачок над унитазом, и вода залила соседей снизу. Мобильных телефонов тогда не было, найти меня никто не мог. Шеф своим мощным телом выбил дверь, и мужики перекрыли воду. Каким-то чудом удалось избежать выплаты компенсации польским соседям. Это действительно стало финальной точкой в моей карьере тассовца. Но тогда я этого еще не знал и уповал на чудо.

АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ

В августе 1991 г. в Варшаву прибыл заведующий международным отделом ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин. По существующей традиции тассовцы должны были ловить каждое его слово, но соображать, «что давать, а что не давать». Фалин обсуждал финансовые дела с одним из лидеров преемницы ПОРП — польской социал-демократической партии Лешеком Миллером. На совещании в посольстве Фалин сказал: «Горбачев вышел из под контроля партии. Возможно, введение чрезвычайного положения стало бы не худшим выходом из сложившейся ситуации».

17 августа мы собрались вместе с Мишей Малчуном поехать на вещевой рынок, находившийся на бывшем стадионе в районе Прага, в восточной части польской столицы. Было раннее воскресное утро. Возле нашей подворотни — витрины магазина советской книги. Смотрю: какой-то человек, явно страдающий от похмелья, внимательно изучает витрины. Рассматривает книжки. Пригляделся к нему и я. Бог ты мой! Да это же Михник! Из подворотни выходит Малчун. Михник говорит ему: «Я давно знаю Петю. Петя сотрудничает с демократической печатью». Для тассовца это был не комплимент, а поцелуй политической смерти. Михник начинает уговаривать нас пойти выпить с ним пивка. Время — 8 утра. Мы не поддаемся. От огорчения Михник произносит забываемую фразу: «Вашего Горбачева ждут большие неприятности!»

19 августа мне выпало быть дежурным корреспондентом. Утром обнаружил на принтере огромный рулон, в конце которого была записка, гласившая: дежурному корреспонденту ТАСС подтвердить получение документов ГКЧП и проинформировать посольство. И подпись: Шишкин. Геннадий Аркадьевич Шишкин в советские времена был первым заместителем генерального директора ТАСС и считался всемогущим, а главное, активно пишущим начальником, что случалось не так уж часто. Он прошел путь от простого корреспондента до руководителя на шестом этаже и сидел в огромном кабинете под портретом Ленина. Теперь этот кабинет занимает Михаил Соломонович Гусман. Портрета Ленина, конечно, уже нет, но есть портреты М.С.Гусмана с Бушем-младшим и с Обамой. А кабинет уже не кажется таким большим.

Реакция корреспондентов ТАСС на заявления ГКЧП была разнообразной. Я услышал в телефон, как Малчун закричал из душа: «Это же путч!». Шеф же резюмировал просто: «Делай то, что тебе сказали. Подтверди получение документов и проинформируй посла». Дозвонился до Юрия Борисовича

Кашлева, и он торопливо проговорил: «Да, да... я уже знаю. Привезите всё в посольство. Вас встретят». Позже один из коллег-тассовцев мрачно сказал про ГКЧПистов: «Да, неумелые... То ли дело, как Ярузельский всё организовал в 1981 году. Вот у кого надо было им поучиться».

Но тогда мы еще не знали, чем всё это закончится, и внимательно наблюдали за происходящим, стараясь ничего не упустить. Когда польское агентство ПАП сообщило, что несмотря на действия ГКЧП советские войска продолжают плановый вывод войск из Польши, мы немедленно передали этот текст в Москву. Потом мне рассказывали американцы, что именно это сообщение стало доказательством несогласованности и неорганизованности действий ГКЧП. К вечеру 19-го возле посольства СССР началась демонстрация под лозунгом «Свободу Горбачеву!». В ней участвовал и Адам Михник, флегматично покуривавший свои любимые сигареты «Голуаз» без фильтра. Весь его вид словно говорил: «Мы же вас предупреждали».

Основным источником информации из Москвы было радио «Свобода» и вещавший оттуда Михаил Соколов. Нетрудно было просчитать, что если спецназ КГБ пойдет на штурм здания Белого дома, то Ельцину и его сторонникам — конец. Сейчас мало кто вспоминает этот ключевой момент августовских событий 1991 года. В голове у меня вертелась мелодия советской песенки: «Всё вернется, всё опять вернется...». Но ничего не вернулось. Когда всё закончилось, мы с Мишей Малчуном сделали большое интервью с Михником для «Эха планеты». Михник сказал по-русски: «Путчисты обосрались». И слово в слово это было напечатано в советском журнале.

Но не все радовались исходу событий в Москве. Жена Миши Малчуна Вера разговорилась с продавщицей в польском магазине, и та выразила ей сочувствие: «Да, не повезло вам. Теперь и вас отдадут в закабаленье к американцам, как отдали нас». Было и такое мнение среди поляков. Но, честно говоря, встречалось оно редко.

А мне пришло время возвращаться в Москву. По прибытии в ТАСС в сентябре я узнал, что после расформирования редакции соцстран штатной единицы для меня в редакции Европы не предусмотрено и мне следует перейти в редакцию союзной (внутриполитической информации). Делать этого очень не хотелось, в ТАССе начался массовый исход в агентство «Интерфакс», поднявшееся на волне демократических перемен. И тогда ответственный секретарь тассовского журнала «Эхо планеты» Юрий Павлович Певнев предложил

мне место комментатора в отделе культуры, науки и спорта с перспективой последующего перехода в редакцию Европы в «ЭП». В тот момент мне казалось, что жизнь и карьера журналиста-международника закончена. Оказалось, что она только-только начинается.

ДОМ В ДЕВЯТИНСКОМ

В кооперативном доме, где была квартира моих родителей, в Большом Девятинском переулке в Москве, жили и живут многие известные деятели советской культуры и искусства. Здесь живет художник Петр Оссовский, скульптор Александр Бурганов, жил скульптор Олег Комов. Иногда складывалось впечатление, будто люди, имеющие отношение ко всему польскому, подбираются вокруг словно нарочно. В действительности таких людей как-то неосознанно собирала вокруг моя мама. И умела находить их. Одним из соседей по Девятинскому был скульптор Виктор Вениаминович Белинков (а мама очень дружила с его женой Екатериной Михайловной) — по национальности он был поляк, говорил с сильным польским акцентом. И в основном делал канонические портреты Дзержинского для советских учреждений. Больше всего на свете он не любил Пилсудского. Он говорил: «Пилсудский — это фашист!» Причем говорил очень страстно и с запалом, будто полемизировал с кем-то. Мать его была старой коммунисткой, которую Пилсудский посадил в лагерь Береза-Картузская. Мать то ли бежала оттуда, то ли была передана в Советский Союз. Виктор закончил Ленинградскую академию художеств, учился у А.Т.Матвеева. Виктор Вениаминович был человеком очень болезненным, абсолютно глухим, ничего не слышал без слухового аппарата, но очень любил пообщаться. И тогда надевал свой слуховой аппарат.

Белинков выходил гулять на улицу со своей собачкой, которую звали Фафик, по образцу собачки профессора Филютека из комиксов в еженедельнике «Пшечруй». Помимо Дзержинского он лепил животных и портреты. Когда-то он преподавал скульптуру в Московской средней художественной школе и в отличие от большинства преподавателей умел научить своих подопечных ремеслу. Среди его учеников — замечательный современный российский скульптор Леонид Баранов. С некоторой запальчивостью Белинков говорил моей маме: «Петя должен быть только скульптором!» Он научил меня лепить скульптурные портреты, которые всегда начинались с каркаса, изготовленного из крестиков. Делать такие крестики и приделывать их к стойке Виктор Вениаминович меня и научил. Я и сейчас могу вылепить скульптурный портрет. Постепенно

от чтения польских газет и журналов Виктор Вениаминович перешел к чтению газеты «Советская Россия» и «Завтра», а меня это уже начинало раздражать. Впрочем, сейчас я понимаю, что это неизбежно для человека его поколения и воспитания.

Другим соседом по Девятинскому был писатель, переводчик, филолог Асар Эппель. Мама всегда показывала мне его и тихо говорила: «Это знаменитый переводчик польской литературы». Асар был самым ярким воплощением московского еврейского интеллектуала. Он всегда носил элегантные клетчатые кепочки и завязывал на шее щегольской платочек. В последние годы мы часто разговаривали «за жизнь» у подъезда в Девятинском, на приемах в различных посольствах, где и он и я бывали. Чаще всего в польском посольстве — у Асара было несколько польских орденов. Постоянно возникала тема Украины и страшного политического беспорядка, который там установился. Асар недоумевал, как же они со всем этим справятся? Он любил похвастаться своим знакомством с Иосифом Бродским.

Вместе с Ксенией Яковлевной Старосельской Эппель перевел на русский трилогию Генрика Сенкевича и поэзию другого польского Нобелевского лауреата по литературе Виславы Шимборской. Однажды я спросил Асара: «Вы же так любите Польшу, и вас там любят. Почему вы не купите квартиру где-нибудь в Кракове и не переедете туда из Девятинского переулка». Ответ был подкупающе прост: «Запомните: Польша — это одно большое еврейское кладбище». Некоторые крылатые выражения Асара останутся со мной навсегда. Когда Асара не стало в 2012 г., мне позвонила Веслава Скура-Ерофеева (человек, заслуживающий отдельного очерка), и я пошел на похороны. Возле гроба Асара стоял великий российский артист Сергей Юрский. Лицо его словно окаменело. Он выглядел абсолютно растерянным. Было видно, что он не играет.

В доме в Девятинском переулке живет моя давняя подруга Юля, которую ее муж Миша называет пани Похалецка. Асар Эппель называл ее «Юлька из Девятинского переюлька». Юля Похалецкая — художница и дочь замечательного скульптора-медальера Владимира Похалецкого. В 2007 г. мы вместе с Юлей и Мишей побывали в Гданьске и в Варшаве, чтобы посмотреть современную польскую монументальную скульптуру, в России практически неизвестную. Мы увидели памятник судостроителям возле судоверфи в Гданьске, монумент героям Монте-Кассино, созданный Густавом Землой, и памятник полякам, сосланным на Восток, на Мурановской улице в

Варшаве. Так я поделился с моими друзьями своей осведомленностью о польском искусстве.

ФРАСЫНЮК С НЕМЕЦКИМИ НОМЕРАМИ

— *Когда вы перебираетесь в Германию?*

— Я уже нахожусь там. У меня есть немецкое отделение моей фирмы, и я вижу, что для немцев я партнер, а для польского правительства — нет.

— *Когда на радиостанции ТОК FM вы сказали, что выезд в Германию не исключен, один из интернастов написал на сайте радио: «Если активисты “Солидарности” эмигрируют из этой демократической страны, то, видимо, наступает конец света!»*

— Жаль каждого польского предпринимателя, который решается на эмиграцию, но вопреки видимости этот этический кодекс ветерана «Солидарности» больше затрудняет жизнь, чем облегчает: из-за моей фамилии всё, что касается моей фирмы, в большей степени оказывается «под колпаком». Я не могу по-простому, по-народному дать даже маленькую взятку (смех), потому что передо мной встанет дух Бронека Геремека или зазвучат слова Тадеуша Мазовецкого: принципы, стандарты, образцы.

— *Вы уже 20 лет бизнесмен. Вы поздно сориентировались, что рынок — это жестокая игра.*

— Но я же могу играть, только почему с государством?

— *А как было на старте бизнеса?*

— Началось это в 1990 г., я отказался от штатной должности профсоюзника, пошел в политику, но одновременно задумался, на что я буду жить. Встретил о. Мацея Зембу и говорю ему, что дело это ненадежное: раз выберут, в другой раз нет, а жить-то надо. Земба говорит: «Учреди фирму, ты всегда столько толковал обо всяких грузовиках, так купи их и займись перевозками, ты в этом разбираешься».

— *Таким был дебют.*

— Потому что всю жизнь я был водителем-профсоюзником, хотя зачатки частной фирмы видел в «Трансбуде», в ПНР.

— *Не может быть. Она ведь государственная.*

— Там была фирма в фирме. Такая идеально организованная группа. Ее модель превосходно показала бы себя в рыночной экономике, потому что у них существовала дисциплина, мотивация, желание, деньги. С той лишь разницей, что всё краденое. Пришел однажды ко мне заправила этой группы и задает вопрос: «Владек, ты не стал бы ездить для нас?» — «Почему я?» — спрашиваю. — «Потому что ты не пьешь». И я ездил. А какая там была логистика! Ехал ты с кирпичом, а возвращался с газобетоном, никаких пустых рейсов. Вот и весь мой опыт с бизнесом. Ну, бывали еще поездки по свету, с Валенсой, когда в качестве современного рабочего мне приходилось говорить об экономике, что должен быть свободный рынок. Но что я мог знать о бизнесе?

— *Вдохновил вас о. Мацей Земба, а откуда деньги?*

— Нам одолжил Владислав Козубаль [швейцарский бизнесмен польского происхождения, в 1991–1993 гг. — президент футбольного клуба «Гурник» («Горняк») из Забже]. Он приехал в Польшу после падения коммуны, хотел делать бизнес. Я рассказал ему об идее насчет фирмы, а он в ответ: «Прекрасно, у меня есть в Швейцарии знакомый, купим грузовики». И вот едем мы вместе с ним и еще с одним коллегой, главой заводской профсоюзной комиссии «Солидарности», моим будущим компаньоном. Стоят автомобили как из кинофильма — разноцветные, сверкающие лаком, с этими клювами спереди, с трубами. Американские «кенворты». Мы берем два, десятилетние. Тот швейцарец, когда услышал, что мы из «Солидарности», так отдал их почти даром. Думал, что приехали какие-то придурки, так как эти грузовики были далеко не новые. Но из углеволока, из алюминия, ничего не ржавеет. Раздался вопрос: «Что вы собираетесь возить, когда у вас нет прицепов?» Тогда мы взяли два. Швейцарец спрашивает: на рессорах или на воздушных подушках? Мы чешем головы, потому что не знаем, о каких подушках речь. Берем на рессорах, думая, что если чего-нибудь случится, то мы сами всёотремонтируем. Малость глуповато, так как на те, которые с подушками, легче было бы получать деликатные грузы, например, связанные с электроникой или стеклом.

— *Какую фирму вы регистрировали? Акционерное общество? Совместное предприятие?*

— Адвокат из подполья учредил для нас ОАО, настолько сложное, что никто из нас до конца его не понимал, но адвокат убеждал, что это по-современному. Со временем оказалось, что даже у финансовых органов возникали проблемы, какие инструкции применять по отношению к нему. Лешек

Бальцерович, министр финансов, освобождал тогда от налога всякого, кто начинает деятельность. Нас это, однако, давило: как же так, мы ведь собираемся строить новое государство, за которое боролись, нам неловко. И мы не воспользовались льготой.

— *Шутите!*

— Вполне серьезно. Наши поступки были иррациональными, но тогда среди нас повсеместным было самоотождествление с государством. Уплату налогов мы рассматривали как элемент патриотизма, потому что нашу компанию создавали четыре человека, из которых двое после 13 декабря сидели в тюрьме, точнее говоря, я и Влодек Менкарский [активист «Солидарности» на заводе «Мостосталь», приговоренный в 82 м к трем годам тюрьмы за участие в забастовках]. Это было наше новое государство, так что мы начинали заниматься не только фирмой, но и политикой, я — на общенациональном уровне, а Менкарский — на местном.

— *А конкурентоспособность? Из-за этого налога вы становились более дорогостоящими.*

— Конкуренция, издержки, балансы, рационализация расходов — эти слова появились позже, когда я уже был близок к банкротству. Пока что у меня имелись два классных грузовика, а люди возле них фотографировались. Существовал спрос на подержанные автомобили, ну, так мы их пригоняли, завозили бэушные шины, милости просим. Рынок бедный, замученный — засасывал всё.

— *Прибыль была?*

— Маленькая, потому что издержки были большими, так что она шла в общий котел. Бывали такие месяцы, что мы ее делили не по вложенному труду, а по потребностям в доме. У кого имелись более ощутимые проблемы, тот получал больше. Ездили мы и на авансах тоже. Полная любительщина.

— *Кто был руководителем?*

— Не знаю. Наша фирма представляла собой такую новость, что я по сей день не знаю, кем я там был (смех). Никто в этом не смекал.

— *Вы вступили тогда в политику, участвовали в начале 90-х в создании гражданского движения «Демократическое действие», Демократической унии. Каким образом вы совмещали это с поездками на грузовике?*

— Совмещал, но не раз опаздывал в Варшаву. Помню, что проходило какое-то совещание, пожалуй, уже Демократической унии, в Аллеях Ерозолимских. Приезжаю, а Тадеуш Мазовецкий с претензиями: «Владек, так продолжаться не может. Где ты был?» — «Тадеуш, — говорю, — а ты знаешь, какие очереди на границах? Я простоял два дня». Но Мазовецкий отвечает: «Кончай с этими рабочими мифами, ты уже не водитель». Они думали, что я сочиняю, что эта фирма — какая-то сказка. После совещания со мной отправился во Вроцлав проф. Людвик Турко [физик, интернированный в период военного положения], который докладывал впоследствии Тадеушу: «Послушай, Владек действительно держит на стоянке возле Дворца культуры такой огромный грузовик, переодевается в нем, даже спит».

— Но фирма еле дышала. В 91-м вы попали, однако, в Сейм. Появилась депутатская зарплата.

— Да откуда, от зарплаты я отказался — в соответствии с принципом, что если ведешь экономическую деятельность, то ты не профессиональный депутат. Сотрудники Сейма убеждали, что в случае такого рода фирмы, где у меня нет трудового соглашения, мне полагается депутатская зарплата, но во всеобщем понимании я считался бизнесменом, и мне было неприлично. Спасали меня депутатские суточные, в пять раз меньше. В доме не было ни меня, ни денег. А поскольку в те времена никого не интересовал тахограф [устройство, регистрирующее рабочее время водителя], то можно было ездить и днем, и ночью, без отдыха. Помню, что на протяжении многих месяцев я каждую субботу после возвращения из парламента делал по два рейса в Познань, хотя в ПНР мы боролись за выходные по субботам.

— Тогда зачем эта фирма? Дома вас нет, доходов тоже нет, политикой занимались спустя рукава.

— Фирма давала свободу, а это высшая ценность. Рабочее место, причем собственное, деньги, маленькие, но тоже собственные, — всё это помогало строить чувство собственного достоинства. А в Сейме я был заинтересован в том, чтобы строить капитализм, но это по сей день идет нелегко и неочевидно, так как Сейм и тогда был, и сейчас в преобладающей части остается социалистическим. По-прежнему господствует убеждение, что предприниматель — то же самое, что вор. Помню тогдашний прессинг, что мне, мол, неэтично работать в комиссии по транспорту, коль скоро у меня своя фирма, — невзирая на то, что лишь немногие в этом деле понимали. В комиссию по здравоохранению входили врачи, по сельскому хозяйству —

крестьяне, по просвещению — учителя, но транспортник в комиссии по транспорту? Это уже слишком. Закон о международном транспорте я сделал из укрытия. Подготовил его совместно с частным бизнесом и неделями убеждал коллегу из Либерально-демократического конгресса, чтобы тот представлял его в парламенте, но под своей фамилией.

— Лоббирование на полную катушку! Сегодня вокруг этого возникла бы следственная комиссия.

— Такая паранойя продолжается до сих пор. Создается законодательство, но его не верифицируют у практиков.

— А тот закон прошел?

— Прошел. И действует по сей день, хотя и в обновленном виде. В ходе дебатов я ни разу не брал слова, чтобы не повредить делу, но всё равно разразилась буря. Подзывает меня Бронек Геремек и говорит: «Приходил сюда наш товарищ из «Солидарности», министр транспорта, и говорит, что ты подготовил закон под свои двести грузовиков».

Выходит, я, блин, сижу без зарплаты, потому как этический кодекс, с двумя грузовиками, с фирмой, близкой к банкротству, а министр бегал к Бронеку пожаловаться, так как в голове у него сидело только одно уравнение, что предприниматель — это вор.

— В сенат входили тогда Гавроник, Стоклоса, самые богатые люди в Польше. И не отказывались от зарплаты.

— Пригласил я их как-то на встречу. Говорю, что нам необходимо основать клуб предпринимателей, а то нас съедят, потому что держат за воров. Гавроник спрашивает: «Пан Владек, это правда, что вы не берете депутатскую зарплату?» — «Правда», — говорю. А он: «Никогда вы не будете богатым, за каждым пятью злотыми надо нагнуться».

— Гавроник ездит сегодня на велосипеде, с тюремным электронным браслетом. Против Стоклосы идет процесс о коррупции. Может быть, тот этический кодекс вас спас?

— Этический кодекс и профессионализм. Я, разумеется, могу, посмеиваясь, жаловаться на эти свои корни из «Солидарности», но стандарты требовалось развивать, это звучит во мне по сей день. Помню, как Мазовецкий проиграл президентские выборы Валенсе. Лех говорит: «Тадек, становись премьер-министром», — а Мазовецкий отказался. Тогда Валенса обратился ко мне: «Владек, возьми и скажи ему». Иду, а

Тадеуш отвечает: «Ну не могу я, потому что проиграл, а мы учим людей стандартам». Тем самым мое повседневное поведение должно было представлять собой элемент таких стандартов, и это распространялось на любую деятельность, в том числе и в бизнесе. Расскажу такой маленький забавный случай из начального периода в работе фирмы. Проверяю я счетчики в автомобилях и вижу, что они подкручены. Спрашиваю у моих водителей: зачем? Ну, как же, начальник, ведь с ними всегда мухлевали; если подкрутим, то выйдет больше, клиент больше заплатит за километраж, начальник этим попользуется, мы попользуемся. Они это понимали как благо фирмы. А я говорю, что так нельзя, что это мошенничество, что ПНР больше нет. Или же они сливают топливо на сторону и имеют меня на этом до сих пор (смех).

— А молодые? Вы, надо думать, берете на работу поколение, выросшее после ПНР?

— Но с ними то же самое.

— Как это?

— Это, видимо, генетическое. «Тем богата хата, что сворует тятя». Сидят перед телевизором, смотрят новости, а папаша, выдрессированный в ПНР, возможно, даже родом из «Солидарности», смотрит в этот телевизор, видит политиков и орет: «Да это ж, блин, сплошь ворье, нахапались, а мы тут горбатимся задарма».

Молодые слушают, качают головами... Нам предстоит на протяжении многих поколений учиться уважению к труду. Сегодня Трудовой кодекс больше благоприятствует работнику, чем работодателю. У меня нет права уволить того, кто не работает или работает плохо, а с моей фамилией меня порою загоняют в тупик. Однажды мы сориентировались, что часть водителей нас обманывает, пользуясь фальшивыми накладными. И я пришел к выводу, что в такой ситуации беспомощен.

— Не понимаю.

— Рассуждая логически, мне надлежит оповестить прокуратуру. Но, подай я заявление, и во времена таблоидов сразу попаду на первые страницы, как в советском анекдоте: неважно, ты украл или у тебя украли; важно, что у Фрасынюка крадут. Вы смеетесь, но после того, как у меня несколько лет назад посадили водителя, у которого под полуприцепом нашли

наркотики, мы ждали по стойке «смирно», когда появятся видеокамеры. Водитель, впрочем, оказался невиновным.

— *Этический кодекс, «Солидарность», Фрасынюк и дурь из Голландии.*

— А как же! Но те, что воровали, по-прежнему работают, им дали второй шанс.

— *Уже не ловчат?*

— Не в том деле, на котором я их застукал (смех). После этой ПНР должны умереть три поколения, а то в них закодировано: «нас используют, так и мы их».

— *Как это три? Я тоже? За что?*

— Раз я говорю «три», значит, три, хотя у меня есть сомнения, не четвертое ли тоже, потому что их портит нынешняя политика, особенно в варианте польских правых, которые закрепляют в последующих поколениях притязания на опеку.

— *Иначе говоря, этический кодекс «Солидарности» не пригодился в экономике свободного рынка.*

— Требуются долгие годы, чтобы выжили фирмы, которые апеллируют к этике, но в более краткой перспективе рентабельнее оказывается балансировать на границе права, сбегать в «серую зону». Я знаю фирмы, которые эффективнее, потому что бегут в этом направлении, все расчеты ведут под столом. По этой причине у меня есть претензия к государству: оно трактует меня несерьезно, так как посредством плохого законодательства и чудовищной бюрократии толкает к этому.

Мазовецкий внушал мне: «Надо учить стандартам». Ну, хорошо, но недавно я говорю ему: «Почему ты поддерживаешь Туска, у него нет никакого перспективного представления». Туск заставляет меня лавировать, привлекать юридические канцелярии, платить за поиски законодательных дыр. Эта страна — вне сомнения, не для мелких и средних предпринимателей, которые, насколько я помню, создают наибольшее число рабочих мест, а скорее для юристов, специализирующихся на так называемой налоговой оптимизации.

— *Примеры?*

— Вот вам еженедельник «Политика». Недавно он преобразовался из трудового кооператива в коммандитно-

акционерное общество. Зачем? Налоговая оптимизация. Это означает — заплатить меньше налогов. Мне тоже юридическая канцелярия уже два года советует учредить коммандитно-акционерное общество. Теперь меня облагают налогом дважды, а коммандитное позволит избежать этого. Если бы государство создавало прозрачные налоговые правила, никому не требовалось бы искать форточки и обходные пути.

Несколько лет назад правительство изменило принципы выплаты командировочных водителям, что повысило издержки транспортных фирм. Я сказал своим водителям: либо я вас уволю, либо учреждайте фирмы. Они: «Начальник, мы боимся». И говорят мне: «Вы, начальник, нас бросите, а если речь идет об этих командировочных, то рассчитывайтесь с нами по старым правилам».

— *Незаконно.*

— Разумеется, с нарушением закона, хотя об этом просили сами работающие. Или другой пример. Я хочу дать хорошему водителю 500 зл. дополнительной премии, но после уплаты страхового взноса и положенных налогов он получает 200 злотых. Мне стыдно, что я ему даю такие деньги, но государство забирает дань и вдобавок создает механизм, который заставляет думать, как бы это государство обмануть.

Или возьмем взаимоотношения бизнеса с финансовыми органами. Тот же самый принцип, что и в политике; другими словами, предприниматель — это вор или ловчила. А когда я учредил отделение в Германии, то случилась пропажа, потерялись фактуры, нас охватил чуть ли не смертельный страх, в итоге мы поднимаем тревогу и оповещаем тамошнее расчетное бюро. А они: «Спокойно, ничего не произошло, пропажа — это пропажа, бумаги потерялись, бывает». Безумцы? Нет, их налоговики ведут себя точно так же: «Спокойно, ничего не произошло, у вас есть право на ошибки». Предлагаю вообразить ту же самую ситуацию в Польше.

Другой немецкий пример. Мой сотрудник, которого я туда «сослал» вместе с семьей, говорит: «Начальник, там рай, они сами звонят даже из детского садика, всё устраивают, спрашивают, в чем помочь». Немецкое государство поддерживает развитие современных технологий. Или, скажем, я покупаю в Германии грузовики, отвечающие более высоким экологическим стандартам, — и за каждый могу получить возврат, 6 тыс. евро.

— *Не слишком это патриотично.*

— Если немецкое правительство ценит бизнес, то почему я должен поддерживать польское, которое этого не делает? Я не хочу, чтобы государство меня содержало — я хочу, чтобы оно трактовало меня как партнера — хотя бы в мелких жестах. Веду я беседу с предпринимателем из Голландии, а тот гордится, что платит высокие налоги. Сумасшедший? Нет. Каждый год он получает от министра финансов письмо с благодарностью и информацией, на что были предназначены налоги. Маленький жест, но партнерский. В Польше никто не скажет, что гордится этим, так как тот, у кого большие деньги, на всякий случай платит налог за границей. В Польше платит малый и средний бизнес, а также простой Ковальский.

Это всё мелкие дела, но есть и большие: образовательная система производит людей, которые не подготовлены к работе на предприятии. Школы не в состоянии научить практике функционирования, часто у молодых работников возникают проблемы с коллективными действиями. Как-то взял я на работу одну особу, только-только закончившую учебу со средним баллом выше 5, но вскоре оказалось, что теоретическая подготовка никак не соотносится с жизнью. Я ей дал совет поискать работу в госучреждении.

— *Но этический кодекс по-прежнему берет верх?*

— Однако это дорого обходится. Я привлек к работе хорошую юридическую канцелярию, поставил задачу: «налоговая оптимизация». На рынке продолжается жесткая борьба за клиента. Все урезают издержки. Я, к примеру, ищу способ, чтобы водители получали те же самые деньги или даже больше, но мне в то же время не хочется платить те виды дани, которые сдирает с меня государство. Коль скоро все так делают, а я с этим «этическим кодексом» получаю по заднице, то у меня нет выхода.

— *Вы — владелец фирмы. А есть ли у вас менеджерские кадры?*

— Уже давно я отказался от той любительщины, когда прибыли шли в один котел, а мы не знали, что это у нас за ОАО. У меня трудится сто человек, и за динамичное развитие я получил премию «Газель бизнеса». На примере моего президента я вижу, насколько важно хорошее образование и умение перенести его в практику. В этом году я решил дать ему новый служебный автомобиль. И — шок. В богатой Германии автомашины дешевле, чем в Польше. Им неизвестны польские патентованные приемы для автомобиля «с решеткой»^[1]. Фирменный есть фирменный, он означает возврат НДС. И что же? Если подсчитать, то выходит, что патриотизм обходится в

100 тыс. злотых, потому что, покупая и регистрируя автомобиль на немецкую фирму, я сэкономил именно столько.

— *Вы тоже ездите с немецкой регистрацией?*

— С польской.

— *Этический кодекс спасен.*

— Не до конца, потому что свой автомобиль я зарегистрировал как банковский фургон с целью иметь льготу (смех). В нем имеется специальный потайной сейф для перевозки наличности и ценных бумаг. Но я спрашиваю, почему государство не трактует меня всерьез. Создает подобные несуразицы и вынуждает людей ловчить. В какой-то момент я и сам размышлял, не зарегистрировать ли новую машину в Германии.

— *Фрасынюк с немецкими номерами? Ну и шум бы поднялся.*

— У меня где-то в голове сидело, что мне неловко поступать таким образом. И я не купил, хотя достиг бы большой экономии на одних только штрафах, потому что когда фоторадар вылавливает в Польше машину с немецкой регистрацией, то человек избегает штрафа. В этой сфере полицейские органы не сотрудничают.

— *А правила вы нарушаете?*

— Так же, как и все. Ездить в соответствии с правилами не получается, иначе для проезда через Польшу понадобилось бы два дня. В последнее время я слышу, что идет облава на Яцека Курского: мол, он пират, раз проехал Германию за пять часов. Едва только я уезжаю с польских дорог, как тоже выжимаю газ до упора. Пока водитель грузовика добирается до Варшавы, у него кончается рабочий день, а за это же самое время он проехал бы всю Германию. Средняя скорость в Европе — это 70 км в час, в Польше — немного выше 30 ти. Когда государство инвестирует в фоторадары, устанавливает знаки, ограничивающие скорость, а политик с озабоченным выражением лица говорит мне, что это в моих же интересах, я ему не верю. Попрошу вас подсчитать, насколько дороже становится из-за этого транспорт в Польше, а ведь это затраты, которые несет гражданин.

— *А дорожная полиция? Они вас узнают? Дают поблажку легенде подполья?*

— По-разному. Бывали такие, которые меня отпускали со словами: «Я за вами гонялся при военном положении, так что в свободной Польше прощаю». Есть и те, кто говорит: «Пан Владек, до чего ж это скучная работа — что ни выстрел, то попадание».

— *Вы взятки даете?*

— Один раз полицейский посреди ночи не узнал меня. Я ехал в майке, на расслабухе. Остановил он меня, смотрит и думает: фура служебная, внутри какой-то старикан. Вот он и спрашивает: «Так что, едешь в Варшаву за начальником и заложил за воротник, хер ты эдакий?» И дальше: «Ну, ладно, давай, дядя, сотенку, и дело закрыто». До того меня развеселил, что я ему дал. В другой раз вез я приятелей. Давил на всю катушку, меня остановили, узнали. Слышу, как один говорит второму: «Подожди-ка, ежели Фрасынюк крутит баранку, так кто же, блин, сидит сзади? Надо их отпустить, иначе будет скандал».

— *У вас есть из-за этого претензии к Туску?*

— Есть, потому что познакомился я с ним как с либералом. Когда его партия выпала из парламента, Демократическая уния пригласила их к себе, придя к выводу, что жалко, чтобы люди с либеральными взглядами оказались вне политики. Сегодня, когда я на него смотрю, мне вспоминается реклама шампуня для волос «два в одном» — с той разницей, что здесь мы имеем смесь мировоззренческого консерватизма с социальным популизмом.

— *Второе экспозе премьера носило заглавие «Важнее всего — простые люди».*

— Я понимаю, что это продолжение следующей философии: «Важнее всего для людей — горячая вода в кране». Чтобы усилить этот посыл, он предложил самый длинный в Европе отпуск по уходу за ребенком. Супер! — только как это соотносится с его же тезисом, выдвинутым в начале года, что Польша слишком бедна и что нам необходимо дольше работать. Сегодня он говорит молодым людям: вам нет нужды так много трудиться, потому что в польских реалиях подобный отпуск по уходу за ребенком плюс больничный лист во время беременности дают полтора года за счет налогоплательщика. А это ставит женщин в намного худшую рыночную ситуацию. Приведу пример. Женщина в моей фирме возвращается после материнского отпуска и чувствует, что она выпала с рынка, так как у нее наблюдается отставание в знаниях, в контактах, ее

мотивация снизилась. Передо мной стоит дилемма: уволить ту, которую я обучал, которая справляется, или молодую мать? У моей жены есть малая фирма. Если у нее две женщины уйдут в такой материнский отпуск по уходу за ребенком, то фирма рухнет. Мне кажется, что из уважения к женщинам и в эпоху кризиса необходимы эластичные формы занятости, чтобы женщина не теряла контакт с рынком труда.

— *Не будет страхового обложения мусорных договоров^[2], НДС следует рассчитывать более выгодным способом.*

— Я уже это слышал и, наверно, снова не дождусь.

— *Полиция получит больше денег, но вас это не обрадует, потому что они, видимо, получают также лучшие радары.*

— Тогда я всё-таки куплю тот автомобиль с немецкими номерами (смех).

Владислав Фрасынюк — род. в 1954, работал водителем автотранспортного предприятия во Вроцлаве. С 1980 в «Солидарности», стоял во главе забастовки во вроцлавском автопарке, член Всепольской комиссии «Солидарности», глава правления профсоюза в Нижней Силезии. После введения военного положения несколько месяцев скрывался. После ареста подвергался избиениям в тюрьме, был освобожден по амнистии. После 1989 состоял в Демократической унии, затем в Унии свободы (УС). Депутат сейма в 1991–2001. Без успеха участвовал в выборах президента Вроцлава. Возглавил Демократическую партию, возникшую из бывшей УС и отколовшейся части Союза левых демократических сил. В свободные минуты тренируется, занимаясь боксом. Владелец транспортной фирмы «Фрахт».

-
1. Речь идет о «переделке» легкового автомобиля в грузовой (с целью получения налоговых льгот) путем установки съемной решетчатой перегородки, как бы образующей в его кузове грузовой отсек и позволяющей отнести такую машину к числу грузовиков. — Пер.
  2. Мусорными называют в Польше трудовые договоры, заключаемые в соответствии с Гражданским, а не с Трудовым кодексом и не дающие работнику всей полноты прав.